

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 9

2019

ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Научно-практический журнал

№ 9 я 2019

Тематический выпуск:

ПРОБЛЕМЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ

**«Наша эпоха нуждается
в возрождении самой идеи
гениальности»**

Николай Александрович Бердяев

Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования

МОСКВА
2019

INSTITUT OF CONTINUOUS PROFESSIONAL EDUCATION

RUSSIAN ACADEMY OF NATURAL SCIENCES

PHILOSOPHICAL SCHOOL

Scientific and practical journal

№ 9 • 2019

Thematic issue:

PROBLEMS OF GENIUS

**«Our era needs a revival
of the idea of genius»**

Nikolai Alexandrovich Berdyaev

Publishing house
of Institute of Continuous Professional Education

Moscow
2019

МИССИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»:

объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в сфере сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

MISSION OF THE JOURNAL «PHILOSOPHICAL SCHOOL»:

uniting of authors who have themes for meaningful discourse, original research developments and problems for comprehensive discussion, reserve for philosophical inquiry and for comprehensive reflection of human and social being for the purpose of spiritual and moral perfecting of man through originative creative work in the matter of preserving and affirming the values of spiritual culture.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР (Москва, Россия).

Члены редакционного совета:

АНТИПОВ Сергей Сергеевич — кандидат философских наук (МВАК), академик Европейской академии естественных наук, первый проректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, сопредседатель попечительского совета Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, секретарь Правления Московской областной организации Союза писателей России (Москва, Россия).

ВЕНГЕРОВ Алексей Анатольевич — доктор технических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации (Москва, Россия).

ГЕРАСИМОВ Анатолий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского государственного гуманитарного университета, действительный член Академии военных наук (Москва, Россия)

ЕРОМАСОВА Александра Анатольевна — доктор философских наук, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии Сахалинского государственного университета (Южно-Сахалинск, Россия).

ИВАНИЦКАЯ Лида Владимировна — кандидат технических наук, первый вице-президент и главный учёный секретарь Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

КРЕЙС Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии сухопутных войск Министерства обороны Российской Федерации (Москва, Россия).

ЛАПИН Николай Иванович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН (Москва, Россия).

ЛЕВИН Элизабета — доктор физико-математических наук, темпоролог, член ISST (International Society for the Study of Time), член Союза литераторов Европы, ведущая раздела темпорологии в Институте Интегративных Исследований (IRI) (Хайфа, Израиль).

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, действительный член Российской академии наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Философия науки и техники», научный руководитель философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

ЛИ Андрей Гендинович — доктор медицинских наук, кандидат технических наук, профессор, проректор по научной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

МАНДШИР Должин — кандидат философских наук, преподаватель Монгольского государственного университета (Улан-Батор, Монголия)

МОИСЕЕВ Александр Николаевич — доктор педагогических наук, профессор, академик-секретарь отделения «Педагогические науки» Российской академии естественных наук (Москва, Россия).

ПЕТРЯКОВ Александр Михайлович — доктор теологии, протоиерей, заведующий кафедрой Берлинского междисциплинарного университета им. Гёте (Москва, Россия).

РОСТОВА Наталья Николаевна — доктор философских наук, старший преподаватель кафедры философской антропологии проблем комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

СКОРОБОГАТОВА Елена Анатольевна — доктор психологических наук, кандидат экономических наук, академик Европейской академии естественных наук, проректор по международной работе Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте (Москва, Россия).

СМИРНОВ Сергей Алевтинович — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии Сибирского отделения Российской академии наук, проектный аналитик, главный редактор гуманитарного альманаха «Человек.RU»; эксперт ВАК, РНФ, РФФИ (Новосибирск, Россия).

СПИРОВА Эльвира Маратовна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Философия и культура», главный редактор журнала «Философская мысль» (Москва, Россия).

ТРУФАНОВ Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Самарской государственной академии культуры и искусств (Самара, Россия).

ТЯНЬЮЕ Ву — доцент отдела философии, заместитель директора Центра исследования древнего мира и средних веков Пекинского университета (Пекин, Китай).

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного факультета им Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — доктор философских наук (МВАК), кандидат педагогических наук, профессор, ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, член-корреспондент Российской академии естествознания, главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ШАЖИНБАТ Ариунаа — доктор философских наук, профессор, директор Института философии Монгольской академии наук (Улан-Батор, Монголия).

ШАПОВАЛОВ Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор, первый проректор Института Непрерывного Профессионального Образования (Сочи, Россия).

ШЕЙКИН Владимир Александрович — проректор по связям с общественностью Института Непрерывного Профессионального Образования (Москва, Россия).

ЩЕРБИНИН Владимир Викторович — доктор химических наук, доктор философии в области медицины, профессор, заведующий кафедрой «Исследования вопросов творческого долголетия» Берлинского междисциплинарного Университета имени Гёте, академик Европейской Академии Естественных наук (Москва, Россия).

РЕДАКЦИЯ:

Шеф-редактор — **АНТИПОВ Сергей Сергеевич**

Главный редактор — **ЧЕРНОВ Сергей Васильевич**

Председатель редакционного совета — **ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович**

Ответственный секретарь — **СПИРОВА Эльвира Маратовна**

Заместитель главного редактора — **ШЕЙКИН Владимир Александрович**

EDITORS COUNCEL

Chairman of the Council of Editors:

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, Professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

Members of the Council of Editors:

ANTIPOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, academician of European Academy of Natural Sciences, first vice-rector in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, co-chairman of the board of trustees in Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, secretary of the Board of the Moscow regional branch of the Russian Writers' Union (Moscow, Russia).

WENGEROV Alexey — Grand PhD in Engineering sciences, Professor, academician in Russian Academy of Natural Sciences, Russian Federation Government award winner (Moscow, Russia).

GERASIMOV Anatoly — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, Professor in the Department of State and Municipal Management of the Russian State University for the Humanities, full member of the Academy of Military Sciences (Moscow, Russia).

EROMASOVA Alexandra — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Psychological sciences, associate professor, professor in Department of Psychology of the Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

IVANITSKAYA Lida — PhD in Technical sciences, first vice president and chief scientific secretary in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

KREYS Vladimir — PhD in Historical sciences, Professor of department of humanitarian and social-economic sciences in Academy of land forces of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (Moscow, Russia).

LAPIN Nikolay — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, corresponding member in Russian Academy of Sciences, head of the Center for the research of Socio-Cultural changes in Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

LEVIN Elizabetha — Grand PhD in Physical and Mathematical Sciences, temporologist, member of the ISST (International Society for the Study of Time), member of the European Union of Writers, leading the section of Temporology at the Institute for Integrative Studies (IRI) (Haifa, Israel).

LECTORSKIY Vladislav — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, full member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief Editor of the «Philosophy of Science and Technology», scientific director of philosophical faculty in the State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia).

LEE Andrey — Grand PhD in Medical sciences, PhD in Engineering sciences, professor, vice-rector for scientific work of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität. (Moscow, Russia).

MANDSHIR Dolzhin — PhD in Philosophical sciences, teacher in Mongolian state university (Ulaanbaatar, Mongolia).

MOISEEV Alexander — Grand PhD in Pedagogic sciences, Professor, academician-secretary in department "Pedagogical sciences" of Russian Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

PETRYAKOV Alexander — Grand PhD in Doctor of Theological sciences, priest. (Moscow, Russia).

ROSTOVA Natalya — Grand PhD in Philosophical sciences, senior lecturer in the Department of philosophical anthropology of the problems of integrated study of man, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

SKOROBOGATOVA Elena — Grand PhD in Psychological sciences, PhD in Economic sciences, academician in European Academy of Natural Sciences, vice-rector for international affairs of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität (Moscow, Russia).

SMIRNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, associate professor, leading researcher in Institute of Philosophy in Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; project analyst, editor-in-chief of the humanitarian almanac "Human.RU"; Expert of the Higher Attestation Commission, the Russian Science Foundation, the Russian Foundation for Basic Research (Novosibirsk, Russia).

SPIROVA Elvira — Grand PhD in Philosophical sciences, chief researcher, head of department of history of anthropological studies of Institute of Philosophy in Russian Academy of Sciences, Assistant editor-in-chief in journal “Philosophy and Culture”, editor-in-chief in journal “Philosophical thought”. (Moscow, Russia).

TRUFANOV Sergey — PhD in Philosophical sciences, associate professor, associate professor in Department of Philosophy and Political Science in Samara State Academy of Culture and Arts (Samara, Russia).

TYANUYE Wu — associate professor in the Department of Philosophy, deputy director of the Center for the Study of the Ancient World and Middle Ages of Peking University (Beijing, China).

FATENKOV Alexey — Grand PhD in Philosophical sciences, professor of the department of Industrial and Applied Sociology in Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

CHERNOV Sergey — Grand PhD in Philosophical sciences, PhD in Pedagogic sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, scientific director of the European Center for Genius Research (Berlin, Germany), corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, editor-in-chief in journal “Philosophical school”. (Moscow, Russia).

SHAZHINBAT Ariunaa — Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, Director of the Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia)

SHAPOVALOV Vladimir — Grand PhD in Pedagogic sciences, PhD in Psychological sciences, Professor, first vice-rector of Institute of Continuous Professional Education (Sochi, Russia).

SHEYKIN Vladimir — vice-rector for public relations of Institute of Continuous Professional Education. (Moscow, Russia).

SHCHERBININ Vladimir — Grand PhD in of Chemical Sciences, Professor, head of the Department “Research on the issues of creative longevity” of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität academician in European Academy of Natural Sciences. (Moscow, Russia).

EDITORS:

Editorial director — **ANTIPOV Sergey Sergeevich**

Editor-in-chief — **CHERNOV Sergey Vasil’evich**

Chairman of the Council of Editors — **PEKELIS Michael Abramovich**

Executive secretary — **SPIROVA Elvira Maratovna**

Assistant editor-in-chief — **SHEYKIN Vladimir Alexanderovich**

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

С. В. Чернов

Нуждается ли наша эпоха в возрождении идеи гениальности? 10

ДИСКУРС О ПРИРОДЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ: ГЕНИЯМИ СТАНОВЯТСЯ ИЛИ РОЖДАЮТСЯ?

А. А. Аронов

Иерархия факторов появления гениев 15

Г. Г. Коломиец

Гениальность: природа и творчество или ещё раз о том, что гениями рождаются 22

ОНТОЛОГИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ

С. В. Чернов

Идея гениальности в свете богочеловеческой антропологии 30

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ

М. С. Нассонов

К вопросу о медиумальной способности гения: поэзия, язык и запредельность 42

ИДЕЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ САМОСОЗНАНИЯ

В. В. Кирюшкина

«Автор-гений» в авторском самосознании английских просветителей 49

ФИЛОСОФСКИЙ ДНЕВНИК

М. А. Пекелис (Михаил Пластов)

Terra Incognita гениальности 63

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

С. П. Глянцев

Феномен гениальности: к вопросу о возникновении и развитии идеи искусственного кровообращения 78

С. В. Чернов

Образ личности гения. Искатели совершенства. Часть III: Авиценна 87

Н. М. Чернова

Неистовый Гений Балзака 102

ТЕМА ГЕНИАЛЬНОСТИ В ПРОСВЕЩЕНИИ:

ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ТАЙНА ГЕНИЯ — ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА»

Н. Г. Герасимов

Генезис гениальности 103

С. В. Дудин, О. Г. Почекина, Н. Г. Чекръкчиева

Это светлое имя — Гений 110

Р. В. Мосолов

Расколдовывание мира гениальности 118

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 128

ABOUT THE AUTHORS 129

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА» 130

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ 131

CONTENT

EDITORIAL COLUMN

S.V. Chernov

DOES OUR ERA NEEDED IN REVIVAL OF IDEAS OF GENIUS?	10
--	----

DISCOURSE ON THE NATURE OF GENIUS: GENIUS BECOME OR BORN?

A.A. Aronov

HIERARCHY OF FACTORS OF THE APPEARANCE OF GENIUSES	15
--	----

G.G. Kolomiets

GENIUS: NATURE AND CREATIVITY OR ONCE AGAIN THAT GENIUS BORN	22
--	----

ONTOLOGY OF GENIUS

S.V. Chernov

THE IDEA OF GENIUS IN THE LIGHT OF GODMAN ANTHROPOLOGY	30
--	----

TRANSCENDENTAL ASPECTS OF GENIUS

M.S. Nassonov

TO THE QUESTION OF THE MEDIUM ABILITY OF A GENIUS: POETRY, LANGUAGE AND BEYOND	42
--	----

THE IDEA OF GENIUS IN THE DEVELOPMENT OF SELF-CONSCIOUSNESS

V.V. Kiryushkina

“AUTHOR-GENIUS” IN AUTHOR’S CONSCIOUSNESS OF ENGLISH ENLIGHTENERS	49
---	----

PHILOSOPHICAL DIARY

M.A. Pekelis

TERRA INCOGNITA OF GENIUS	63
---------------------------------	----

CALLED FOR CREATIVITY

S.P. Glyantsev

PHENOMENON OF GENIUS: TO THE QUESTION ABOUT EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE IDEA OF ARTIFICIAL BLOOD CIRCULATION	78
--	----

S.V. Chernov

IMAGE OF THE IDENTITY OF THE GENIUS. SEEKERS FOR PERFECTION. Part III: AVICENNA	87
---	----

N.M. Chernova

FURIOUS GENIUS OF BALZAC	102
--------------------------------	-----

TOPIC OF GENIUS IN EDUCATION: LECTURE CYCLE “SECRET OF GENIUS — SECRET OF MAN”

N.G. Gerasimov

GENESIS OF GENIUS	103
-------------------------	-----

S.V. Dudin, O.G. Pochekina, N.G. Chekrkchieva

THIS LIGHT NAME IS A GENIUS	110
-----------------------------------	-----

R.V. Mosolov

SHOWING THE WORLD OF GENIUS	118
-----------------------------------	-----

ABOUT THE AUTHORS (RUSSIAN)	128
-----------------------------------	-----

ABOUT THE AUTHORS (ENGLISH)	129
-----------------------------------	-----

CONCEPT OF THE JOURNAL “PHILOSOPHICAL SCHOOL”	130
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	131
-------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

С. В. Чернов

НУЖДАЕТСЯ ЛИ НАША ЭПОХА В ВОЗРОЖДЕНИИ ИДЕИ ГЕНИАЛЬНОСТИ?

Аннотация. Настоящая статья предваряет тематический выпуск журнала «Философская школа», посвящённый проблемам гениальности. Автор актуализирует проблему возрождения идеи гениальности в современную эпоху культурного излома; определяет несколько смысловых сторон значимости исследования гениальности: культурологическую, общеполитическую, познавательную, воспитательную, просветительскую. В статье определяется теоретическая значимость и прикладное значение исследования гениальности. Ставится фундаментальная исследовательская задача по разработке антропологической концепции воспитания человека-созидателя. Проводится краткий аналитический разбор содержания тематического выпуска журнала «Проблемы гениальности».

Ключевые слова: возрождение идеи гениальности, эпоха культурного излома, глобалистско-буржуазно-потребительская идеология, духовный человек, вершинные образы-символы-типы человека, вершинная мера духовности, антропологическая концепция воспитания человека-созидателя.

S. V. Chernov

The idea of genius in the light of godman anthropology

Summary. This article precedes the thematic issue of the journal “Philosophical School” dedicated to the problems of genius. The author actualizes the problem of the revival of the idea of genius in the modern era of cultural breakdown; defines several semantic aspects of the significance of the study of genius: cultural, general philosophical, cognitive, educational, enlightening. The article determines the theoretical significance and applied value of the study of genius. A fundamental research task is being set up to develop an anthropological concept of educating a person-creator. Here it provides a brief analytical analysis of the content of the thematic issue of the journal “Problems of genius”.

Key words: revival of the idea of genius, era of cultural breakdown, global-bourgeois-consumer ideology, spiritual person, vertex images-symbols-types of people, peak measure of spirituality, anthropological concept of educating a person-creator.

Что посеет человек, то и пожнёт: сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тление, а сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную.

Св. апостол Павел (Гал. 6: 4–8)

Прошло более ста лет с того дня, как Н.А. Бердяев заявил в одной из своих статей: «Наша эпоха нуждается в возрождении самой идеи гениальности» (1909). С тех пор мир изменился не просто до неузнаваемости, — мир перешёл в принципиально новое измерение, координаты которого разворачиваются от следующих точек отсчёта: цифровизация — технологизация — постмодер-

низм, присягнувших глобалистско-буржуазно-потребительской идеологии. Действительно, эти три фактора, по сути, изменили сами принципы человеческого бытия и тем самым посягнули и практически уже совсем вытравивали из общественного сознания тот светлый образ человека, который нет, но всё же давал о себе знать, являя себя в образах личности святого, пророка и гения, представляющих собой вершинные образы-символы-типы человека в его духовном бытии.

Более того, эти три доминанты (цифровизация — технологизация — постмодернизм) стали преобладающими принципами во всех сферах

DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10924

При цитировании этой статьи ссылка на doi обязательна

человеческой деятельности и, к сожалению, не просто затронули, а практически полностью захлестнули все без исключения сферы духовной жизни человека: культуру, философию, искусство, науку, образование, институты нравственности и даже религию, поскольку современность, похоже, «в своём существовании и функционировании не нуждается не только в Боге, но и в человеке...» [2, с. 255]

Современная эпоха — это эпоха торжества *глобалистско-буржуазно-потребительской идеологии*, направленной на разжигание низко-примитивных устремлений человека к власти, на удовлетворение преимущественно корыстных мотивов и на формирование потребительской психологии массового человека; это эпоха экологических, техногенных и иных катастроф, нещадно выжигающих нашу планету; это эпоха вырождения духовной культуры, уничтожающая на своём пути ростки провиденциальности, святости и гениальности и искажающая до неузнаваемости *божественный образ человека*. Вспомним, что о наступлении этой эпохи предупреждал в своё время гениальный Бердяев: «Мир должен вернуться к древним преданиям духовного познания, священного гнозиса. Иначе тьма охватит мир» [1, с. 174].

Поистине, мы живём в *эпоху культурного излома*, когда мир погружается в беспросветную духовную тьму и потому эта наша эпоха ещё в большей мере нуждается «в *возрождении самой идеи гениальности*».

Мы не сомневаемся, что возрождение идеи гениальности является, если и недостаточным, но крайне *необходимым* фактором для пробуждения в человеке его настоящей онтологической духовной природы¹, потому что сам *гений и есть одна из форм проявления в человеке вершинной меры духовности* — высшего порядка бытия.

Совсем другое — это массовый человек — прямая противоположность духовному онтологическому человеку. Здесь «массовый человек» понимается в тех его признаках, в которых этот человеческий тип был представлен Хосе Ортегой-и-Гассетом в его труде «*Восстание масс*» (1928)². Автор называет массового человека воплощённой посредственностью, взбесившимся дикарём, варваром, первобытным, по сути, человеком «внезапно всплывшим со дна цивилизации». Причём, самыми

неприятными качествами этого нового варвара являются «чувство собственного превосходства», что повелевает этому человеку «не подвергать свои взгляды сомнению и не считаться ни с кем», а также его привычка «вмешиваться во всё, навязывая свою убогость бесцеремонно, безоглядно и безогворочно» [3, с. 78-79, 91-92].

Массовый человек, варвар современной эпохи, — это порождение глобальной буржуазно-потребительской идеологии и её инструментов: цифровизации, технологизации, постмодернизма, — проявляет себя буквально во всех сферах. Возьмём, например, образование. Сегодня родители учеников учат учителей, как и чему, учить детей. В итоге массированного давления на систему образования оцифрованной и технологизированной серой массы, потерявших духовные ориентиры, потребителей, выступающих как *потребители и в отношении учительского труда*, школа остаётся без самых лучших своих учителей, потому что по закону структуры [9, с. 13-21] *прежде всего выдвигаются самые умные, самые нравственные, самые талантливые*.

Чем же здесь может помочь обращение к идее гениальности? А тем, что гений (дух, *лат.*) — это и есть та исконная от сотворения составляющая трёх-ипостасной человеческой природы (дух — душа — плоть), которую нужно лелеять, растить и воспитывать любому человеку, предпочитая развивать в себе *волю к гениальности* и подавляя тем самым *волю к бездарности*. И в этом человеку могут помочь именно гениальные люди примерами своего беззаветного и бескорыстного созидательно-творческого труда [7, 8]. Таким образом, налицо *просветительская и воспитательная значимость* исследования и познания гениальности. Ведь лучшие образцы воспитания мы видим тогда, когда личность формируется и воспитывается на достойных подражания примерах, — на примерах высшей нравственности, глубокой провиденциальности, исключительной творческой, — на образах святых, пророков и гениев.

Блез Паскаль утверждал, что источником всех побуждений человека с одной стороны является *корыстолюбие*, а с другой — *человеколюбие*. Так вот, доминирующая ныне глобалистская буржуазно-потребительская идеология, массированно культивируя первое, безжалостно уничтожает второе. И здравомыслящие философы бьют тревогу: «В наше парадоксальное время, — пишет В.Н. Порус, — сильны тенденции выдавать кризисные состояния культуры за естественные этапы её развития. Собственно, такие тенденции и являются

¹ И это наше убеждение основывается на результатах собственных исследований (С.В. Чернов, 2008–2019).

² Здесь следует отметить, что ещё в самом начале XX века, русский писатель-мыслитель Д.С. Мережковский представил в одной из своих статей образ грядущего Хама, который во многом являет собой прообраз массового человека Ортеги-и-Гассета.

признаками и последствиями кризиса. Когда больной теряет способность различать болезнь и здоровье, это означает, что болезнь зашла слишком далеко. Тогда ненормальность и уродство предстают как новая норма и новая красота, извращение — как творческий изыск, произвол — как свобода, пресыщенность и скука — как утончённое наслаждение. Многие современные мыслители с энергией, достойной лучшего применения, провозвещают наступление «посткультуры» как желанной эры, опрокидывают ценностные «вертикали», подыгрывают вульгарному «эгалитаризму», ставящему на одну доску гениальность и капризную посредственность, призвание и самозванство» [4, с. 32].

Несомненно, что в этих кризисных, критических условиях, в которых пребывает современная культура, исследование *гениальности, как особого вершинного свойства-состояния человеческого духа*, имеет не только собственно научную значимость, но и должно выступить в качестве мощного охранительного, защищающего, оберегающего фактора для духовной культуры человеческого рода; исследования человеческого гения призваны остро оппонировать «современному философскому декадансу», и выступать мощной охранительной силой против засилья и торжества глобалистской буржуазно-потребительской идеологии.

Таким образом, сегодня, когда необычайно актуализируются все направления человеческой мысли, где объектом является собственно человеческое бытие [см. напр.: 5], мы, наконец, начинаем понимать, что только духовное и нравственное преобразование человека посредством созидательно-творческого труда и всепобеждающей любви, только оно и ничто другое, может помочь человеку залечить язвы этого безумного мира, выстроенного его собственными усилиями.

Итак, подводя итоги сказанному, мы утверждаем, что интерес к вопросу о гениальности человека — это интерес отнюдь не праздный, поскольку здесь можно обнаружить сразу несколько смысловых сторон значимости: *культурологическую, общефилософскую, познавательную, воспитательную*.

Культурологическое значение. Культурно-исторический анализ гениальности позволит актуализировать исследование гениальности для целей восстановления *целостного образа человека* в противовес постмодернистским тенденциям в философии, науке и культуре, порождающим фрагментарность представлений о человеке и разрывающим на лоскуты его целостный образ.

Общефилософское значение. Если важнейшая задача философии, по словам С.Н. Трубецкого,

«состоит в возможно конкретном познании идеала и указании пути к его осуществлению» [6, с. 546], то исследование гениальности позволит обнаружить новые смыслы в постижении человека как особого рода сущего, а сама гениальность, как изначальная духовная сущность (как сущее в своём бытии) окажется ключом, отмыкающим тайну трансцендентной (божественной) природы человека.

Познавательное значение. Склонность человека к познанию — важнейший стимул человеческого развития, человек стремится к познанию *истины* не только в *наличной действительности*, но и в *трансценденции*, где тайна человеческого гения (его природы, его сущности, смысла его бытия), и сама идея гениальности должны занимать одно из центральных мест.

Воспитательное значение. Поскольку человек воспитывается преимущественно на достойных подражания примерах, то изучение духовной жизни гениальных людей разных времён и народов представляет собой настоящую *школу созидательного творчества и нравственного совершенствования* для людей, нацеленных на саморазвитие, самовоспитание и самоактуализацию.

Сказанное не только подтверждает актуальность возрождения самой идеи гениальности в эту нашу непростую эпоху культурного излома, но и определяет как теоретическую значимость, так и практическое значение разработки проблемы гениальности и исследование человеческого гения с философских и научных позиций.

Теоретическая значимость исследования гениальности заключается в следующем:

— во-первых, в постижении *природы человека в существе его гениальности*;

— во-вторых, в раскрытии *закономерностей, стратегий и механизмов созидательно-творческой деятельности человека*;

— в-третьих, исследование гениальности имеет огромное **прикладное значение** (к сожалению ещё недостаточно осознанное) для построения *антропологической теории воспитания человека-созидателя*.

Хотелось бы надеяться, что настоящий тематический выпуск журнала «Философская школа», посвящённый проблемам гениальности, внесёт свой ощутимый вклад в понимание тех процессов, которые происходят сегодня в мире, и подтвердит актуальность, значимость и своевременность возрождения возвышенной и прекрасной *идеи гениальности*. Во всяком случае, тот факт, что, несмотря на значительные трудности, тематический выпуск журнала «Философская школа» по теме

«ПРОБЛЕМЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ» сегодня выходит из печати, говорит о том, что сама идея гениальности действительно возрождается в эту нашу очень непростую эпоху культурного излома.

Настоящая статья не имеет целью проведение полного содержательного анализа материалов, представленных в этом выпуске, но поскольку она его предваряет, то скажем несколько слов об его авторах и его содержании.

В создании тематического выпуска «ПРОБЛЕМЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ» приняли участие специалисты в области философии, культурологии, медицины, истории, социологии, психологии из научных и образовательных организаций и учреждений культуры городов *Москва, Казань, Оренбург, Пермь, Подольск, Саратов*. Очень радует тот факт, что в создании выпуска приняли участие действительно заинтересованные авторы, представившие собственную точку зрения, оригинальные исследовательские разработки, вопросы для всестороннего обсуждения и задел для

познавательной рефлексии этого загадочного и редчайшего в истории человеческого рода явления гениальности.

Подборка статей, здесь представленных, решает, на наш взгляд, три важнейшие задачи. Во-первых, показывает многоаспектный и фундаментальный характер проблемы гениальности как таковой, поскольку отражает онтологические, культурно-исторические, трансцендентальные, психологические и социологические аспекты гениальности. Во-вторых, актуализирует исследование гениальности с точки зрения её природы и сущности, структуры и содержания и, что немаловажно, развивает саму идею гениальности. В-третьих, содержание настоящего выпуска журнала подтверждает важнейшую идею о том, что исследование гениальности как проблемы, как идеи и как явления имеет немаловажное (а возможно ключевое) значение для дальнейшего развития гуманитарного знания в целом в эту нашу современную эпоху культурного излома.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Основы религиозной философии // Вестник русского христианского движения. Париж — Нью-Йорк — Москва. — № 192, I-2007 же. — С. 169–164.
2. Межуев В.М. Выступление на заседании клуба «Свободное слово» // Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах-2002. М., 2003.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб.: Пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 509 с.
4. Порус В.Н. У края культуры (философские очерки). — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. — 464 с. — С. 32.
5. Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 432 с.
6. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // Трубецкой С.Н. Сочинения / Сост., ред. и вступ. Статья П.П. Гайдено. — М.: Мысль, 1994.. — С. 546. — С. 483–593.
7. Чернов С.В. Образ личности гения. Искатели совершенства // Философская школа. — 2017. — № 2. — С. 72-105. DOI: 10.24411/2541-7673-2017-00020.
8. Чернов С.В. История гениальности в России. Книга первая. Университет всея Руси. *Монография*. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2017. — 422 с. — (Серия «Ломоносовский проект»).
9. Чернов С.В. Божественное и человеческое // Философская школа — 2018. — № 3. — С. 8–41. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-00001.

ДИСКУРС О ПРИРОДЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ: ГЕНИЯМИ СТАНОВЯТСЯ ИЛИ РОЖДАЮТСЯ?

А. А. Аронов

ИЕРАРХИЯ ФАКТОРОВ ПОЯВЛЕНИЯ ГЕНИЕВ

Аннотация. Проблема причин и предпосылок появления гениев имеет огромную протяжённость во времени. И это проблема чрезвычайной значимости и актуальности. Если Человек подтверждает себя творчеством, то Гений подтверждает правомерность существования земной цивилизации, её жизнённость и перспективность. В результате многолетних исследований автор приходит к репрезентативному, достаточно обоснованному выводу об исключительной значимости социального фактора, обуславливающего появление феноменально одарённых личностей, т. е. гениев.

Ключевые слова: гений, одарённость, В.П. Эфроимсон, биологический фактор, социальный фактор, список гениальных лиц, переходный период, Ренессанс, рывковая теория развития русской культуры, гениями становятся.

А. А. Aronov

HIERARCHY OF FACTORS OF THE APPEARANCE OF GENIUSES

Summary. The problem of the causes and prerequisites for the appearance of geniuses has a huge extent in time. And this is a problem of extreme importance and relevance. If Man confirms himself with creativity, then Genius confirms the legitimacy of the existence of terrestrial civilization, its vitality and prospects. As a result of many years of research the author comes to a representative, sufficiently substantiated conclusion about the exceptional significance of the social factor that determines the appearance of phenomenally gifted personalities i.e. geniuses.

Key words: genius, giftedness, V.P. Efroimson, a biological factor, a social factor, a list of genius persons, a transition period, a Renaissance, a jerky theory of the development of Russian culture, genius become.

Известный исследователь феномена одарённости людей Владимир Павлович Эфроимсон в своей работе «Генетика гениальности» приходит к категоричному однозначному выводу: «Изучение биографий и патографий гениев всех времён и народов приводит к неумолимому выводу: гениями рождаются» [7, с.21].

Так, в частности, в упомянутой работе В. П. Эфроимсон относит к гениям:

- Гиерона Старшего, правителя Сиракуз;
- Марка Випсания Агриппу;
- Септимия Севера;

- Папу Григория Великого;
- Пипина Короткого;
- Генриха II Плантагенета;
- Иоанна Безземельного Плантагенета;
- Хубилай-Хана;
- Галеаццо Висконти;
- Людовика XI;
- Мартина Лютера;
- Фридриха III Мудрого, курфюрста Саксонского;
- Александра (Алессандро) Фарнезе Пармского;
- Кардинала Уолси, и др. [7, с. 89–130].

Все перечисленные исторические личности принадлежат к особам, занимающим высокие места в так называемой табели о рангах. Кроме того, перечисленных лиц объединяет общая болезнь — подагра. Мы же, со своей стороны, не уверены в том, что высокое занимаемое положение в союзе с подагрой — гарантии гениальности. В самом деле, если гении подтверждают себя в творчестве (а другого варианта, как мы полагаем, не существует), то можно ли сказать о списке Эфроимсона, что всех в нём характеризует высшая степень одарённости?

Исследуя феномен гениальности в контексте соотношения двух факторов — биологического и социального, — мы провели своё исследование, включив в наш список феноменально одарённых, т. е. гениальных лиц, хорошо известных во всём мире:

1. Микеланджело Буонарроти.
2. Леонардо да Винчи.
3. Рафаэль Санти.
4. Альберт Эйнштейн.
5. Людвиг ван Бетховен.
6. Пётр Ильич Чайковский.
7. Иоганн Себастьян Бах.
8. Владимир Иванович Вернадский.
9. Исаак Ньютон.
10. Анна Павловна (Матвеевна) Павлова.
11. Джакомо Пуччини.
12. Иоганн Штраус (сын).
13. Джузеппе Верди.
14. Александр Сергеевич Пушкин.
15. Огюст Роден.
16. Никколо Паганини.
17. Вольфганг Амадей Моцарт.
18. Фёдор Иванович Шаляпин.
19. Иоганн Вольфганг Гёте.
20. Джоакино Антонио Россини.
21. Рихард Вагнер.
22. Лев Николаевич Толстой.
23. Диего Родригес де Сильва Веласкес.
24. Рембрандт Харменс ван Рейн.
25. Фридрих Францишек Шопен.
26. Лев Давидович Ландау.
27. Эрнест Резерфорд.
28. Константин Эдуардович Циолковский.
29. Оноре де Бальзак.
30. Франсиско Гойя-и-Лусьентес.

Таким образом, в нашем списке гении находят-ся в солидном временном диапазоне — от XV до XX веков.

В этом списке находим выдающихся физиков (Ландау, Резерфорд, Эйнштейн), естествоиспытателей (Вернадский, Ньютон, Циолковский),

композиторов (Бах, Бетховен, Верди, Моцарт, Пуччини, Россини, Чайковский, Штраус), художников и скульпторов (Гойя, Веласкес, Микеланджело, Леонардо, Рафаэль, Рембрандт, Роден), музыкантов-исполнителей (Паганини, Шаляпин).

Поставим перед собой первый вопрос: Сколько гениев родилось в семьях не бедных, с определённым достатком? Отталкиваясь от биографий уникамов, получаем ответ: 25 и 30 (83%) родились в семьях не бедных, в которых был определённый достаток. В бедных семьях родились лишь трое из тридцати (10 %); Ф. И. Шаляпин, А. Павлова, Н. Паганини).

В 2-х случаях из 30-ти (7%) сложно сказать о достатке в семьях будущих гениев — Д. Верди и О. Родена. Так, из книги Д. Тароцци «Верди» [5] мы узнаём, что в Италии, в Ле Ронколе, где родился Великий Верди в октябре 1813 года, у его отца — владельца трактира, не было конкурентов. Родители Джузеппе были в состоянии купить своему сыну, проявлявшему очевидный интерес к музыке, старый спинет. У родителей были средства, позволявшие Джузеппе окончить в Ле Ронколе начальную школу, а в дальнейшем, в Буссето, поступить и окончить гимназию и городскую музыкальную школу.

В отношении великого скульптора Родена известно, что его отец был мелким служащим, а мать работала горничной. Семья не была нищей, но и особого достатка здесь не было. А когда Огюсту исполнился 21 год, в это время у него на руках была вся семья: отец — пенсионер, мать, младшая сестра.

В нашем исследовании (30 гениев) лишь трое происходили из бедных семей — Фёдор Шаляпин, Никколо Паганини, Анна Павлова. Все трое, как известно, исполнители, артисты. Вместе с тем, 25 из 30-ти гениев родились в семьях с достатком (83%). Иными словами, у большинства были реальные, хорошие условия для полноценного детства, успешного воспитания, образования и развития. Между тем, наличие достатка в семье — это социальный фактор и, в данном случае, он доминирует.

Хорошо известно, что в судьбах людей очень много зависит от чуткого, пристального внимания родителей к своим детям. Тщательное знакомство с биографиями 30 сверхталантов приводит к следующему результату: положительные ответы на поставленный нами вопрос составляют 86,6%. И в данном случае вновь заметим: внимание родителей к своим детям, их зарождающимся интересам, создание благоприятных условий для проявления и развития этих интересов — это тоже фактор социальный и он снова доминирует.

Далее мы решили выяснить: сколько гениев (из 30) наследовали профессии своих родителей. При этом мы допускали под продолжением профессии возможность наследования будущими гениями хотя бы части генетической программы своих родителей. Более осторожно можно сказать, как, например, в отношении Александра Сергеевича Пушкина, о наследовании интересов. Как известно, отец и дядя гения писали стихи. Более того, дядя (Василий Львович) был известным поэтом. Вместе с тем, как известно, в Царскосельском Лицее первого выпуска (1811–1817) стихи писали все лицеисты (30 человек). Известно и другое: многие родители лицеистов на заре своей жизни тоже писали стихи. Гениальным же поэтом суждено было стать из всех лицеистов только Пушкину.

В рамках нашего исследования, после обращения к биографиям 30-ти гениев, мы получили следующие результаты: профессии (интересы) родителей продолжили 10 человек (Моцарт, Пушкин, Бетховен, Рафаэль, Бах, Вернадский, Штраус, Шопен, Россини, Пуччини). Итого: 33,5 % гениев продолжили семейные династии, 66,5 % избрали свой путь.

Получается так, что и по последнему критерию (продолжение семейных, профессиональных династий) объективной доминантой логично рассматривать социальный фактор.

Если всё же прислушаться к нашим оппонентам, ставящим, несмотря ни на что, на первое место фактор биологический, то есть, наследственность, то почему бы не предположить, что дети гениев тоже должны быть *феноменально* одарёнными, т. е. тоже гениальными?

Тщательное изучение биографий 30-ти гениев, составивших наш список, свидетельствует: никто из прямых наследников 30-ти не поднялся до уровня своих великих родителей. Тем не менее, многие наследники гениев, безусловно, люди, заслуживающие уважения.

Так, например, сын Фёдора Ивановича Шаляпина — Борис — стал известным художником-портретистом (1904–1979); дочь — Лидия — стала певицей (меццо-сопрано), умерла в Нью-Йорке, будучи профессором нью-йоркской консерватории (1901–1975); другая дочь — Ирина — стала драматической актрисой, в начале карьеры училась в забытой сегодня Шаляпинской студии в Москве (1900–1978); ещё один сын — Фёдор (1905–1992) — снимался в Голливуде, в дальнейшем работал в Риме. Мы видим, что дети великого певца успешно проявили себя в сфере искусства и, безусловно, их можно идентифицировать

как таланты. Но ни один из них не поднялся в своём творчестве до уровня гениального отца. Между тем, другие дети Фёдора Ивановича Шаляпина — Татьяна, Марина, Марфа, Дарья — ярко себя не проявили.

Но есть и ещё один серьёзный аргумент в пользу исключительной роли социального фактора. В настоящей статье мы впервые озвучиваем результаты наших многолетних исследований феномена гениальности. В результате мы приходим к выводу, что на переходных этапах развития общества создаётся, по-видимому, особенно благоприятная социальная атмосфера для появления гениев. В этой связи, для обоснования вывода, обратимся хотя бы к трём знаменательным периодам в истории Италии и России.

Первый период — это Возрождение (Ренессанс) в Италии, протяжённость этого периода во времени составляет три столетия — с XIV по XVI века. Это был действительно переходный период. И хотя в политическом и социально-экономическом отношении, да и хронологически, Возрождение в целом остаётся в границах Средневековья, в рамках феодализма, это время, эту эпоху можно считать переходной. В контексте собственно культуры Возрождение составляет совершенно особую, переходную эпоху от Средневековья к Новому времени.

Основными чертами Культуры Возрождения стали: антифеодалная и антиклерикальная направленность, очевидное преобладание светского и рационального начала над церковным, религиозным. Конечно, религия при этом не исчезала, но ее кризис фактически означал кризис самого фундамента средневековой культуры. Отличительной особенностью культуры Возрождения стал гуманизм. Всё больше укреплялась вера в человека и в его беспредельные возможности. Само небо не казалась людям того времени слишком высоким, и они искренне считали, что могут непосредственно общаться с богами. У человека есть всё достаточное и необходимое, чтобы стать творцом своей судьбы, полностью полагаясь на себя. И эта мажорная, жизнеутверждающая атмосфера в обществе пронизанная и одухотворенная верой в Человека, не могла не способствовать появлению феноменально одаренных людей. В итальянском Ренессансе знаковыми фигурами стали Франческо Петрарка (1304–1374), Данте Алигьери (1265–1321), Джотто (1266/67–1337). Всех троих исследователи относят к итальянскому Проторенессансу (вторая половина XIII века — XIV век). Высокое Возрождение (конец XV — первая треть XVI вв.). Титанами

Высокого Ренессанса стали три гения: Леонардо да Винчи (1452–1519), Микеланджело Буонарроти (1475–1564), Рафаэль Санти (1483–1520). Два первых в книге Р. К. Баландина «100 великих гениев» [4] отнесены к категории универсальных гениев с учетом масштабности творческого диапазона.

Между тем, было и Северное Возрождение, нашедшее отражение в творчестве Альбрехта Дюрера (1471–1528), Франсуа Рабле (1494–1553), Мигеля де Сервантеса (1547–1616), Уильяма Шекспира (1564–1616),

Обратимся еще к одному переходному периоду, на этот раз в истории России. Остановимся на рубежном времени конца XIX — начала XX веков. После реформ 60–70-х годов XIX века Россия стремительно пошла по капиталистическому пути и к началу XX века уже обгоняла многие страны по важным экономическим показателям — приросту производительности труда, степени концентрации и производства, и др. Именно в это рубежное время Россия вступает в высшую стадию капитализма — империализм. Появляется финансовая олигархия, в руках которой производство и банковское дело.

В общественном сознании, среди политиков, ученых, художественной интеллигенции было явно распространено понимание рубежного времени как переходного. В 1899 году А. С. Суворин записал в «Дневнике»: «Мы переживаем какое-то переходное время. Власть не чувствует под собой почвы и не стоит того, чтобы её поддерживать. Беда в том, что общество слабо, общество ничтожно, и может произойти кавардак невероятный» [6, с. 214].

Николай Александрович Бердяев назвал Рубежное время конца XIX — начала XX в. в. серебряным веком. Нелишне заметить, что к своему определению он больше не возвращался. Более того, в одной из последних своих работ он оценил Рубежное время как «культурный, духовный ренессанс».

В отечественной историографии сложилась устойчивая традиция оценивать первую половину XIX века как Золотой век русской культуры, а, соответственно, конец XIX — начала XX веков — как серебряный век. Убеждены в том, что эти оценки далеки от истины, не соответствуют действительности, противоречат конкретным фактам.

Можно ли называть николаевскую ночь над Россией, когда всё живое было прибито к земле, когда жестоко подавлялось любое инакомыслие, когда были сломаны судьбы многих выдающихся деятелей культуры России, *золотым веком русской культуры?* Все свершения этого времени в

области культуры состоялись вопреки печально известному времени. На месте Дантеса в его дуэли с Пушкиным мог оказаться любой другой. Как и на месте Мартынова в его дуэли с Лермонтовым также мог оказаться любой другой. Реальность такова, что и Пушкин, и Лермонтов уже были обречены, кольцо сжималось вокруг них по милости императора — вешателя, превратившего Россию в страну голубых мундиров, то есть жандармов.

Между тем, беспрецедентному расцвету русской культуры в Рубежное время объективно способствовали ряд обстоятельств и, в том числе, уже упоминавшиеся, реформы 60–70-х годов XIX века, и невиданный, не имеющий аналога в мире, расцвет меценатства и благотворительности, и многое другое. На самом деле, *именно конец XIX — начало XX веков было временем Золотого века русской культуры, временем расцвета Русского Ренессанса.*

Невозможно переоценить поистине эпохальное воздействие Русского Ренессанса на мировую культуру [2]. Это было время рождения сверхталантов. Назовем лишь некоторые имена:

- Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) — основоположник современной космонавтики;
- Павлов Иван Петрович (1849–1936) — создатель учения о высшей нервной деятельности, Нобелевская премия;
- Павлова Анна Павловна (1881–1931) — первая танцовщица мира в Рубежное время;
- Нижинский Вацлав Фомич (1890–1960) — первый танцовщик мира в Рубежное время;
- Шаляпин Фёдор Иванович (1873–1938) — первый бас мира;
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907; один из крупнейших химиков мира);
- Попов Александр Степанович (1859–1905/6; один из основоположников радиосвязи);
- Лебедев Петр Николаевич (1866–1912) — основоположник первой русской научной школы физиков;
- Мечников Илья Ильич (1845–1916) — один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии. Нобелевская премия;
- Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) — создатель физиологической школы;
- Станиславский Константин Сергеевич (1863–1938) — гениальный режиссёр, создатель Театральной системы;
- Ахматова Анна Андреевна (1889–1966) — Великая русская поэтесса;

- Пастернак Борис Леонидович (1890–1960;) — один из крупнейших поэтов мира. Нобелевская премия;
- Цветаева Марина Ивановна (1892–1941) — выдающаяся поэтесса, новатор стихосложения;
- Зворыкин Владимир Кузьмич (1888–1982) — отец телевидения;
- Врубель Михаил Александрович (1856–1910) — выдающийся русский художник;
- Кусевский Сергей Александрович (1874–1951) — один из крупнейших контрабасистов мира, и многие другие.

Мы называли лишь некоторых сверхталантов, живших в России в рубежное время. И вот принципиально важный вывод: сверхталанты родились в разные годы, но у большинства пик творческой активности объективно приходится именно на рубежное время. Обратимся к фактам.

Фёдор Иванович Шаляпин поднимается на свой Олимп после абсолютного триумфа в марте 1901 года, когда он выступит в десяти спектаклях в опере А. Бойто «Мефистофель». После этих спектаклей Шаляпин (гастроли проходили в Италии, в «Ла Скала») будет удостоен титула «король бельканто». Никто из великих оперных певцов Италии такого титула не удостоивался.

Анна Павлова и Вацлав Нижинский обретут мировую славу во время Русских сезонов 1907–1911 годов, организованных в Париже выдающимся пропагандистом русского искусства Сергеем Павловичем Дягилевым (1872–1929).

Два выдающихся русских учёных именно в Рубежное время получают Нобелевские премии: Иван Петрович Павлов (1904 г.) и Илья Ильич Мечников (1908 г.).

Создатель отечественного радио Александр Степанович Попов сделал доклад о своём изобретении 7 мая 1895 года в Петербурге на заседании Русского физико-химического общества. Он будет награждён золотой медалью на Всемирной выставке 1900 г. в Париже.

14 октября 1898 года начинается замечательная история Московского Художественного театра. Его создатель Константин Сергеевич Станиславский в дальнейшем, в 1900-е годы, создаёт театральную систему, которую возьмут на вооружение многие страны мира.

Именно в 1900-е годы создаёт свою бессмертную «демоническую» серию Михаил Александрович Врубель. Многие искусствоведы полагают, что если бы за свою короткую трагическую жизнь (1856–1910) художник написал бы только «Демона сидящего», его надо было бы объявить гением.

В 1903 году Константин Эдуардович Циолковский публикует свою статью «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Начало космонавтики было положено.

Петр Николаевич Лебедев впервые получил (1895) и исследовал миллиметровые электромагнитные волны, установил их отражение, двойное лучепреломление, интерференцию и другие явления.

Перечень аналогичных примеров, конечно же, может быть продолжен. Совершенно очевидно, что переходное (по многим параметрам) время конца XIX — начала XX веков стало благоприятным временем в России для многих феноменальных творческих достижений, получивших и мировой резонанс.

Особая, пронизанная ожиданием грядущих перемен, наполненная исключительной энергетикой, атмосфера, сложившаяся в России в Рубежное время, объективно способствовала активизации творческого потенциала сверхталантов.

Но разве не этой удивительной атмосферой, разве не теми социальными переменами в стране объясняются знаменательные совпадения во времени историко-культурных событий на рубеже веков. В самом деле, можно ли считать случайным появление на свет выдающихся русских поэтов — в пределах небольшого временного отрезка.

Приведем даты рождения поэтической когорты:

- Велимир Хлебников — 1885;
- Николай Алексеевич Клюев — 1887 г.;
- Анна Андреевна Ахматова — 1889;
- Борис Леонидович Пастернак — 1890;
- Осип Эмильевич Мандельштам — 1891;
- Марина Ивановна Цветаева — 1892;
- Владимир Владимирович Маяковский — 1893;
- Сергей Александрович Есенин — 1895.

И, наконец, обратимся ещё к одному переходному периоду, ещё более короткому во времени, чем предыдущий. В данном случае речь пойдет о хрущёвской Оттепели (1954–1964 годы) [3]. С точки зрения нашей так называемой *рывковой теории развития русской культуры* это был пятый по счету рывок, обусловленный переходом от тоталитаризма сталинского образца к государству определенной либерально-демократической направленности. И, поскольку на самом деле ничего случайного не бывает, вспомним хотя бы о некоторых феноменальных достижениях этого периода:

- В области ядерной физики (И. В. Курчатов, Ю. Б. Харитон и др.);
- В области ракетостроения (С. П. Королёв, В. Н. Челомей, М. К. Янгель);

- В различных областях физики (Л. Д. Ландау, И. Е. Тамм, А. М. Прохоров, Н. Г. Басов, П. А. Черенков, Ю. Б. Харитон, Я. Б. Зельдович, А. И. Алиханов, П. Л. Капица и др.).

Разве можно считать случайным совпадением то обстоятельство, что именно в короткий по времени период Оттепели многие отечественные учёные стали обладателями Нобелевской премии и, в частности:

- Игорь Евгеньевич Тамм (1958);
- Павел Алексеевич Черенков (1958);
- Илья Михайлович Франк (1958);
- Лев Давидович Ландау (1962);
- Александр Михайлович Прохоров (1964);
- Николай Геннадиевич Басов (1964).

Именно в годы Оттепели начинается Космическая эра, время практического освоения космоса. 4 октября 1957 года в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли. А 12 апреля 1961 года именно в нашей стране был выведен в космос космический корабль с человеком на борту. И им стал Юрий Алексеевич Гагарин.

Именно Оттепель открыла гениального актёра — Иннокентия Михайловича Смоктуновского

(1925–1994), гениального режиссёра Георгия Александровича Товстоногова (1913–1989), выдающихся литераторов В. М. Шукшина (1929–1974), А. В. Вампилова (1937–1972), В. Г. Распутина (1937–2015), А. В. Быкова (1924–2004), Ю. В. Бондарева (род. 1924), выдающихся оперных певиц И. К. Архипову (1925–2010), Е. В. Образцову (1939–2015), Т. И. Синявскую (род. 1943), выдающихся мастеров балета М. Э. Лиепу (1936–1989), В. В. Васильева (род. 1940), Е. С. Максимову (1939–2009), Н. И. Бессмертнову (1941–2008), Ю. В. Соловьёва (1940–1977), Р. Х. Нуреева (1938–1993), выдающихся мастеров бардовской песни В. С. Высоцкого (1938–1980), Ю. И. Визбора (1934–1984), Б. Ш. Окуджаву (1924–1997), Ю. Ч. Кима (род. 1936) и многих, многих других.

Это было прорывное время во многих слагаемых целостного культурного процесса.

На основе наших многолетних исследований мы вновь и вновь приходим к корректному, обоснованному **выводу: социальный фактор играет решающую роль в появлении гениальных личностей, — гениями становятся.**

Список литературы

1. *Аронов А.А.* Вклад России в мировую культуру: Биографический энциклопедический словарь. — М.: Профиздат, 2002.
2. *Аронов А.А.* Культурный ренессанс в России. — М.: Экон-Информ, 2006.
3. *Аронов А.А.* «Оттепель» в истории отечественной культуры. — М.: Экон-Информ, 2008.
4. *Баландин Р.К.* 100 великих гениев. — М.; Вече, 2004.
5. *Тароцци Д. Верди.* — М.: Молодая гвардия, 1984.
6. *Шульгин В.С., Кошман Л.В., Зезина М.Ф.* Культура России IX — XX вв. — М.: Простор, 1996.
7. *Эфроимсон В.П.* Генетика гениальности. — М.: Тайдекс Ко, 2002.

ДИСКУРС О ПРИРОДЕ ГЕНИАЛЬНОСТИ: ГЕНИЯМИ СТАНОВЯТСЯ ИЛИ РОЖДАЮТСЯ?

Г.Г. Коломиец

ГЕНИАЛЬНОСТЬ: ПРИРОДА И ТВОРЧЕСТВО ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ТОМ, ЧТО ГЕНИЯМИ РОЖДАЮТСЯ

Аннотация. Данная статья является переосмыслением неумолимого вывода В.П. Эфроимсона «гениями рождаются», исследующего сущность и природу гениальности, и современных исследований Е.Д. Свердлова в области стохастики, а также обращением к философско-эстетическому материалу о природе творческого процесса, обусловленного гениальностью и талантом. В поле зрения автора статьи биогенетический, онтологический, психологический, философско-антропологический, социокультурный подходы к пониманию природы гениальности. В статье приводятся примеры из области музыкального искусства, рассматриваются следующие моменты: природа гения и понятия творчества, гения и гениальности, различия гения и таланта, основные качества гениальности, среди которых целеполагание и трудоспособность в стремлении к абсолютному совершенству, воспитание, условия развития и ценностная этическая ориентация, наследственные факторы, социокультурная среда, сила стохастики. Целью статьи является утверждение божественно природной первопричинности появления гения, не лишённой таинства — еще раз о том, что «гениями рождаются».

Ключевые слова: гений, гениальность, генетика гениальности, гениями рождаются, творчество, философская антропология, философия искусства, этический компонент гениальности, В.П. Эфроимсон, музыкальное искусство.

G.G. Kolomiets

GENIUS: NATURE AND CREATIVITY OR ONCE AGAIN THAT GENIUS BORN

Summary. This article is a rethinking of the inexorable conclusion of V.P. Efroimson “genius born”, which explores the essence and nature of genius, and modern studies of E.D. Sverdlov in the field of stochastics, as well as an appeal to philosophical and aesthetic material about the nature of the creative process, due to genius and talent. In the field of view of the author of the article is biogenetic, ontological, psychological, philosophical-anthropological, sociocultural approaches to understanding the nature of genius. The article provides examples from the field of musical art. The following points are considered in the article: the nature of genius and the concepts of creativity and genius, the differences between genius and talent, the main qualities of genius, among which goal-setting and working ability in the pursuit of absolute perfection, upbringing, developmental conditions and value ethical orientation, hereditary factors, sociocultural environment, stochastic power. The purpose of the article is to affirm the divinely natural root cause of the appearance of a genius not devoid of the sacrament once again that “genius born”.

Key words: genius, genetics of genius, genius born, creativity, philosophical anthropology, philosophy of art, ethical component of genius, V.P. Efroimson, musical art.

Природа и творчество

В названии статьи выделено, прежде всего, слово «природа», затем слово «творчество». Это значит, что первородна генетика гениальности, а если хотите, то понимайте и как божественная природа, божественный дар способности творить. Но я хотела сразу подчеркнуть тезис, который означает, что и с философской и с научной точек зрения — гениями рождаются, вопреки известному выражению «гениями не рождаются», которое до сих пор нередко встречается. В основе слова гений лежит корень «ген», указывающий на биогенетическую природу, во многом, но не во всем, на наследственность, на тайну рождения гения и известные условия раскрытия гения.

В журнале РАН 2009 года есть статья академика Евгения Давидовича Свердлова о загадках появления гениев, где он подчеркивает важность открытия выдающегося советского генетика Владимира Павловича Эфроимсона и вместе с тем заключает, что ответа на вопросы механизмов связи генома и гения мы, пожалуй, никогда не найдем [11, с. 131]. Поэтому я опираюсь больше на научные достижения о гениальности, чем на рассказы и истории появления гениев, в частности, музыкальных гениев, поскольку, являясь автором книги «Ценность музыки: философский аспект», меня интересует область музыкального творчества и философия музыки.

Вначале мне бы хотелось высказать главную мысль современности о том, что мы живём в мире, где царствует борьба Хаоса и Гармонии, и в данный момент всемирной истории человечество переживает острое ощущение действия Хаоса, случайности, стохастики. Ее роль сильна, что ранее наукой недооценивалось. Стохастика, случайность проявляет себя в генетике, и поэтому ответа на то, как появляется на свет гений, у науки нет, и, пожалуй, не будет — так заявляет современная молекулярная генетика. Гениальность появляется на свет случайно.

В.П. Эфроимсон искал научные обоснования наследственных и социальных закономерностей в появлении гениев и выдвинул гипотезу нерасторжимой связи генетики и гениальности, которую проверял, изучая биографии и патографии гениев разных эпох и разных областей знания и искусства, в том числе и музыкальных гениев. Он пришел к следующему выводу:

1. Гениями рождаются [15, с. 21].
2. Гений указывает на существование гигантских потенциальных возможностей «нормального»

человеческого мозга. Гений — это не отклонение от нормы в психике, а сверхвысокая творческая активность, заложенная природой, генетикой [15, с. 23].

3. В понимании гения следует выделить три главных понятия: *потенциальный гений* (дар природы — биогенетический фактор); *развившийся гений* (детско-подростковый период — биосоциальный фактор); *реализовавшийся гений* (важен общественный спрос на гения — социобиологический фактор) [15, с. 31].

Путь от рождения гения до признания его гениальных дел сложный, где гению приходится пройти две пропасти, как пишет Эфроимсон, лежащие между тремя фазами. Как тут не вспомнить действие стохастики в музыкальном творчестве: немецкий композитор XX века К. Орф музыкально восклицает «О, Фортуна» в кантате «Кармина бурана». Фортуна — судьба. Фортуны отличали от фатума (роковая сила). Философы эпохи Возрождения, рассуждая о свободе воли человеческой, особенно разрабатывали тему фатума, фортуны и случая, например, так называется трактат Салютати. Н. Макиавелли писал, что «фортуна распоряжается лишь половиной всех наших дел, а другую половину, или около того, предоставляет самим людям» [13, с. 596].

Что такое гений?

Гений и гениальность привлекают внимание философов и ученых, поскольку, по словам В.С. Степина, «человек является продуктом космической эволюции, он включен в природу... и его жизнедеятельность предполагает непрерывающееся взаимодействие с окружающей природной средой» [14, с. 19], он призван преобразовать мир своего существования в *творческом процессе*. Гениальность и творение являются неотделимыми понятиями, гения без творения быть не может. Творчество понимается в современной философии, согласно исследованию В.И. Самохваловой, как «антропокосмический феномен», космическое событие, как космический принцип, божественный дар и родовая идентичность человека [10]. Творчество — самое необходимое условие существования человечества.

Слово творчество долго не применялось к человеку. В средние века говорили, что Бог — креатор (сreare), т.е. творец, из ничего создавший мир; а человек — факире (facere), т.е. только делает, но не создает свой мир из «ничего», «не творит из ничего» (ex nihilo). В эпоху Возрождения

стали говорить: «человек творец самого себя». Итальянский мыслитель Пико делла Мирандола осмелился написать, что Бог недосотворил человека и, поставив его в центр мира, сказал: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты сам предпочтешь» [3, с. 507]. Он имел в виду нравственное совершенствование человека, действия которого должны быть достойными человеческого разума и доброго нрава, чтобы не быть похожими на животных. И Дж. Манетти в трактате «О достоинстве и превосходстве человека» подчеркивает человеческое достоинство в его могуществе руководить и управлять миром с помощью познания и достойных действий, которые, конечно, предполагают творческую силу. В эпоху промышленной революции XIX века человек мыслился творцом культуры, а теперь смело говорят: человек — творец, не в смысле создателя мироздания, а в смысле человеческой причастности к великому творческому процессу, родовой идентичности, присущей человеческой сущности творить, изобретать.

Творчество отличается новизной и оригинальностью выражения, творчество — это новизна, но не всякая, а принципиально высокая степень новизны, которая зависит от гениальности, или от таланта.

Приведём несколько определений понятия гения и гениальности: *Гениальность — наивысшая степень проявления творческих сил человека. Связана с созданием качественно новых, уникальных творений, открытием ранее неизведанных путей творчества*. (Большая советская энциклопедия). Взгляды на природу гениальности исторически связывались с творческим процессом, как указывается далее. С античности укрепились представления о иррациональном истоке гениальности, с Возрождения в гениальности подчеркивается творческая индивидуальность, далее развитие получают идеи психологического и социологического характера [12, с. 287].

Эфроимсон приводит определение гения по Оксфордскому словарю. *Гений — это «природная интеллектуальная сила необычайно высокого типа, исключительная способность к творчеству, требующему выражения, оригинального мышления, изобретения или открытия»* [15, с. 22].

В философских трудах И. Канта, рассматривающего проблему эстетического, мы находим осмысление феномена гениальности и определение

понятия гения, где гений, *он же талант — это дар природы, «это врождённая способность души (ingenium), посредством которой природа даёт искусству правила»*. Кант выделяет гения в искусстве: подобно Моцарту гений неповторим, в то время как в науке не тот, так другой может сделать подобное открытие [4, с. 181]. Кант определяет следующие признаки гения:

- природный дар,
- новизна и оригинальность,
- творчество гения является образцом, примером для других
- гений сам не может описать, как он создает свое произведение. Поэтому *«слово гений есть производное от genius, своеобразного, данного человеку при рождении, охраняющего его и руководящего им духа, который и внушает ему эти оригинальные идеи»*. [4, с. 182].

Немецкий философ XX века Теодор Адорно: Под термином «гениальный» понимает *«момент отчуждения от индивидуального Я под давлением обстоятельств дела..»* [1, с. 247]. «Гениальное, — согласно Адорно, — представляет собой некий диалектический узел — в нём переплетены всё, чуждое шаблону, не повторяющее пройденного, свободное, но в то же время несущее в себе чувство необходимости, парадоксальный фокус..., ибо плод свободной фантазии и необходимое никогда, в сущности, не сплавляются воедино» [1, с. 250].

Гений отличают от таланта

Эстетик Е. Г. Яковлев пишет, что «гениальность имеет качественное отличие от таланта, для которого характерно наличие природных предпосылок» [16, с. 244], реализуемых в творчестве. Оригинальные художественные произведения гения выражают задачи времени. Гений к тому же обладает *даром глубочайшего проникновения в глобальные проблемы бытия, проблемы человеческой жизни*, способностью узреть новое, зарождающееся в духовной жизни, культуре. Если «талант есть неповторимая индивидуальность», то «гений есть выдающаяся личность», исключительная, отличающаяся высокой убежденностью в правоте своего дела [16, с. 245]. Здесь же Яковлев соглашается с Пушкиным в том, что гений не может быть злодеем, однако, как увидим далее, это противоречит исследованиям Эфроимсона.

Благодаря творческой деятельности гениев в области искусства в эпоху романтизма XIX века

отмечалась особая роль искусства в истории человечества. Так, Ф. Шлегель писал, что искусство движется в рамках человеческой истории не поверхностно, как бы отражая действительность, а выполняет величайшую миссию, гений своим искусством участвует во вселенском процессе творения и творит человеческую историю. Эта мысль Шлегеля предшествует философии искусства Гегеля, для которого цель искусства заключена в самом искусстве как выражении абсолютной идеи, высшего разума. Гений словно с высоты видит весь мир человеческих способностей и характеров «подобно элементам горельефа, залитого светом дня, в то время как у обычных людей эти элементы нечётки и являются лишь бледным подобием духовного мира гениев» [2, с. 404].

В.П. Эфроимсон, изучая генетику гениальности, обнаружил, что человек исполняет космический долг (а мы напомним, что человек есть продукт космической эволюции, как обозначили в начале статьи). *У человека, согласно Эфроимсону, существуют две наивысшие взаимодополняющие части космического долга. Это долг по отношению к себе как реализация своих способностей и возможностей и долг по отношению к другим, исполнение которого осуществляется на благо человечества, всего человеческого вида в целом. Исходя из представления о долге, Эфроимсон чётко различает понятия «гений» и «талант» формулой: «Гений делает то, что должен, талант — то, что может»* [15, с. 23]. Иначе говоря, гений не подвластен себе, он следует своей детерминированной сущности долга, ответственности перед высшей силой (своей предзаданности) творить. Он не может жить иначе. Он, гений, творец, по словам великого Леонардо, — счастливый смертный бог. Почему счастливый? Потому что живёт творчеством адекватно своей сущности, идеально воплощает свои идеи, он знает своё предназначение, в чём смысл его жизни. Ему есть, что сказать миру, человечеству, Богу. Ему удаётся создать то, что сравнимо с божественным творением, вызывает изумление от прекрасно сотворённых произведений. Гений творит на века. Интуитивное знание своего предназначения, осознанная необходимость следовать руководящей силой гениальности, удивительное сочетание свободы выбора и несвободы в силу своей предназначенности создают счастливую безысходность в подчинении своему творчеству. Это двигало Моцарта, проигрывающего Реквием накануне смерти, Бетховена, написавшего большую часть творений, будучи глухим.

Целеполагание и трудоспособность в стремлении к абсолютному совершенству

Эфроимсон, исследуя биосоциальные механизмы и факторы наивысшей интеллектуальной активности, стремился обнаружить механизмы стимуляции интеллекта как источника сверхнормальной мощи у подлинных гениев истории, науки и искусства, в том числе Моцарта, Бетховена, Шуберта, чьи титанические усилия привели к выдающимся достижениям. Таким источником нормальной и вместе с тем повышенной активности является целеполагание, стремление к цели, реализовать в полной мере творческую идею. Гений обладает сверхсильной мотивацией и необычайной работоспособностью. Самоизживание и самоотречение ради цели творения — вот истинное бытие гения. Высшее качество гениальности есть целеполагание и волеустремлённость, необыкновенная «способность к неимоверному труду, абсолютная одержимость и стремление к абсолютному совершенству» [15, с. 25]. Эфроимсон пишет, что исследование жизни Моцарта показало, насколько он был одержим творчеством, творил непрерывно, несмотря на внешние жизненные обстоятельства. «Если бы у Моцарта, Бетховена, Шопена не было одержимости, фантастической целеустремлённости, — пишет Эфроимсон, — то они, при всех своих способностях, будучи «вундеркиндами», ими бы и остались» [15, с. 23]. «Бетховен чувствовал себя беспредельно могучим, даже умирая. Гёте был продуктивен и в повседневных беседах. Бах оставил руды, которые уже по своему объёму представляются непостижимыми» [15, с. 22].

Музыкальный гений как правило рождался в музыкальной семье, он с детства считал музыку «душой своей», самым важным делом на свете, смыслом своей жизни. Музыкальная наследственность выражается в таких талантливых качествах как *абсолютный слух, поразительная музыкальная память, страстная любовь к музыке* — все это необходимые, отмечает генетик, но недостающие условия. Нужна сверхсильная мотивация, увлечённость, стремление к творению, но не просто стремление, а самоизживание себя в творческом процессе. Бетховен написал в своём завещании, что он не может уйти из жизни, не свершив всего, к чему предназначен. И все они действовали, сознавая что-то вроде внутреннего призыва, отлитого великим Гёте в одну фразу: «И если в тебе нет этого — умри, но стань! — то ты лишь скорбный гость на мрачной земле» [19 с. 23].

Воспитание, условия развития и ценностная этическая ориентация

Гения характеризует сочетание *сверхвысокой восприимчивости* ко всему, что его окружает. Эта сверхсильная восприимчивость предполагает развитие *силы воображения, развитие богатой фантазии*. Гениями рождаются, при этом важны условия *воспитания и образования*, становление ценностных ориентаций, культурные стимуляции дарования.

Кант, осмысляя эстетику как науку, открытую А.Г.Баумгартеном, размышлял о прекрасном, которое для него было не просто чувственное познание и способность мыслить образами, а способность судить о прекрасном, т.е. выделял интеллектуальную сторону эстетического. Он задавался вопросом: чем прекрасен огонь в камине? И отвечал, утверждая, что вовсе не только чувственным восприятием того, что радуют органы чувств, что огонь в камине прекрасен тем, что будит моё воображение, а значит, ведёт через желание претворить фантазии к творчеству. Таким образом, в эстетическом суждении вкуса кроется могучая творческая сила.

Важны условия воспитания и образования, актуализация творческих способностей в детском возрасте. Так, к примеру, чувствительная сверхвосприимчивость Шопена ко всему с младенческих лет, чуткость к музыкальным звукам благоприятно совпала с обстановкой в доме, со вниманием и заботой матери, которая была хорошей пианисткой, а он не мог слушать её игру без слёз.

В детско-подростковом возрасте важно, чтобы у гениев и талантов не была упущена стадия формирования наряду с *увлечённостью этической, нравственной ориентацией*. При формировании культуры одарённого ребенка нельзя упустить *«воспитание моральным чувством, любовью, альтруистическим порывом*. Важны нравственные качества: *становление совести, человечности, без которых талантливый и даже гениальный человек может стать и преступником, и эксплуататором чужих дарований, и душителем чужого таланта...»* [15, с. 68].

Ценностные установки в детские годы формируют этическую составляющую личности, но не являются правилом, *гений и злодейство*, к сожалению, могут уживаться в человеке, вопреки известному высказыванию Пушкина в трагедии «Моцарт и Сальери», что гений и злодейство несовместимы. Эфроимсон пишет: «Старый вопрос о совместимости «гения и злодейства» давным-давно историей

был решён положительно, хотя Сальери, конечно же, не отравил Моцарта. За много лет до смерти Моцарт дважды был на краю гибели из-за невыносимой болезни почек, от которой он и умер. ...» [15, с. 68].

Этика как наука о человеке в ситуациях нравственного выбора, наука, осмысляющая фундаментальные основания человеческого поведения, связанные с долгом, ответственностью, свободой выбора, справедливостью и т.д., важна при формировании личности гения. Но добро и зло в жизни и творческая идея в искусстве — разные вещи, этическое и эстетическое расходятся. Если, начиная с античного мира в течение многих веков полагали, что красота и добро имеют один корень Единого первоначала и являются неразрывными метафизическими сущностями, то к началу двадцатого века искусство выходит из мира прекрасного, а гений осознаётся отнюдь не как создатель прекрасных и добрых деяний. В этой связи отметим: «Эстетическое как совершенное, прекрасное, гармоничное, как ценностное отношение к миру в гениальности имеет связь с волевым началом, с волей, с этической компонентой. Этический аспект генетики гениальности, на наш взгляд, проявляется в долженствовании, в проблеме заданной необходимости творить на века, несвободного выбора гения в социокультурных условиях, в ответственной увлечённости, в ценностной ориентации, следовании долгу, воспринимаемому в истоках космического бытия и человека как родового существа, производного космосом» [6, с. 14].

Наследственные факторы, которые стимулируют умственную активность

Согласно представлению Эфроимсона, наследственные факторы, отклонения и болезни стимулируют умственную деятельность. Это некоторые биологические особенности, даже болезни, такие как *гиперурикемия (подагра)*, *гипоманиакальная циклотимия*, повышенный уровень андрогенов и «гормональные» синдромы, (мужская половина человечества более продуктивна), высоколобие — эти качества встречаются у гениев статистически чаще, чем среди обычных людей.

Так, изучив биографии и патографии гениев по их сохранившимся медицинским материалам, ученый приводит большой перечень великих деятелей истории и культуры, обладавших подобными биологически унаследованными факторами. Например:

1) К «подагрическим гениям» (урикемия, т.е. артрит, вызванный отложением в различных тканях организма моноурата натрия или мочевой кислоты) он относит Бетховена наряду с Петраркой, Монтенем, Лейбницем, Кантом, Вольтером, Рембрандтом, др.

2) К «гипоманиакальным гениям» (циклотимия, вызванная сменами нервно-психического тонуса, сменой настроения возбуждения и подавленности, но не в крайне сильных выражениях) относит Р. Шумана, Гуго Вольфа, Джонатана Свифта, Торквато Тассо, Ван Гога, З. Фрейда, Э. Хемингуэя, др.

Гениальность — не признак психической патологии

Вместе с тем, ученый отмечает, что нельзя дать медицинскую характеристику депрессии и быстрым сменам настроения, которым отличался *Доницетти*, или объяснить переход *Россини* от фантастической продуктивности к сорокалетней бездеятельности, когда композитор за 13 суток создал знаменитую оперу «Севильский цирюльник» и много опер.

Роберт Шуман (1810–1856) с 23 лет до 42 испытал 6 приступов депрессии, меланхолии, маниакально-депрессивные кризы, между которыми шла обычная жизнь с повышенным настроением и очень творчески продуктивная. Эфроимсон считает сомнительным произвольное описание состояния мозга Шумана при вскрытии, приложенное к книге Василевского, равно как и другие сообщения о параличах, атрофии мозга.

По словам Эфроимсона, наследственность, биохимические особенности организма влияют на характер личности гения и его поведение, гипоманиакальные отклонения могут быть стимулом, но не определяют саму гениальность.

В современной психологической литературе до сих пор встречается устойчивое представление о том, что для гения характерно «переживание личностных кризисов как катализаторов развития гениальности» и «психическая патология как фактор формирования особой психической организации» [9, с. 107], Второе противоречит исследованиям и Эфроимсона и современного американского психоаналитика Р. Мэя. Не «психическая патология», а «психические состояния», которые не являются фактором, а могут выступать стимулом. А по поводу первого тезиса замечу, что переживание личностных кризисов, с точки зрения философской антропологии, является экзистенциальной

особенностью любого нормального человека и вообще существования человека как творческого существа. А также то, что гении тоже люди, человеки, которые не лишены эмоционально-творческого подъема, но в творческом процессе гения разумно-интеллектуальная сторона мышления в работоспособности перекрывает эмоции, иначе не получится гениального творения. Как говорил, великий Гёте, у гения один процент таланта и девяносто девять процентов пота.

По поводу патологии Р. Мэй пишет, что творчество великих личностей нельзя сводить к психической патологии и критикует распространённую точку зрения, что творчество — это невротическое состояние. Он пишет, что «распространённые психоаналитические теории творчества имеют две характерные черты. Во-первых, они редуктивны... Во-вторых, они огульно рассматривают творчество как выражение невротических паттернов» [7, с. 39]. Творчество гения отнюдь не продукт невроза. Конечно, в искусстве встречаются гении с психическими нарушениями, к примеру, Ван Гог впал в психоз, кто-то был алкоголиком и др. «Однако это вовсе не означает, что творчество — это продукт невроза» [там же, с. 40]. Процесс творчества необходимо рассматривать также не как результат болезни, или «перенос чувств или влечений, как утверждает теория сублимации» [там же], а как признак полного эмоционального здоровья, как проявление самореализации нормальных людей. Гении — тоже люди, они, как и другие, могут болеть, болезнь может быть стимулом творчества, но не причиной. С другой стороны, среди не гениальных людей достаточно невротиков.

Своим трудом Эфроимсон хотел доказать «существование гигантских резервных возможностей, гигантских потенциалов «нормального» человеческого мозга» [15, с. 24], с тем, чтобы осуществлять развитие, волевою стимуляцией человеческих возможностей во благо.

Социокультурные условия и третий фактор — стохастика

Для развившегося и реализовавшегося гения необходимы социальные условия, как писал Эфроимсон и современные исследования. Современная наука утверждает мысль о том, что гениальность и талант могут быть реализованы только в благоприятных социокультурных условиях для раскрытия творческих возможностей. Могут быть, но необязательно это произойдет.

Эфроимсоном замечено, что гении и таланты появляются «вспышками», группами в наиболее благоприятные социокультурные периоды, способствующие развитию и реализации природных возможностей. «Вспышки» проявленной гениальности обусловлены стимулирующей средой. О гениальности много писали в философии, особенно в XVIII, XIX веках. В XIX веке в появлении гениальности считали решающим фактором наследственность и воспитание. В XX веке выделяли условия воспитания и влияние социума, окружающей среды. Современная наука XXI века уточняет, что гипотеза Эфроимсона интересна и во многом верна, но мир устроен ещё сложнее, чем детерминирующий взгляд на него. Выдвигается значительная роль третьего фактора — *стохастики, случайности*.

Сегодня, согласно статье Е.Д. Свердлова, мы не можем ни предсказать, ни запрограммировать гения с помощью биомедицинских технологий, и уж, конечно, не можем вырастить в благоприятных социокультурных условиях. Приводится ироническая история того, как в Америке пробовали воспроизвести гениев искусственно из спермы нобелевских лауреатов, от трех доноров родилось 215 потомков, но ни один из них не был одарённым. Гениальный индивидуум — это редкий, счастливый случай.

Стохастическое влияние в проявлении гениальности становится главным фактором, поскольку остается проблемой: во-первых, генетическая предрасположенность, а именно, как она передается, когда в момент зачатия происходит миллиард вариантов и что зафиксировано в эмбрионе — неизвестно; во-вторых, реализации гения не всегда способствует социокультурная среда.

Стохастика играет большую роль в эмбриональном развитии, *некодируемый геном имеет индивидуальную переменность* (значит, точного кода нет или он для нас остается тайной). Есть *индивидуальные ненаследуемые качества*, поэтому клоны, клонирование не представляется возможным (пока их нет).

Есть еще один момент, который заключается в непредсказуемости стохастики, когда наследственные факторы оборачиваются «злой» шуткой. Встречаются дети и взрослые люди необычайно одарённые, но не ставшие гениями и вовсе не по причине воспитательных и социокультурных условий. Свердлов приводит пример некоего ребенка в США, обладавшего невероятным природным даром: в два года пользовался сознательно

компьютером, в пять лет освоил шахматы, в дошкольный период изучал алгебру, но ничего нового, творческого, гениального в будущем не изобрел.

Знать, уметь и творить — вещи разные. Таких природно одаренных людей, но не ставших гениями называют аутисты. Один аутист мог наизусть воспроизвести 9-томный музыкальный словарь. Другой, слепой музыкант-аутист после одноразового прослушивания большого музыкального произведения мог сразу воспроизвести его по памяти на пианино абсолютно точно. Однако это не гении, так как *атрибутом гения есть творчество*, непревзойдённая новизна на века. В этом смысле данные IQ тоже не имеют отношения к творчеству. Современная наука утверждает, что в *порождении новых идей работают разные типы мышления*, а не простое воспроизводство, память, интеллект, аналитика — всё это недостаточно для гения, творящего новые гениальные идеи и произведения. Таковы выводы современной генетической науки, которая все же расходится с психологическими наблюдениями и переосмысляет генетику гениальности Эфроимсона.

Резюме. Гениальность — это природа и творчество уникального, неповторимого космического, либо божественного дарования, непостижимого нашему разуму, гениями рождаются. Пожалуй, в открытии сущности гения человечество не очень-то продвинулось, если ещё в античности было подмечено, что в процессе творчества поэт находится в состоянии *mania*, одержимости, им движет высшая сила: «Поэт — это существо легкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда делается вдохновенным и исступлённым и не будет в нём более рассудка... Ведь не от умения они (поэты) это говорят, а благодаря божественной силе» [8, с. 138], и назначение гения «быть истолкователями и посредниками между людьми и богами...» [8, с. 132]. Смысл такого высказывания в том, что гениями движет тайная сила. Художник в широком смысле слова (поэт, музыкант) наделён даром озарения, вдохновения родить на свет свое детище — произведение искусства [5, с. 203]. Гениальное творчество присуще не только искусству, но и науке, гений в любом виде творения одержим творческим порывом, что не представляется возможным предугадать. Появление гения и созидание гениальных творений не контролируемо, но что мы знаем — это то, что гениями рождаются.

Список литературы

1. Адорно В. Теодор. Эстетическая теория / Пер. с нем. А.В. Дранова. — М.: Республика, 2001. — (Философия искусства). — 527 с.
2. Гилберт К.Э., Кун Г. История эстетики. Москва, «Прогресс», 2000. — 316 с.
3. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т.1. М., 1962. — 682 с.
4. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. — 367 с.
5. Коломиец Г.Г. Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении. / Вестник» Оренбургского государственного университета, № 7 (143) /июль 2012. — С. 194–203.
6. Коломиец Г.Г. Эстетический аспект генетики гениальности/ Вестник Оренбургского государственного университета. — № 7 (182) июль 2015. — С. 4–14. См также: Коломиец Г.Г. Гениальность как проблема соотношения природного и социального/Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: материалы IX Всеросс. междунар. науч. конф. / Забайкал. гос. ун-т; [под общ.ред. Н. Д. Субботиной]. — Чита: Заб ГУ, 2018. — С. 246–257.
7. Мэй Р. Мужество творить. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. — 160 с.
8. Платон. Соч. в 3-х т. Т.1. М. Мысль, 1968. — С. 138–139; Т.2, 1970. — С. 132.
9. Психологический журнал. Том 33 №2 С.107-108./ В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович «Характеристика и психологическая структура феномена гениальности».
10. Самохвалова В.И. Творчество: божественный дар; космический принцип; родовая идентичность человека: Научное издание. — М.: РУДН, 2007. — 538 с.
11. Свердлов Е.Д. Гениальность: Гены? Культура? Стохастика?//Вестник Российской академии наук, 2009, том 79, № 2. — С. 131–149.
12. Советский энциклопедический словарь. Москва «Советская энциклопедия», 1985. — 1600 с.
13. Соколов В.В. Историческое введение в философию: история философии по эпохам и проблемам. М.: Академический проект, 2004. — 912 с.
14. Степин В.С. Цивилизация и культура. — СПб. : С-Пб ГУП, 2011. — 408 с.
15. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. Изд.3-е. М.: Тайдекс Ко, 2004. —376 с.
16. Яковлев. Эстетика. М.: Гардарики, 2002. — 464 с.

ОНТОЛОГИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ

С.В. Чернов

ИДЕЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ БОГОЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Аннотация. Настоящая статья продолжает программу авторских исследований, основывающихся на развиваемой автором концепции богочеловеческой антропологии, где объектом исследования является не природно-социально-психологический человек, а человек духовный онтологический (см.: «Философская школа» № 3, 2018, с. 8–41). Развиваемая в этом и других трудах автора концепция богочеловеческой антропологии несёт в себе назначение охранения христианской истины созидающего творчества, правды-справедливости и безусловной любви. Здесь автор развивает, актуализирует и уточняет категориально-понятийный аппарат, разработанный и представленный в его предыдущих работах, в частности, в статьях, ранее опубликованных в журнале «Философская школа» под рубрикой «Богочеловеческая антропология». Автор представляет также начала богочеловеческой антропологии, разводит понятия «природно-социально-психологический человек» и «человек духовный онтологический». При этом автор выделяет вершинные человеческие типы: пророк, святой, гений, равно находящиеся на самой вершине духовного бытия человека. Раскрывает основные положения развития самой идеи гениальности в свете богочеловеческой антропологии. Формулирует главные перспективные задачи исследования гениальности в рамках трёх методологических направлений: развитие идеи гениальности, разработка проблемы гениальности, изучение гениальности как явления. Приходит к заключению о необходимости дальнейшего развития богочеловеческой антропологии, как нового и оригинального направления современной религиозно-философской мысли и аргументирует положение о том, что гениальность является одной из ключевых идей богочеловеческой антропологии.

Ключевые слова: идея гениальности, богочеловеческая антропология, объект и предмет богочеловеческой антропологии, природно-социально-психологический человек, человек духовный онтологический, пророк, святой, гений, воля к гениальности, святость и гениальность.

S. V. Chernov

THE IDEA OF GENIUS IN THE LIGHT OF GODMAN ANTHROPOLOGY

Summary. This article continues the program of author's research, based on the concept of godman anthropology developed by the author; where the object of the study is not a natural-social-psychological person, but a spiritual ontological person (see: "Philosophical School" No. 3, 2018, p. 8–41). The concept of godman anthropology, developed in this and other works of the author; carries the purpose of protecting the Christian truth of creative creativity, truth-justice and unconditional love. Here, the author develops, actualizes, and refines the categorical-conceptual apparatus developed and presented in his previous works, in particular, in articles previously published in the journal Philosophical School under the rubric of "Godman anthropology". The author also presents the beginnings of godman anthropology, divorces the concepts of "natural-social-psychological person" and "spiritual ontological person". At the same time the author identifies the highest human types: a prophet, a saint, a genius, who are equally at the very top of a person's spiritual being. It reveals the main points of development of the idea of genius in the light of godman anthropology. Formulates the main perspective tasks of the study of genius in the framework of three methodological directions: the development

of the idea of genius, the development of the problem of genius, the study of genius as a phenomenon. He comes to the conclusion about the need for further development of godman anthropology, as a new and original direction of modern religious and philosophical thought and argues the position that genius is one of the key ideas of godman anthropology.

Key words: *the idea of genius, godman anthropology, the object and subject of godman anthropology, a natural-social-psychological person, a spiritual ontological person, a prophet, a saint, a genius, the will to genius, holiness and genius.*

В человеке должно пробудиться божественное начало, он должен стать духовным человеком.

Николай Александрович Бердяев

Гениальность — это не обычное понятие, которому можно дать логически законченное определение, гениальность — это неисчерпаемый объект познавательной рефлексии, в который мыслители, философы и учёные вдумываются без конца, раскрывая его с новых сторон, в новой терминологии, обнаруживая в нём всё новое и новое содержание. «Никакая живая идея, — пишет выдающийся русский философ и мыслитель А.Ф. Лосев, — не может оставаться в течение веков одинаковой. Если она жива, то существует и всё время нарождается новое и новое её понимание» [10, с. 287]. Так и *идея гениальности* с течением времени наполняется новым содержанием и обретает всё новое и новое понимание, наполняется новым смыслом и значением.

Многие годы творческой жизни автора этой статьи были посвящены философскому постижению *природы и сущности человека с точки зрения его гениальности*. Результатом явилось несколько свежих идей по развитию идеи гениальности, разработке проблемы гениальности и изучению гениальности как явления, представленных в статьях и монографиях автора [16, 20, 22, 24 и др.]. В частности, автор рассматривал гениальность, интегрируя философско-антропологический, культурно-исторический и психолого-феноменологический подходы [17, 19]. Итогом этого многолетнего труда явился, на первый взгляд, неутешительный, но одновременно, одухотворяющий творческий процесс, вывод о том, что ни идея, ни проблема, ни явление гениальности не укладываются, как ни в одно из современных направлений гуманитарного знания, так и не вмещаются ни в одну из существующих ныне философских концепций.

Сказанное заставило автора: во-первых, принципиально пересмотреть категориально-понятийный аппарат исследования гениальности; во-вторых, провести подробнейший критический анализ собственных подходов к исследованию

гениальности и пересмотреть многие прежние представления [24, 25, 26]. Новое направление творческого поиска натолкнуло автора на мысль, что гениальность следует рассматривать не просто как некое свойство, состояние, качество человека или просто как *тип дарования*, наряду с прилежанием и талантом (по Канту). Гениальность следует рассматривать в *онтологическом смысле*: как *необходимо-сущее* человека в его духовном бытии; как *вершинную меру духовности* человека; как *высшую форму проявления духа* в многогранной созидательно-творческой деятельности человека. Понятно, что это последнее потребовало поиска новых концептуальных идей для исследования (развития идеи, разработки проблемы, изучения явления) гениальности. И такие идеи обнаружили себя на вершинах русской религиозно-философской мысли последней трети XIX и первой половины XX веков — это *идея Богочеловечества* В.С. Соловьева [14, 15]. и *идея богочеловеческой антропологии* Н.А. Бердяева [3, 4].

Впервые понятие «богочеловеческая антропология» было предложено Н.А. Бердяевым в одной из его неопубликованных при жизни статей 30-х годов прошлого века, а также в его известной книге «*Самопознание*» (Париж, 1949) [3, 4]. Бердяев связывает богочеловеческую антропологию с русской религиозно-философской мыслью, с упованием «на наступление новой творческой эпохи в христианстве», с пониманием «христианства как религии Богочеловечества» [4, с. 520], развивая тем самым идею В.С. Соловьева о наступлении исторической эпохи Богочеловечества.

Интеграция указанных идей Соловьева и Бердяева привела автора к мысли о необходимости разработки концептуальных оснований богочеловеческой антропологии, как современного оригинального направления религиозно-философской мысли, видящей свои истоки в недрах русской религиозной философии XIX–XX веков.

Основываясь, прежде всего, на трудах Н.А. Бердяева и Вл.С. Соловьева, автор рассматривает богочеловеческую антропологию как такое направление в познании человека, где объектом исследования

является не *природно-социально-психологический человек* (как во всех отраслях современного гуманитарного знания, так и во всех направлениях современной философской антропологии), а *человек духовный онтологический* (человек как сущее в своём духовном бытии).

Понятие об онтологическом духовном человеке

Первым мыслителем, сформулировавшим и раскрывшим в онтологическом смысле понятие «человек духовный» был великий русский религиозный философ, создатель философской парадигмы всеединства, Вл. С. Соловьёв. Причём, понятие «человек духовный» логично встраивается в философию всеединства Соловьёва, где «...вера в Бога и вера в человека — сходятся в единой полной и всецелой истине Богочеловечества»¹.

Исходя из тезиса о том, что «человек есть некоторое соединение Божества с материальной природой», В. С. Соловьёв вводит следующую иерархию уровней развития человека — *человек первобытный, человек природный, человек духовный* и, соответственно, выделяет в человеке три составных элемента: «божественный, материальный и связующий оба, собственно человеческий». В *первобытном человеке*, утверждает Соловьёв, человеческое начало содержится только как зародыш «божественного бытия»; в свою очередь, *человек природный* «находит себя как факт или явление природы, а божественное начало в себе — как возможность иного бытия». Если же «...Божество и природа одинаково имеют действительность в человеке, и его собственная человеческая жизнь состоит в деятельном согласовании природного начала с божественным, или в свободном подчинении первого последнему», то «такое отношение составляет *духовного человека*» [14, с. 190]. По Соловьёву, «понятие духовного человека предполагает *одну богочеловеческую личность, совмещающую в себе два естества и обладающую двумя волями*» [там же, с. 191].

¹ К слову сказать, проповедуемая Вл. С. Соловьёвым «истина Богочеловечества», в частности, и его философия всеединства, в целом, благодаря новомодным постмодернистским тенденциям в философии, постепенно переводятся в разряд утопических учений. И это понятно, ведь *Истина Богочеловечества, проповедуемая Соловьёвым*, закрывает путь для проникновения не только в философию, но и в саму нашу жизнь, этих постмодернистских тенденций. Ведь постмодернизм — это есть не что иное, как искажение всего благого, возвышенного и прекрасного, с последующим разрушением всего светлого и нравственного, святого и гениального, провиденциального и творческого.

«Между природным и духовным человеком разница не в том, — указывает Соловьёв, — что первый вовсе лишён высшего духовного элемента, а в том, что этот элемент в нём не имеет сам по себе силы совершенного осуществления и, чтобы получить её, должен быть оплодотворён новым творческим актом или действием того, что в богословии называется *благодатью* и что даёт сынам человеческим “власть становиться детьми Божиими”. Благодать и по поучению правоверующих богословов не упраздняет природы вообще и нравственной природы человека в особенности, а *совершает* её. Нравственная природа человека есть необходимое условие и предположение богочеловечества» [15, с. 565]. Ещё одним «необходимым условием и предположением богочеловечества» является также и творческая природа человека. И в этом совершении в человеке настоящей целостной онтологической природы особая роль принадлежит гениальному человеку — *человеку-созидателю, находящемуся в непрерывном поиске совершенства* [подр. см.: 21, с. 102–103].

«Онтологический человек, — пишет Н. А. Бердяев, — корни которого уходят в глубину божественного бытия, имеет право на творческое познание. Но этот онтологический, духовный, а не природный человек, открывается путём очищения, путём аскезы и жертвы, путём преодоления низшей природы и достижения духовной свободы». Той свободы, которая «...должна обратиться к миру идей, к миру смысла» [3, с. 173]. — Того мира, который, увы, закрыт для природного, психологического человека. Парадокс в том, что именно духовный человек, принимающий на себя высочайшую ответственность совершенной нравственности (праведности), и тяжелейшую ношу созидющего творчества (гениальности) и есть по-настоящему свободный человек. Напротив, природно-социально-психологический человек², подчинённый в своём бытии низшим стихиям (природе, обществу, социальной среде, экономическим условиям, эгоцентризму собственного “Я”) не несёт ещё в душе своей избрание Божие. Он в него не верит, а потому не понимает и, соответственно, не принимает, и душа его остаётся закрытой для принятия *божественного откровения*, того, что великие мыслители издревле называли *призванием-назначением* человека, *искрой*

² Далее, «природного человека», по классификации В. С. Соловьёва, мы будем называть «природно-социально-психологическим человеком», что, на наш взгляд более точно отражает уровень развития духовности современного человека. О чём подробно будет сказано ниже.

Божьей или Промыслом Божиим. Благодатный дар¹ нисходящий на такого человека свыше не находит в нём ответа².

Природно-социально-психологический человек может быть вполне цивилизован. Может иметь достаточный уровень знаний и необходимое образование, чтобы адаптироваться в своей индивидуальной жизни и социализироваться в этом обществе. Он может обладать огромной научной, философской, технической эрудицией. Может демонстрировать самые выдающиеся способности, и быть способным на самые невероятные достижения в тех или иных сферах деятельности и по этим своим достижениям он может очень сильно отличаться от всех других природно-социально-психологических людей, даже от тех из них, которые находятся в той же социальной нише и имеют аналогичный общественный статус. Но при этом, этот выдающийся человек по-прежнему остаётся природно-социально-психологическим существом, поскольку, несмотря на свои высочайшие способности, достижения, успехи он будет оставаться на тех же *низменностях духовности*, как и все другие, существующие рядом с ним люди.

Конечно, природно-социально-психологический человек отнюдь не лишён «высшего духовного элемента», однако «этот элемент в нём не имеет сам по себе силы совершенного осуществления» [15, с. 565] и поэтому этот человек наряду с тем, что он может создавать, преображать, преобразовывать и тем самым *приращивать наличное бытие*, такой человек одновременно способен разрушать, умножать зло, *приращивать небытие*. Когда природно-социально-психологический человек вместо благого, возвышенного, прекрасного множит зло и производит низкое и безобразное, когда он вместо любви к ближнему жёстко конкурирует с ним; то мы должны определить данные деяния как «демонические», противоречащие духу *созидающего творчества*. Ведь творчество, изначально, по самому своему смыслу и значению, связано с *созиданием (творением, приращением бытия) и поиском совершенства*.

Исходя из представления об уникальности каждой личности, и иерархии природных и духовных дарований, можно утверждать, что человек *природно-социально-психологический*, равно как

и человек *духовный* имеют своих выдающихся представителей, составляющих высшую ступень соответствующей иерархии и оставивших свой след в истории развития материальной и духовной культуры человечества. В высшей иерархии природно-социально-психологического человека можно выделить образы-символы-типы *вождя, героя и изобретателя*. Причём, понятие «изобретатель» используется здесь в широком, а не в узко-технократическом смысле. Например, человек, узревший принцип колеса, или человек, который впервые изобрёл метафорическую форму стиха, или социальный реформатор — все они изобретатели.

Точно также в высшей иерархии человека духовного, выделяются *три* высших духовных образа-символа-типа: 1) *пророк*, одарённый вершинной мерой духовности в форме *абсолютной провиденциальности* (профетизм); 2) *святой*, одарённый вершинной мерой духовности в форме *совершенной нравственности* (праведность, святость); 3) *гений*, одарённый вершинной мерой духовности в форме *выдающейся творческой гениальности*. Именно эти три человеческих образа-символа-типа более всего подходят под определение человека, начертанного в первой главе *Книги бытия* — «по образу» и «по подобию». Вообще, если бы мы не имели среди людей примеров вершинных духовных типов пророка, святого и гения, то человека с трудом можно было бы заподозрить в наличии у него тех оснований, которые мы и определяем как *божественное начало в человеке*.

Одно из вершинных проявлений духа в творческой жизни человека, известное издревле, есть не что иное, как *гениальность*, которая в настоящем исследовании определяется как *вершинная мера духовности*, где дух человека находит своё выражение в *созидательном творчестве*. Поскольку именно в творческом акте указанные выше признаки человеческой духовности получают наибольшее и явно угадываемое проявление, постольку *гениальность* может и должна рассматриваться как одна из *базисных характеристик духовного человека*. В свою очередь, если гениальность (гений — дух, *лат.*) понимается как *изначальная сущность* человека в его духовном бытии, как *состояние человека, наполненное трансцендентными энергиями инобытия* (горнего мира) (Н. А. Бердяев) [2, 5], как *бытие божественного в человеке* (Фр. Шеллинг) [27, с. 162], то *гениальность является одной из ключевых идей богочеловеческой антропологии*.

¹ «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рождённым от Духа» (Ин. 3: 8).

² «Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его...» (Ин. 14: 17).

Начала богочеловеческой антропологии

В книге *«Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности»* (1937) Н. А. Бердяев устанавливает «три ступени духовности»: 1) духовность, ограниченную природой; 2) духовность, ограниченную обществом; 3) чистую освобождённую духовность, для которой «священны лишь Бог и божественное в человеке...» [2, с. 374–375]. Обобщая представления В. С. Соловьёва о трёх уровнях развития человека: первобытный, природный, духовный и указанные здесь положения Бердяева, можно видеть явное соответствие между тремя уровнями развития человека у Соловьёва и тремя ступенями духовности у Бердяева. Установленное соответствие позволяет говорить о следующих *трёх ступенях человеческой духовности*: 1) духовность, ограниченную природой у первобытного человека; 2) духовность, ограниченную и природой и обществом у природно-социально-психологического человека; 3) чистую освобождённую духовность человека духовного.

Духовность первобытного человека, ограниченная природой. Религиозные представления первобытного человека, равно как и развитие его культуры, связано с природными объектами, когда, например, материальный объект — животное, растение, природное явление — наделяется божественной силой.

Духовность природно-социально-психологического человека, ограниченная природой, обществом и эгоцентризмом психологического «Я». Религиозные верования, равно как и культурные представления природно-социально-психологического человека поднимаются уже до уровня символизма, когда, например, в символических образах интегрируется божественное и человеческое. Причём, здесь может преобладать либо *природная символика* (громовержец Зевс, повелитель природных сил Перун и др.); либо *символика общественно-социальная* (религиозные представления индуизма, религиозные представления иудаизма) либо *символика психологическая* (религиозные представления буддизма, представления о мета-психозе, психоделические техники, ставшими особенно популярными в современную эпоху).

При этом современная эпоха, подготовленная предшествующей историей развития культуры, характеризуется тенденцией к наращиванию своеобразного *религиозного эгоцентризма*, на что оказало влияние, в том числе, бурное развитие различных направлений психологии личности,

акцентирующих эгоцентризм психологического «Я», отдельных философских учений (как то философия телесности, трансгуманизм), психоделических техник, идеологии постмодернизма.

Чистая освобождённая духовность человека духовного. Религиозно-культурные представления духовного человека проистекают из интеграции универсальных идей Благого (Любовь), Возвышенного (Истина), Прекрасного (Красота), а его созидательно-творческая деятельность выстраивается на принципе *сотворчества с Богом*. Вспомним слова Христа: «Я есмь путь и истина, и жизнь». Путь духовного человека — это путь от Ветхого Адама к Новому Адаму (духовному человеку) — это путь от человечества к Богочеловечеству

Итак, **объектом исследования в богочеловеческой антропологии** является не *природно-социально-психологический человек*, который изучается всеми ныне существующими и действующими гуманитарными и общественными науками, а также рассматривается в рамках современной философской антропологии, а *человек духовный*, жизнь которого, по Соловьёву, «состоит в деятельном согласовании природного начала с божественным, или в свободном подчинении первого последнему» [14, с. 190]; и который нацелен, по Бердяеву, на единение с высшим божественным миром, — на своё *сотворчество с Богом* [2, 3].

Однако, в современном утопическом, падшем, безумном мире человек уже не стремится к Богу, он чаще склонен отвергать Божественное Провидение. Но наряду с этим во все времена *были, есть и всегда будут быть* люди, которые в своих помышлениях, в своих деяниях и в смыслах личного бытия наиболее близки не к существующей вокруг них утопической, по своей сущности, бытности, а, напротив, к *единственно истинной реальности духовного бытия*. Именно такие люди, на наш взгляд, и составляют когорту людей, являющих собой *истинную человечность*. И высшими типами таких людей являются *пророки, святые и гении* — те люди, которые по праву могут носить имя *человека духовного* — человека, несущего в лике своём образ и подобие Божие. Именно в таких людях мы только и можем воочию лицезреть *человеческий дух в его истинно-совершенном бытии*. А провиденциальные, нравственные и творческие отправления духовного человека в его эманациях пророка, святого и гения собственно и составляют предметное поле богочеловеческой антропологии.

Соответственно, **предметом богочеловеческой антропологии** является *человеческий дух в его связи*

с божественным началом, а также установление реальных связей, которые могут существовать между Богом и человеком. Здесь важно отметить, что идея, обозначенная здесь в качестве предмета богочеловеческой антропологии, относится к числу тех идей, о которых говорят как о *дарованных свыше* и находящихся на кончике пера гениальных авторов.

В повести «Луи Ламбер» гениального Оноре де Бальзака развивается идея о неуёмном стремлении гениальной человеческой мысли к установлению «реальных связей между человеком и Богом» [1, с. 274]. Литературный герой Бальзака Луи Ламбер задаёт следующий риторический вопрос: «Разве движения, присущего миру, недостаточно, чтобы доказать существование Бога, и мы должны обращаться ко всевозможным нелепостям, порождённым нашей гордыней?» [там же, с. 275]. В попытке ответить на ряд поставленных им же самим вопросов о связи Бога с человеком, парадоксах человеческого бытия, о коренной перестройке науки об обществе, Луи Ламбер восклицает: «...покуда какой-нибудь прекрасный гений не объяснит заведомое неравенство умов, общий смысл человечества, слово “Бог” будет постоянно уязвимо, а общество будет существовать на зыбучем песке» [там же, с. 276].

В свою очередь, главная **идея богочеловеческой антропологии** — это *вера в любовь, добро порождающую*. «Бог — есть любовь», — сказано в *Евангелии от Иоанна*. «Есть два рода людей, — настаивает Д. С. Мережковский, — одни верят или знают (тут знание и вера одно и то же), что, несмотря на всю неправду и зло мира, он все-таки в корне добр: “Всё добро зело”. А из веры в добро — и воля к добру: “Сейте разумное, доброе, вечное!” Это христиане, не в историческом, временном, а в метафизическом, вечном смысле, хотя бы они во Христа не верили. Другие верят или знают, что мир в корне зол: “Всё зло зело”, всё к худу. Сколько не сей доброе, вырастет злое. Это — нехристиане, опять-таки в смысле вечном, хотя бы они во Христа и верили» [11, с. 333]. Первые — это в сущности своей — *созидатели*; вторые — *разрушители*. Когда индивидуум производит разрушение, преумножает зло, приращивает небытие — он не творец, не созидатель, и сам, поэтому, преобразуется в меон — превращается в ничто. Когда природно-социально-психологический человек вместо благого, возвышенного и прекрасного производит деструктивное, низкое, безобразное, тогда мы не можем называть эти деяния творчеством, поскольку *творчество* изначально, и по смыслу, и по значению *связано с созиданием и поиском совершенства*.

Из сказанного проистекает главная **задача богочеловеческой антропологии** — раскрыть

сущность человека в его сотворчестве с Богом и постичь его природу как «образа и подобия», согласно *библейскому принципу сотворения*. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его...» (*Быт. 1:26–27*). Причём, разрешение этой задачи направлено не на обличение злого в мире и зверя в человеке, — этого достаточно было сделано и до нас, — а на *исследование* (выявление, представление, описание) в человеке *вечного, благого, доброго, возвышенного, провиденциального, нравственного, творческого*, — того, что несёт человек от Бога.

Главным **методом богочеловеческой антропологии** является развиваемый автором *метод триадической диалектики*, где раскрытые в ходе философской рефлексии соответствующие содержательно-смысловые триады: *благое — возвышенное — прекрасное; творческий дар — призвание-назначение — воля к гениальности; провиденциальность — нравственность — творчество; воля к гениальности — воля к усреднению — воля к бездарности* и др., выступают фундаментом, логической основой и продуктом религиозно-философской мысли.

Таким образом, **богочеловеческая антропология** — это понимание о *духовном онтологическом человеке*, — о провиденциально-нравственно-творческом человеке, о человеке-творце, о человеке, созидающем в сотворчестве с Богом. Богочеловеческая антропология — это современная *религиозно-философская мысль* о вершинном порядке человеческого бытия — о *духовности человека*; о месте и роли человека в мире, но человека не самого по себе, а в его сотворчестве с Богом; о призвании-назначении духовного онтологического человека — человека будущего.

Сегодня человек находится в самом начале своей духовной истории. Об этом свидетельствуют два фактора. С одной стороны, всё более углубляющийся интерес и внимание человека к своим духовным истокам; а с другой стороны, всё более ожесточающееся противостояние духовному возрождению человека, которое оказывают силы тому противоположные. На самых высших уровнях идеальной реальности силы духовного небытия сталкиваются с силами духовного бытия, где главной ареной названного противоборства становится человеческая душа. И человек, находящийся в самом центре этого противоборства *призван приступить к решению главной своей задачи — к одухотворению бытия*, тем самым оправдывая смысл своего собственного существования. Таким образом, понимание

о духовном онтологическом человеке, разворачивающееся в свете богочеловеческой антропологии, осуществляется в целях окончательного *совершения* в человеке *образа и подобия Божьего*.

Считаем нелишним ещё раз напомнить, что ныне, как и прежде, объектом исследования для всех существующих и действующих гуманитарных и общественных наук выступает *природно-социально-психологический человек*. И ни одна современная наука, и ни одна современная философская система не занимаются, увы, изучением и творческим познанием человека духовного. Поэтому богочеловеческая антропология является вполне оригинальным направлением современной религиозно-философской мысли, направленной на *творческое познание духовного онтологического человека, и призванной* раздвинуть границы религиозно-философского постижения человека.

Гениальность и святость

В философской и научной литературе неоднократно поднимался вопрос о соотношении *гениальности и таланта* (И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, А. Шопенгауэр, О. Вейнингер, Н.А. Бердяев [5], Н.В. Гончаренко [7], С.В. Чернов [16], Д.Н. Савченко [13] и др.). Однако эти явления относятся к различным порядкам бытия. По Бердяеву, талант, — это специализированная функциональная одарённость, направленная на удовлетворение актуальных потребностей и нацеленная на создание ценностей «мира сего», тогда как гениальность — это универсальный дар от «мира иного», направленный на инобытие и нацеленный на искание истины [5, с. 181–183]. Источником этой истины является *вершинный, божественный порядок бытия*. Талант, как правило, слишком приземлён, прагматичен, актуализирован наличным бытием [16, 19, 20]. Поэтому сопоставительный анализ гениальности и таланта оказывается далеко недостаточным в постижении сущности человеческого гения и развития идеи гениальности.

Методологически более обоснованным видится сопоставительный анализ гениальности с другими вершинными формами проявления духовности, которые также относятся к вершинному порядку бытия. К их числу относятся, как было сказано выше, вершинная мера духовности в форме *абсолютной провиденциальности* (профетизм) и вершинная мера духовности в форме *совершенной нравственности* (праведность, святость).

Проблема соотношения *вершинных духовных феноменов святости и гениальности* была впервые

поставлена Н.А. Бердяевым в его труде «*Смысл творчества*» (1916). Здесь Бердяев ставит и развивает идею о «религиозной природе гениальности» и делает вывод, что «потенция... гениальности, как и потенция святости, есть у всякого образа и подобия Божия», а *гениальность сама по себе не менее достойный, чем святость, путь человека к Богу*. «И культ святости, — пишет Бердяев, — должен быть дополнен культом гениальности, ибо на пути гениальности совершается жертвенный подвиг и творческие экстазы на этом пути не менее религиозны, чем экстазы святости. Переход к творческой религиозной эпохе прежде всего должен привести к осознанию религиозной природы гениальности. Не только святость, но и гениальность есть путь. И если не всем дана гениальность, то и не всем дана святость». Также как Творец предназначал человека святости, он также «предназначал человека к гениальности» [5, с. 183–184].

Несмотря на безупречную логику идеи Бердяева о религиозном смысле гениальности, подобному религиозному смыслу святости, эта идея обрушилась на автора жесточайшую критику со стороны его оппонентов. Немудрено. Ведь *гениальные идеи*, — к которым следует отнести идею Бердяева об *онтологической равнозначности святости и гениальности*, — начинают осознаваться много позже времени их зарождения. Самую жёсткую критику вызвали те фрагменты, где автор проводит свою линию на примере святости преп. Серафима Саровского и гениальности Александра Сергеевича Пушкина.

В частности, главный российский публицист тех лет В.В. Розанов, который, как известно, сразу и без особых раздумий, публиковал абсолютно всё, что выходило из под его пера, в своём критическом разборе, приводя выдержки, где говорится о св. Серафиме и о Пушкине, с обычным для своих критик сарказмом, делает следующий убийственный вывод: «Страницы очень слабые и, можно сказать, газетные, а не книжные. Они наполнены духом ежедневности и совершенно вне широкого горизонта истории» [12, с. 272]. Розанов упрекает Бердяева в том, что в своей книге он прошёл мимо выдающихся фактов христианской истории, свидетельствующей о подвижничестве святых, а также в том, что Бердяев выбрал для своего анализа XIX век: «Бердяев судит мировые вопросы, под освещением, идущее от этого жалкого века — жалкого из жалких, он подводит центральные вопросы христианства!» [там же, с. 273]. Однако, эти упреки Розанова совершенно не обоснованы, поскольку Бердяев не ставил здесь задачи, собственно *исторической*. Его задача носила

более высокий — онтологический смысл: сопоставить святость и гениальность как равно вершинные формы духовного бытия человека.

Неужели такая простая мысль Бердяева, что «святость не есть единственный путь к тайнам бытия» [5, с. 184], поскольку и в гениальности, так же, как и в святости «раскрывается творческая тайна бытия, т.е. “мир иной”» [там же, с. 186], могла ускользнуть от внимания такого проницательно-го критика и аналитика, каковым многие считали Розанова? Возникает ещё один вопрос. Либо Розанов *не хотел* понимать, либо он *не мог* понять мысль Бердяева, что гениальность как и святость есть «избрание и назначение»?

Скажем на это следующее. Розанов не только *не хотел* понимать Бердяева, он, просто-напросто ещё духовно «не дорос» до такого понимания. И это последнее становится совершенно очевидным, когда мы находим у А.Ф. Лосева следующую очень меткую характеристику, определяющую Розанова как «мистика в мещанстве» и как проповедника «мелкобуржуазной иудаистической истины» [9, с. 113], воспевающего ценности природно-социально-психологического человека в его неуёмном стремлении к потреблению. Розанов, как «проповедник мелкобуржуазных ценностей», просто неспособен понять «аристократа духа» Бердяева, говорившего на совсем ином, по сути своей ненавистном Розанову языке. Это последнее вполне понимал и сам Бердяев, когда в своей книге «Самопознание» при общей и очень высокой оценке творчества Розанова, писал следующее: «Наши мирозерцания и особенно наши мироощущения принадлежали к полярно противоположным типам» [4, с. 406] и противопоставлял свою позицию «свободы духа» позиции «объективированной магии плоти» [там же], певцом и окончательным последователем которой выступал Розанов.

Другой из оппонентов Бердяева, В.В. Зеньковский, высказавший немало одобрительных слов о «Смысле творчества» и оценивший названную книгу как «одно из наиболее значительных религиозно-философских произведений последнего времени» [8, с. 284], вместе с тем, также не согласился с обсуждаемой здесь идеей. Он посчитал неправомерной попытку противопоставления святости и гениальности: «Противопоставлять св. Серафима Пушкину значит считать святость однородной художественному дарованию; гениальность противопоставляется поэтому Бердяевым святости как особый путь. Но разве можно противопоставлять часть целому? Святость охватывает всю духовную жизнь, т.е. прежде всего моральную, а затем

и иную; поэтому святость означает лишь уровень духовной жизни, а не её содержание» [там же].

Однако сам Бердяев не противопоставлял святость Серафима и гений Пушкина. Напротив, он пытался рассматривать святость и гениальность как равно данные Богом дары, те дары, о которых говорится в Новом Завете. Ведь именно об этом проповедует Св. ап. Павел: «Не хочу оставлять вас, братия, в неведении и о дарах духовных. Дары различны, но дух один и тот же; и служения различны, а Бог один и тот же; производящий всё во всех. Но каждому даётся проявление духа на пользу. Одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера тем же Духом; иному дары исцеления, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков» (1 Кор. 12, 1, 4–10).

Главная мысль Бердяева состоит в том, что «святость не единственный дар Божий и не единственный путь к Богу. Дары Божьи бесконечно многообразны, многообразны пути Божьи, и в доме Отца обителей много» [5, с. 184], — практически повторяет Бердяев слова из Священного Писания. Главная мысль Бердяева не в том, чтобы столкнуть, развести или уподобить понятия святости и гениальности, а наоборот, подчеркнуть их единство, как в религиозном, так и в онтологическом смысле:

«К пути гениальности человек бывает так же избран и предназначен, как к пути святости. Есть обреченность гениальности, как и обреченность святости» [там же, с. 179].

«Новое сознание творческой эпохи должно признать в сфере психологической равноценность совершенства познавательного и эстетического совершенству нравственному и в сфере мистической, равноценность гениальности и святости» [там же, с. 185].

«Для божественных целей мира гениальность Пушкина также нужна, как и святость Серафима» [там же, с. 179].

В этих словах Н.А. Бердяева звучит простая и ясная мысль, что святость Серафима, так же как и гениальность Пушкина, есть дар Божий. Духовный дар, от которого ни тот и ни другой просто не могли бы отказаться, и каждый из них шёл по этому своему пути в соответствии с определённым каждому из них призванием-назначением — в соответствии с Божественным Провидением.

Позднее Н.А. Бердяев вновь и вновь будет обращаться к своей идее об онтологической равнозначности святости и гениальности. Так, в своей

неопубликованной при жизни статье «*Основы религиозной философии*» (предпол. 30-е годы) Бердяев напишет: «Высшая духовная природа человека имеет два обнаружения и проявления — святость и гениальность. Святые и гении — высшая человеческая природа... Сходны эти вершины в том, что и там и здесь обнаруживается целостная природа человека, действует целостный дух. И святость, и гениальность есть качественное всего человека, есть направленность всего его духа, а не специфический дар, не специфическая функция человека... Святость и гениальность — универсальны по своей природе» [3, с. 193].

Неудивительно, что современники Бердяева, философы и мыслители не поняли (в силу своей ментальной неготовности) этой кардинальной идеи Бердяева, удивительно другое, что эта идея не заинтересовала современных исследователей творческого наследия выдающегося мыслителя. Даже в замечательной книге первого в отечественной философии знатока и исследователя жизни и творчества Бердяева проф. О.Д. Волкогоновой, вышедшей в серии «*Жизнь замечательных людей*» (2010), означенной идее Бердяева посвящено (вскользь) лишь несколько строк [6, с. 182]. Конечно, О.Д. Волкогонову, как автора, взявшего на себя невероятную по сложности и значимости задачу освещения творческой жизни Н.А. Бердяева, нельзя упрекать в том, что какая-либо из оригинальных и самобытных идей Бердяева (а в его трудах их множество), была недостаточно освещена автором. Удручает другое, что многочисленные современные исследователи творческого наследия Бердяева не придали этой идее той значимости, какую придавал ей сам Бердяев, раз-за-разом обращаясь к ней в своих трудах («*Смысл творчества*», 1916; «*Спасение и творчество*», 1926; «*Философия свободного духа*», 1927–1928; «*Основы религиозной философии*» и др.). Именно поэтому мы здесь вновь, как и ранее [19, с. 167–169; 23, с. 36–39], обращаемся к этой идее, поскольку она имеет непосредственное отношение к обсуждаемым здесь вопросам.

Святость и гениальность, как вершинные духовные феномены, онтологически равноценны. Святой, так же как и гений, первый своим безусловным нравственным служением, а второй созидательным творческим трудом, реализуют возложенную на них миссию приращения духовного бытия, определяя, тем самым, не только смысл своего личного бытия, но и ярко освещающая своими деяниями, и самой жизнью своей путь к Богочеловечеству. Таким образом, и святой и гений решают возложенную на них задачу преображения

природно-социально-психологического человека в человека духовного, указывая человеку очевидную и безусловную Истину о том, что преображение человечества в Богочеловечество — это единственно достойный путь для человека, путь обретения истинной человечности — образа и подобия Божия.

Природа святых и гениев световая. Они носители Божественного света — это своеобразные световые корпускулы, создающие мощную световую духовную волну. Они освещают человеческую жизнь, через их нравственные подвиги и творческие труды человечество прозревает, вбирает в себя духовный свет бытия, постигает тайны Божественного света. И если к этому приходят лишь единицы — это не повод отвергать такую возможность для всех других.

Опыт творческой жизни гения, равно как и опыт духовной жизни святого есть достояние духовной культуры человека. И опыт этот имеет не только познавательное значение, но и, прежде всего, нравственное, воспитательное значение. Святые и гении есть маяки духа, указывающие человечеству пути следования за достойными подражания примерами. Судьба человека во многом определяется теми маяками, которые вспыхивают на его пути, а уже сам человек определяет те из них, которые на его взгляд указывают ему верный путь. Святой показывает нам абсолютную ценность безусловной любви, и учит каждого из нас следовать единственно необходимой для духовного преображения заповеди «любви Бога больше себя и ближнего, как себя» и тем самым пробуждает в каждом из нас изначальную от сотворения человечность, которая и есть сама любовь.

Дорога святого — это всегда путь любви, дорога гения — это всегда путь созидающего творчества. Слияние этих двух дорог в единый, указанный Богом Путь, и есть собственно — путь жизни, а святые и гении — суть духовные маяки, выстраиваемые на этом пути в духовной истории человеческого рода. И поскольку таковые люди всегда были, есть и всегда будут быть среди нас, то наступит, наконец, время, когда освещенный светом Истины человек обретет, наконец, Любовь, которая «долго терпит, милосердствует,... не завидует,... не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде...» (1 Кор. 13: 4–6). И тогда человек «сорадуется истине» (1 Кор. 13: 6), увидит всю неприглядность того, что им содеяно, увидев, — ужаснется, а ужаснувшись, — прозреет.

Итак, святость и гениальность — это есть явления одной природы, одного порядка бытия, а святой и гений — это специальные люди, носители

божественного света любви и божественного слова истины, Богом призванные на дело духовного преображения человеческого рода — от природно-социально-психологического человека к человеку духовному. В свою очередь, *идея святости*, равно как и *идея гениальности*, в их религиозной и онтологической равнозначности, призваны *осветить путь* человечества к Богочеловечеству.

Развитие идеи гениальности

В соответствии с нашими исследованиями и творческими поисками (С.В. Чернов, 2008–2019), мы постепенно вышли на *деятельностно-содержательно-смысловую модель гениальности* (см. табл. 1)¹, наиболее полно определяющую творческий лик (образ личности) гения, как человека-созидателя, находящегося в постоянном поиске совершенства.

Обращаем внимание читателя, что настоящая модель представлена шестью равновесными триадами, определяющими деятельность направленность, содержание, смысл творческих поисков и деяний гениального человека. Здесь представлены антропологические (универсальные) образы человека-созидателя (столб. 3, 4, 5), причём личность гения находит своё творческое лицо (ЛИК) в каждой из представленных здесь триад, полностью их перекрывая своей деятельностной направленностью, смыслом и содержанием своей творческой жизни. При этом настоящий ЛИК гения, определяется универсальными идеями *Любви, Истины, Красоты* и идеалом совершенства: *Благое — Возвышенное — Прекрасное*, который, в свою

очередь, определяет и *направление*, и *предназначение*, и *смысл творческих поисков гениальной личности* (столб. 6).

Настоящая модель может быть принята в качестве того *критерия гениальности*, который в исследовательском смысле позволит отличать реализовавшегося гениального человека от всех остальных людей, которым история, нередко незаслуженно, присваивает *имя гения* [подр. см.: 24]. При этом, на наш взгляд, подтверждаемый результатами предшествующих исследований [17], первая триада (*Творец — Мыслитель — Художник*) имеет наибольший критериальный вес в *обнаружении и проявлении гения* конкретного человека.

Таким образом, раскрыв представление о сущности духовного онтологического человека, представив начала богочеловеческой антропологии, где гениальность выступает в качестве одной из ключевых идей, рассмотрев гениальность и святость как вершинные эманации духовного порядка бытия, представив, наконец, деятельностно-содержательно-смысловую модель гениальности, мы приходим к следующей *оригинальной идее гениальности*.

Гениальность — это больше чем качество, состояние или свойство личности, она шире, чем просто психическое явление, она много выше других антропологических феноменов. Она неподвластна даже смерти, поскольку дух гения продолжает свою полнокровную и пульсирующую жизнь даже после физической кончины своего носителя, запечатлевшись в идеях, трудах и деяниях гениального человека, продолжающих жить в недрах человеческой памяти, ментальности и культуры. Гениальность — это *имманентно-трансцендентная индивидуальность человека*, определяющая, по сути, *лик человека-созидателя* находящегося в непрерывном поиске совершенства. При этом *совершенство* понимается здесь в универсальных идеях *Благого* (Любовь),

Таблица 1.

Триадиическая деятельностно-содержательно-смысловая модель гениальности

Универсальные идеи, определяющие ЛИК гения	Идеал совершенства	Образ личности гения (1-я триада)	Образ личности гения (2-я триада)	Образ личности гения (3-я триада)	Содержание творческого акта гения
1	2	3	4	5	6
Любовь	Благое	Творец	Первопроходец	Проповедник	Отражение благого
Истина	Возвышенное	Мыслитель	Первооткрыватель	Исследователь	Отражение возвышенного
Красота	Прекрасное	Художник	Первовидец	Созерцатель	Отражение прекрасного

Возвышенного (Истина), Прекрасного (Красота).

Раскрыв идею гениальности, мы можем теперь раскрыть понятия «*гений как дух*» (гений — дух, лат.) и «*гений как человек*» (гениальный человек, гений).

Гений как дух — это есть *необходимо-сущее человека*. Это означает, во-первых, что гений определяет *самое самó*, саму *духовную сущность* человека, человека как сущего в своей духовности; во-вторых, это означает, что гений дан человеку от самого его *сотворения*; и, наконец, в-третьих, это означает, что человека невозможно понять в измерениях его *природы и сущности*, не познав его дух в вершинных проявлениях *абсолютной провиденциальности (профетизма), совершенной нравственности (святости) и созидающего творчества (гениальности)*.

В свою очередь, *гениальный человек* — это *духовный человек*, обеспечивающий приращение бытия; это *творческий созидатель, ищущий совершенства* и тем самым *созидающий* благое, возвышенное, прекрасное; это *творческий деятель*, — художник, мыслитель, творец в одном лице. *Гений как художник* пробуждает дремлющее в каждом человеке *чувство прекрасного*; гений как *мыслитель* расширяет потенции *созидательно-творческого ума*, которыми одарён каждый человек; гений как *творец* учит всех людей *созидающему творчеству*.

Несомненно, что гениальность как *вершинная мера духовности*, как *имманентно-трансцендентальная индивидуальность* человека имела место быть и, соответственно, проявляться в соответствующих творческих созидательных деяниях на всех ступенях развития человеческой духовности. Иначе, возможность духовного роста для человека была бы закрыта. Ведь именно гениальность, наряду с совершенной нравственностью (святость, праведность), двигает человека в развитии его духовности.

Гений первобытного человека:

- создал начала языка, научил человека добывать огонь и производить орудия труда;
- создал начала религии в форме мифологии;
- создал первые образцы первобытного искусства в форме наскальных рисунков.

Гений природно-социально-психологического человека:

- продолжил развитие религии в форме религиозно-мифологических представлений и религиозно-символических учений;
- создал философию, науку, искусство;
- создал выдающиеся образцы материальной и духовной культуры.

Гений духовного человека провозгласил главную идею, которая одна только и может составить *истинный идеал* исторической эпохи Богочеловечества, идею о том, что *Бог есть любовь*. Принятие указанной *идеи*¹ непременно приведёт человека ко времени, когда перед человеком в полной мере раскроется, наконец, Истина, что в понимании *Бога как любви* заключается *истинный идеал* исторического будущего человечества, если, конечно, человек желает это будущее иметь!

Перспективные задачи исследования гениальности

В завершение настоящего исследования представляется целесообразным определить *перспективные задачи исследования гениальности* в свете богочеловеческой антропологии.

1. Провести трансцендентно-диалектико-феноменологический анализ категории «*Любовь*», как универсальной идеи и как центральной идеи богочеловеческой антропологии.

2. Продолжить разработку категориально-понятийного аппарата исследования гениальности в контексте богочеловеческой антропологии, раскрыв, в частности, содержание следующих, ключевых понятийно-смысловых триад: *благое — возвышенное — прекрасное; творческий дар — призвание-назначение — воля к гениальности; провиденциальность — нравственность — творческая воля к гениальности — воля к усреднению — воля к бездарности* и др.

3. Рассмотреть в единой концептуальной системе богочеловеческой антропологии вершинные *образы-символы-типы* духовного онтологического человека: *пророк, святой, гений*.

4. Раскрыть образ личности гения на деятельностно-содержательно-смысловом уровне, используя следующие три триады понятий: 1) *творец — мыслитель — художник*; 2) *первопроходец — первооткрыватель — первовидец*; 3) *проповедник — исследователь — изобретатель*.

5. Актуализировать разработку проблемы гениальности в свете богочеловеческой антропологии для целей восстановления *целостного образа человека* в противовес постмодернистским тенденциям в философии, науке и культуре, порождающим фрагментарность представлений о человеке и разрывающим на лоскуты его целостный образ.

¹ «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рождён от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4: 7–8).

Список литературы

1. Бальзак О. де. Луи Ламбер // Собрание сочинений в 24 т. Т. 19. — М.: Издательство «Правда», 1960. — С. 208–316.
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность / Николай Бердяев; вступ. Ст. и сост. В.Н. Калюжного. — М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2006. — 679 с. — (Philosophy).
3. Бердяев Н.А. Основы религиозной философии // «Вестник русского христианского движения». — Париж-Нью-Йорк-Москва, 1 — 2007. — № 192. — С. 169–194.
4. Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. — М.: Эксмо, 2008. — 640 с. — (Антология мысли).
5. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека / Николай Бердяев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 668 с. — (Philosophy).
6. Волкогонова О.Д. Бердяев. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 390 с.
7. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. — М.: Издательство «Просвещение», 1991.
8. Зеньковский В.В. Проблема творчества. По поводу книги Н.А. Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека» // Бердяев Н.А.: pro et contra. Кн.1. СПб.: РХГИ, 1994. — С. 284–305.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. — М.: Академический проект, 2008. — 303 с. — (Философские технологии).
10. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А.А. Тахо-Годи; Общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. — М.: Мысль, 1993. — 959 с.
11. Мережковский Д.С. Тайна Тютчева // Мережковский Д.С. Больная Россия. — М.: Издательство «Республика» С. 304–334.
12. Розанов В.В. «Святость» и «гений» в историческом творчестве // Бердяев Н.А.: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. — С. 270–275.
13. Савченко Д.Н. Креатология. Методологические основания и модели. Богопознание и научное знание. — М.: ООО «Рециклинг», 2010. — 512 с.
14. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. — Мн.: Харвест, 1999. — С. 3–207.
15. Соловьёв В.С. Оправдание добра // Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. — Мн.: Харвест, 1999. — С. 336–908.
16. Чернов С.В. Книга о гениальности. Т. 1: Человеческий гений: Природа. Сущность Становление. Монография. — Воронеж-М.: Издательство Института духовной культуры и свободного творчества, 2010. — 562 с.
17. Чернов С.В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. — 2011. — № 1(28). — С. 34–44.
18. Чернов С.В. Проблема гениальности в контексте философской антропологии // Философия и культура. — 2013. — № 12(72). — С. 1757–1769. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9382.
19. Чернов С.В. Новый взгляд на природу гениальности // Психология и психотехника. — 2015. — № 2(77). — С. 159–174. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.2.14131.
20. Чернов С.В. Идеи к разработке проблемы гениальности. Монография // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. — 2016. — № 7. — С. 7–96.
21. Чернов С.В. Образ личности гения. Искатели совершенства // Философская школа. — 2017. — № 2. — С. 72–105. DOI: 10.24411/2541-7673-2017-00020.
22. Чернов С.В. История гениальности в России. Книга первая. Университет всея Руси. Монография. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2017. — 422 с. — (Серия «Ломоносовский проект»).
23. Чернов С.В. Божественное и человеческое // Философская школа — 2018. — №3. — С. 8–41. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-00001.
24. Чернов С.В. Novum organum к вопросу об исследовании гениальности // Философская школа. — № 5. — 2018. — С. 15–37. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10523
25. Чернов С.В. Триадиическая диалектика гениальности // Философская школа. — 2018. — № 6. — С. 61–73. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10643.
26. Чернов С.В. О противоречиях психопатической теории гениальности // Философская школа. — 2019. — № 7. — С. 11–19. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10701.
27. Шеллинг Ф.В.И. Философия искусства. — М.: «Мысль», 1966. — 496 с.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ

М. С. Нассонов

К ВОПРОСУ О МЕДИУМАЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ГЕНИЯ: ПОЭЗИЯ, ЯЗЫК И ЗАПРЕДЕЛЬНОСТЬ

Аннотация. Данная статья представляет собой смысловое набрасывание идеи медиумальности на особенную природу гения. Выявляется, что таковая обнаруживается в связи с особыми отношениями гения и языка, рядом концептов: от поэтизирования и романтизации до драматизации. Благодаря сочетанию вышеуказанных моментов, у гения появляется возможность становиться медиумом, создавать мир, преодолевать разрыв между словами и вещами и т.д. В круг исследования вовлекается ряд современных мыслителей, чьи учения ранее не рассматривались через призму их понимания гениальности (Ж. Батай, М. Мерло-Понти, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр), кроме того, таковые философы интересны своим примером мифопоэзиса. Также в тексте есть наброски к идее «идеального пласта» в существовании гения, позволяющего осуществляться «экспрессии бытия», что также представляет собой новизну исследования.

Ключевые слова: гений, медиумальность гения, мифопоэзис, романтизация, драматизация, экспрессия бытия, постмодерн, концепт, идеальный пласт, поэзия и философия.

M. S. Nassonov

TO THE QUESTION OF THE MEDIUM ABILITY OF A GENIUS: POETRY, LANGUAGE AND BEYOND

Summary. This article is a semantic outline of the idea of mediumship on the special nature of genius. Such idea is found in connection with the special relations of genius and language with the following concepts: from poetization and romanticization to dramatization. Thanks to the combination of the above points a genius has the opportunity to become a medium, create a world, bridge the gap between words and things, etc. A number of modern thinkers are involved in the research circle, whose teachings were not previously considered through the prism of their understanding of genius (J. Bataille, M. Merlot-Ponti, J. Derrida, J. Baudrillard), in addition, such philosophers are interesting in their example of mythopoiesis. Also in the text there are sketches for the idea of an “ideal layer” in the existence of a genius that allows for the “expression of being,” which also represents the novelty of the study.

Key words: genius, medium genius, mythopoiesis, romanticization, dramatization, expression of being, post-modern, concept, ideal layer, poetry and philosophy.

В своей работе мы будем исходить из того, что гений — это не просто человек, обладающий уникальной возможностью создавать принципиально новое, попадать в цель, которую не видит никто, что гениальность — это наивысшая степень развития способностей. Он не просто являет собою сочетание различных природных, социаль-

ных, психологических, когнитивных, экзистенциальных, деятельностных и других факторов, словно собранных в единой точке его личности, дающих особое качество и возможности. Для нас гений — это тот, через которого что-то изрекает, а, точнее, говорит им (Бог, Абсолют, Природа, Бытие), поэтому здесь наиболее адекватным будет

употребление термина «экспрессия бытия», что является нераспространенным походом при объяснении природы гениальности

Особенным медиумальным средством для осуществления говорения, на наш взгляд, является поэзия, при этом поэтизирование имманентно и другим видам искусства, а также философии. По тексту мы будем периодически осуществлять рефлексии над тем, что является собой поэзия, при этом акт поэзиса служит концептуальным моментом, создающим открытость, и четкая дефиниция того, «что она есть?» оказывается невозможной. Ключевыми фигурами стали те авторы, что, так или иначе, в своем философствовании касались триады гения, философии и поэзии (искусства). И в своем исследовании мы поступим как любой современный художник, пытающийся создать сочетание различных стилей и разных временных пластов под оглавлением общей темы.

Перефразируя Ф.В.Й. Шеллинга, в связи с заявленной темой, следует сказать, что посредством гения природа проговаривает себя (открывает глаза). В нем она совершает прорыв к самопрозрачности, через него она говорит, преодолевая разрыв между видимым и невидимым, между мыслью, словами и вещами. Поэтому проговаривание гением — это не просто процесс словотворчества, очерчивание границ произведения, набрасывание мира, а подвиг, самоаффицирование, миссия, развертывающая все богатство содержания трансцендентного мира.

Уже сократовский $\delta\alpha\iota\mu\acute{o}\nu\iota\omicron\nu$ ($\delta\alpha\iota\mu\acute{o}\nu$) — это некая наиндивидуальная сила, личное божество, нашептывающее своему владельцу некие идеи, связь с миром Истины, Добра и Красоты. В диалоге «Ион» Платон устами Сократа сообщает, что «поэты же — не что иное, как передатчики богов» [17, с. 263], они говорят много прекрасного, потому что одержимы ими (богами).

Традиционно сложилось так, что подобный взгляд в истории воззрений на гения (а таковая достаточно обширная) относят к романтическому истолкованию указанного феномена, когда он — нечто божественное (что, кстати, исключает тему соотношения гения и злодейства), проявляющееся, помимо его личности, из источника, трансцендентного человеческому духу. В таком подходе скрыто важное содержание, показывающее сущность гения, его онтологическую характеристику, его укорененность в бытии, когда уже нет голоса субъекта, а есть объективное говорение. Последнее при первом приближении можно выразить словами И. Канта из его «Критики способности суждения»: «...гений — это врожденная способность души (*ingenium*),

посредством которой природа дает искусству правило» [10, с. 409]. Также, по А. Шопенгауэру, существо гения состоит в преобладающей способности к такому созерцанию, которое требует полного забвения личности, способности пребывать в чистом созерцании [20, с. 117]. В силу своей особенности выходить за пределы воздействия воли, гений — проводник того, что скрыто от остальных за ее потоком. И вопрос в том, как осуществляется мифопоэзис, в акте которого гением как автором и инструментом творится мир?

Как утверждал М. Мамардашвили: высшая миссия художника — существовать, и речь шла не о физическом существовании, а в плане бытия, полноценного осуществления мысли, творения, человека без полумер, привнесения в этот мир возможности невозможного (можно и наоборот). В лекции «Метафизика Арто» звучит: «...актом слова, актом краски, актом театрального жеста или постановки — пребыть, ввести через себя в полноценное жизненное историческое существование все то, что просит родиться, что стучится в двери бытия, но может остаться на полдороге, может не пребыть...» [11, с. 339–340]. В гении как в особой точке экстремума сходятся все условия задачи: пространства, времени, действия и т. д.

Гений не просто рожден, а явлен этому миру для чего-то. Его поэзис заключается в преодолении разрыва между известным и неизвестным, знанием и незнанием, явным и скрытым мирами. Интересно объяснял творческий процесс Н. Бердяев: «мир сей», по Бердяеву, грешен, и творчество есть преодоление греха: это антроподицея, которая оправдывает человека-гения. «Человек создан Творцом гениальным и гениальность должен раскрыть в себе творческой активностью, победить все лично-эгоистическое и лично-самолюбивое, всякий страх собственной гибели, всякую оглядку на других» [3, с. 18–19]. В своем творчестве гений выходит в «мир иной» — космос, истинное бытие, где может получить свободу от мира. Однако вся жизнь гения должна быть посвящена внесению красоты в мир, это некий императив, красной нитью проходящий через все его существо и существование.

В процессе объяснения творческого акта гения, выявления категорий и дефиниций гениальности, на наш взгляд не хватает представления об «идеальном пласте» в существе гения, позволяющем возникать экспрессии Бытия, быть посредником между онтическим и онтологическим. Именно этот «идеальный пласт», как синергетическое явление, как особое качество создает предпосылки для медиумальности.

Данный момент относится, прежде всего, к художественному гению и, как нам кажется, причина многих рефлексий о гении в эстетике связана с тем, что здесь творческий акт наиболее примечателен и объясним вот этой медиумальностью, нежели, допустим, в науке. Как писал К. Бальмонт в своем произведении «Поэзия как волшебство»: «Магия знания может таить в себе магию проклятия. Опираясь на понимание точного закона, мы можем впасть в цепенящее царство убивающего сознания... Современный стих легко забывает, слишком часто не помнит, что нужно быть как цветок, для того чтобы чаровать, корнями быть в темных глубинах внесознательного...». [1] Рационализированная наука имеет в себе гениальное содержание, «ученое незнание», открытие нового, миссию ученого, но она не работает с этим иррациональным состоянием, имманентным художественному гению, однако в ней есть место интуиции. Перефразируя И. Канта, можно сказать, что посредством гения природа дает науке закономерность.

Трактат Бальмонта интересен еще и тем, что являет собой попытку представить поэтическое Слово в качестве того, что конструирует реальность. Поэзия создает мир, поэты из зачатков, которые дает Природа, производят прекрасные лики, и самое большое чудо — это Слово или, даже, внутренняя музыка, вербально артикулированная (здесь соединяется поэзия и музыка). Соответственно особое значение в акте творчества гения приобретает язык, именно он служит средством преодоления разрывов между мышлением и бытием, словами и вещами. Сегодня мы все пребываем в оторванности вещей от их истинных имен, и в авторе сохранена (запечатлена) память об их первозданной целостности, он тоскует по ней, и это есть также его драма. Такая рана не затягивается, она выглядит постоянной и создает стремление к называнию, к преодолению разрыва. Вещи также в нас нуждаются, они не помнят своих имен. Смысл существования гения в том и заключается — в постоянном преодолении разрыва, и, в случае «экспрессии бытия», у него нет ни собственного голоса, ни собственного имени. Как точно отмечал Ф. Ницше, что: «Я лирика звучит, таким образом, из бездн бытия...». [14, с. 72] Субъективность исчезает, оставаясь лишь плодом фантазии, так как «вне объективности, вне чистого, бескорыстного созерцания мы не можем уверовать в малейшее истинно художественное творчество». [14, с. 72] Гений слит воедино с основой мира, он дышит, творит с ним в едином порыве, впадая в особое состояние, он становится образом,

говоря от имени Первоединого. Ницше называет художника медиумом, который свободен от своей индивидуальной воли и через него проявляет себя истинно-сущее. Обычному человеку не понять этого, так как он не слит с творящим мир началом, не может обыватель постичь и сущность искусства. Только гений, в виду своей слитности с Первохудожником мира, может знать о сущности искусства, именно в этой слитности дается художнику способность и даже возможность взглянуть на самого себя, стать одновременно субъектом и объектом. Справедливости ради стоит заметить, что такую точку зрения на природу гения Ницше высказывает в ранней работе «Рождении трагедии...», его взгляды меняются во времени. Так, например, впоследствии он пишет про «гения сердца» — Диониса, гения, как человека взрыва, о том, что гении — мужественные люди, жизнь «выставляет против них своих величайших противников» [15, с. 602], да и сам становится пророком, детерминируя себя как человека рока.

В принципе, многие авторы придают поэзии высший онтологический статус. Так, Новалис считает, что функция поэзии — поддерживать мировое единство, соединяя конечное и бесконечное, она создает символику мира. Действительно, не будь искусства, мы бы не открывали красоту природы и человека, заключенную в вещах и мире целесообразность. Поэзия выполняет двоякую функцию, взаимопревращая мысли и вещи: в процессе «романтизации» обыденное (вещи) становится таинственным и наделяется высоким смыслом, а внутреннее (мысли, невысказанное) объективируется. Возникает единство означающего и означаемого, и видится, что «романтизация» — это концепт, своеобразная активная деятельность, создающая открытость.

Особое место в творчестве Новалиса занимало понятие «ритма». В своих «Фрагментах» он замечал: «Всякий метод есть ритм: если кто овладел ритмом мира, это значит, что он овладел миром. У всякого человека есть свой индивидуальный ритм. Алгебра — это поэзия. Ритмическое чувство есть гений» [16, с. 152]. Думается, поскольку на Новалиса оказала влияние философия И. Г. Фихте с его индивидуальным, абсолютным и трансцендентальным Я, а также мистицизм Ф. Гемстергейса, [6, с. 14–16] он двояко подходит к природе поэтизирующего гения. Последний сочетает в себе рациональные и иррациональные моменты, как поплавок (одно из значений понятия «Schweben», которое использует Новалис в смысле «парение») колеблется между разумом и причастностью

к «надличностным мировым началам» [12, с. 174]. Именно наличие ритма делает возможным консонанс, в результате которого происходит совпадение размерности бытия и гения, преодоление идентичности трансцендентального Я. Мысль Новалиса развивается еще дальше — до диалога с запредельным миром, до той самой медиумальности, когда можно уже говорить о творческом экстазе, как особом состоянии одержимости произведением, в результате чего автор не может объяснить момент возникновения творения, которое, по мере завершенности, все больше отделяется от него. Язык становится медиумом мысли, причем как активное начало, соучаствующее в процессе поэзиса. В современности явление заслонило являющееся, появилось много шума и болтовни, задача романтизирования — сделать язык музыкальнее, возратить его в песню. И, по Новалису, не человек использует язык, а наоборот, и настоящее говорение совершается ради самого процесса говорения. «Слово в поэзии создает новый языковой мир, существующий по особым законам, которые не подчиняются законам внешнего по отношению к тексту мира». [6, с. 24.] Однако хочется заметить, что в современном мире предметных отношений Бытию показать себя сложно.

Интересную позицию по отношению к поэзии высказывает феноменолог третьего поколения М. Ришир. Она, по его мнению, нарушает привычную логику, установившийся порядок. Дело поэта заключается в том, чтобы «рассогласовать» язык, нарушить стабильность, идеальность смысла, поставить под вопрос любую самотождественность, любую повторяемость и идеальную воспроизводимость. Смысл, который сказывается в стихе, не выразим в понятиях, в логических значениях, потому что он вводит в язык «сырое», «дикое» бытие [21, с. 161]. По Риширу, стихотворение создает особый ритм, свой мир, резко отличающийся от темпоральности обычной логики. В процессе творчества, с точки зрения феноменолога, поэт обращается к себе и слушает свою речь в преломлении общепринятого смысла, и подобный анализ хорош для выявления того, что усилит и дополнит гуссерлианское учение.

В рамках нашей темы Ришир своеобразно продолжает концепт «романтизации». Так вот, это «дикое» бытие, в понимании М. Мерло-Понти, — есть некий предмир, основание воспринимаемого мира. Гений, находясь в онтологической ситуации вопрошания, начинает прозревать невидимое, потенции плоти мира (обладая своею телесностью). Парадокс в том, что гений здесь может быть устранен как субъект, потому что он становится единым

целым с тем, к чему обращен (это, скорее, ситуация обоюдного обращения), а особенностью поэта является постоянная связка с Бытием (можно даже говорить о том, что оно периодически к нему взывает, не теряя единства), что Мерло-Понти называет «хиазма». Задача философа, поэта, художника органично переживать эту сцепленность, «взять язык в его живом или зарождающемся состоянии, со всеми его референциями, с теми, которые располагаются позади него и связывают его с немymi вещами, к которым он обращается, и теми, которые он отсылает вперед и которые образуют мир изреченных вещей, — с его движением, с его тонкостями, с его обращениями, с его жизнью, которая выражает и умножает жизнь голых вещей» [13, с. 183]. Примером такого гения, чье творчество несет в себе печать уникальной возможности образно-мысленного претворения мировой плоти, М. Мерло-Понти избирает П. Сезанна. Поэтому внесение в наличный мир «дикого» бытия разрывает логическую стройность рационального языка, «взламывает» прагматические и физические связи вещей, обращаясь к трансцендентному, позволяет осуществить *ἐποχή*, и само поэтическое произведение в своей цельности не имеет логического объяснения, а содержит внутреннюю музыкальность, вводя в мир нечто.

Несколько противоположное значение поэтического текста в работе «Символический обмен и смерть» отмечал Ж. Бодрийяр, утверждавший, что поэзия стремится к исчерпывающему истреблению, циклическому разрешению знакового материала. Она бывает прекрасной и сильной, потому что в ней происходит исчезновение и жертвоприношение Бога, прежде всего в самом его имени. Французский мыслитель устраняет поэта как субъекта, в поэзии «берет слово сам язык, чтобы в ней и исчезнуть» [5, с. 347]. В итоге поэзия становится выражением амбивалентности по отношению к языку: в ней ему преклоняются словно Богу, одновременно уничтожая, это циклы рождения и исчезновения, здесь есть экстаз и эйфория смерти. Это есть разрешение Закона, знаков, поскольку от означающего, где было нечто, остается ничто. Видится, что в таком радикальном подходе присутствует идея объективации скрытого, называния вещей. Поэт, как особая структура сущего, через которую говорит язык, выкликая имена, осуществляет особый обмен со скрытым от нас миром. Однако если уничтожается означающее, то поэту в процессе обмена приходится использовать симулякры, но мы бы стали говорить о них в той смысловой окраске, которую предлагает Ж. Батай.

Если вести речь про Ж. Батая, то он использует симулякры для сообщения опыта, поскольку они лишены четкости и стройности понятий, они как раз и дают опыт невысказанного, ведь важно, прежде всего, нечто, а не его строгая дефиниция. Симулякр помогает обмануть эту завершенность (разрешение, по Ж. Бодрийяру), преодолеть навязчивость дискурса. Гения вообще, как нам видится, следует рассматривать как что-то постоянно становящееся, его внутренний опыт имеет смысл по большей части не в связи с целью, а ради себя самого, здесь как раз есть место экстазам и озарениям. Батай в своем «Внутреннем опыте» оперирует такими замечательными концептами как «тишина» и «драматизация», которые словно описывают процесс вхождения гения в это медиумальное экстатическое состояние. Как замечает Батай: «Мы не могли бы покинуть себя, если бы не умели драматизировать» [2, с. 30]. В экстазе гений избавляется от своей субъективности и растворяется в Бытии, а сочетание вышеуказанных концептов, как особых форм деятельности, даже позволяет притягивать его к себе.

В ряду упомянутых постмодернистов нельзя обойтись без Ж. Деррида, для которого образцом был философ-художник. Есть у него эссе под названием «Что такое поэзия?», что при постановке запятой перед словом «поэзия», может вообще превратиться не в попытку схватывания, а в разговор с поэзией (подобно утешению философией Божия). Ответ на этот вопрос не простой, и здесь у нас возникает тень Батая, который против восхождения внутреннего опыта к чему-то конкретному. Всякий ответ на вопрос: «что есть...?» (или что такое?) — будет определять и конкретизировать вещь, заключая ее в категориальную темницу, после чего исчезнет открытость и становление, по Деррида, тогда поэма станет прозой. Наверное, поэтому для своего философствования Деррида использует формат эссе, метафоры и деконструкцию. В своем тексте он балансирует между философией и поэзией, что уже содержит в себе различие, и сама поэзия содержит в себе различие. Поэзия не исчезает, когда есть ее внутренняя диалектика, но что она есть? Это трудноуловимо, могут возникнуть особые коннотации: если мы будем вопрошать о ней, как о предмете, то она растворится в вещиности; кажется, что мы как раз уловили пунктуационный момент, в лице Деррида мы обращаемся к ней, точнее, он речет от ее лица. Мы словно интересуемся о том, что с ней происходит сегодня, а она говорит нам о страхе, о принятии сердцем, о конечности единичного, который чем дальше, тем ближе

к земле. И вот, продираясь сквозь специфику языка говорящего, мы сами становимся ею (поэзией). Так и гений, вопрошая обезличенное, подается ему на встречу, выходя за пределы самого себя (но тут возможно различие Я и Я-около-меня, как ёж (метафора из названного эссе), то сворачивающийся, то разворачивающийся, то пересекающий дорогу, то возле себя самого лежащий, находящийся в опасности, склоняющийся к земле, выставляющий иголки), обращаясь к особому языку предельного Другого. Важным понятием, которое мы усваиваем становится «поэматическое» (можно сравнить с «диким» бытием М. Мерло-Понти), как истока поэтического, и гений к нему направлен. Поэзия являет собой что-то предшествующее пониманию и понятийности, это еще невысказанный или высказанный, но не в рамках традиционной логики, опыт связи с другим миром, и вот это отсутствие «что я (поэзия) есть?» опять же создает открытость, вечный цикл. Как тут не вспомнишь хайдеггеровскую игру сокрытости-открытости?

Естественно, что для человека, чьи способности и интересы сосредоточены вокруг предметного мира, все вышесказанное может показаться странным. Однако мы будем утверждать, что поэт и философ занимаются мифопоэзисом. Последний творит язык, работает на его пределах, требующих напряжения мысли и абстрактного мышления. В разные эпохи, схваченные мыслью, гений занимался словотворчеством, а это исключительный опыт, озарение, преодоление разрывов в языке, через что обретается целостность. Благодаря такой деятельности как «поэтико-мыслительный глубинный опыт бытия» [18, с. 99], словно изнутри себя открываются значимые философские категории. Именно в философии схватывается хайдеггеровское Бытие, как универсальная основа того, что будет сотворено, сказано, когда оно покажется нам. У М. Хайдеггера прочно связываются философия и поэзия (диалог между мышлением и поэзией), работающие с трансцендентным. И тут хочется сделать следующее замечание, отсылающее к началу нашего текста. Философия работает с понятиями, а поэзия создает образы, основой которых являются метафоры. Метафора является тем, что фиксирует подобность различных предметов по каким-либо признакам, понятие же схватывает предельную общность вещей и явлений, например, их существование по признаку «есть». В этом философия и поэзия становятся едины. Не зря Ф. Бэкон говорил, что «поэзия — сон знания», ибо алогическое, внесенное поэтом, будет впоследствии осмыслено, переведено на язык понятий.

Особенно привлекательны в развитии нашей темы идеи вышеупомянутого М. Хайдеггера, согласно которому особое место поэзии определяется тем, что она использует язык, дающий имя сущему и направляющий его к его бытию. Следовательно, и сам язык есть поэзия, причем в самом существенном смысле. Однако язык не потому является слагающей и сочиняющей поэзией, что он есть первозданная поэзия, а «поэзия потому бытует в языке, что язык хранит в себе изначальную бытийную сущность поэзии как слагающую и сочиняющую» [8, с. 85]. Язык во многом определяет и другие виды искусства. Человек — не творец языка, а, скорее, медиум, через которого говорит язык или само Бытие, здесь-бытие — дом языка, и человек живет в языке.

Слово, по Хайдеггеру, принадлежит не сознанию, а Бытию в том смысле, что через него с человеком говорит оно само; «не человек создает слово, а слово создает человека; не человек говорит словами, а слова говорят себя через человека» [7, с. 334].

Хайдеггер онтологически трактует искусство, язык, человека и его гениальность (Бытие изрекает посредством гения), чем выступает против субъективистской трактовки языка и искусства, и человеческих способностей, которая отражает действительное современное состояние вообще всей культуры, так как утратила связь с Бытием, и в атмосфере субъективизма искусство постепенно умирает.

Поэтичность — это явление самой истины в смысле несокрытости. Именно в этом ключе Хайдеггер и развивает тему поэта в качестве посредника между богами и людьми в своей трактовке Гельдерлина (позднее еще и Траля). Язык является средством, при помощи которого сущее «произносится в открытость — распаханность» [4, с. 184]. Поэзия — раскрывающаяся сила самого языка и Бытия. Поэтическое свершение истины в искусстве символизирует первоначальную онтологическую реальность языка.

«Язык впервые дает имя сущему» [19, с. 103]. Он — это сфера бытия всего сущего в целом и, одновременно, сила, являющая бытие в мире сущего, освещающая само это сущее; язык, именуя сущее, вещь — дает быть.

Бытие изрекает посредством поэта или художника — оно так проявляет себя, гений как некий уловитель слова Бытия и его творчество бессознательно (экстаз экзистирования), так как гений, скорее всего, сам не может уловить (схватить) процесс своего творчества. Чтобы понять сущность художественного творчества, нужно направить свой взор не на субъективный творческий акт и не на произведение, как объективированный и вынесенный вовне результат этого акта, а на то Бытие, которое раскрылось художнику и позволило дать себе устойчивый облик, удерживать себя в произведении.

Сохранить тайну в качестве тайны и в то же время явить ее миру — вот задача произведения искусства. Искусство тоже прикасается к тайне мира и вы-являет ее, но оно не разгадывает ее. Искусство не творит мир, оно только раскрывает его, делая его видимым, и, соответственно, зримым все сущее. Таким образом, искусство свершает истину Бытия. «Художник и поэт “пасут” Бытие» [7, с. 343].

Получается, что поэтический дискурс являет собой единство таких практик, что позволяет нам выйти за границы нашей субъективности, за пределы нас самих. «В этом смысле поэтический дискурс — это дискурс экстаза и экзистенции. И когда процесс экстатического обращения завершен, завершаются и все дискурсивные функции языка: остается чистая музыкальность, стремительно убегающая к безмолвию» [9, с. 48]. Гений создает очертания особого мира, а поэзия создает те средства, через которые Бытие входит в поэтический медиум, позволяя ему покидать наличное здесь.

Внимание к поэзии и искусству вообще отличает философию XX века. Прежде всего, поэзия в философии понимается как поиск границ утверждения вещей. Поэзия конституирует некую реальность, игру бытия и небытия, скрывающегося и показывающегося. Такое происходит, на наш взгляд, потому, что современность становится слишком «расколдованной», а поэтический гений в своем акте романтизации создает новую зачарованность, новый «сказочный» мир. Однако есть и обратное движение, в частности нашим текстом, — попытка разгадать, выявить тайное в содержании гения, возможно, что-то из неясного в этом феномене стало чуть отчетливей.

Список литературы

1. *Бальмонт К.Д.* Поэзия как волшебство // Стозвучные песни: Сочинения (избранные стихи и проза). — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1990. URL: http://az.lib.ru/b/balxmont_k_d/text_0360.shtml (дата обращения 30.09.2019 г.)
2. *Батай Ж.* Внутренний опыт / пер. с франц., послесл. и комм. С.Л. Фокина. — СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997. 336 с.
3. *Бердяев Н.* Смысл творчества: Опыт оправдания человека. — М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. 688 с.
4. *Бимель В.* Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. — Челябинск: Урал LTD, 1998. 283 с.
5. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть — 4-е изд. — М.: «Добросвет», «Издательство КДУ», 2011. 392 с.
6. *Вольский А.Л.* «Фрагменты» Новалиса: поэтическое познание универсума // Новалис Фрагменты. — СПб.: «Владимир Даль», 2014. 319 с.
7. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. — М.: Республика, 1997. 495 с.
8. *Долгов К.М.* От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. — М.: Искусство, 1990. 399 с.
9. *Железняк В.Н., Железняк В.С.* Поэтический дискурс экзистенциальной коммуникации. // Дискурс-Пи. — 2013. — № 3 (13). — с. 44–49.
10. *Кант И.* Критика способности суждения. — М.: Наука, 2001. 1115 с.
11. *Мамардашвили М.К.* Метафизика Арто. // Арто А. Театр и его двойник: Манифесты. Драматургия. Лекции. Философия театра / Сост. и вст. ст. В.И. Максимова, комм. В.И. Максимова и А.Ю. Зубкова. — СПб.; М.: Симпозиум, 2000. С. 329–346.
12. *Махов А.Е.* Поэтологическая система Новалиса: опыт реконструкции из фрагментов // Литературоведческий журнал. — 2018. — № 43. С. 165–189.
13. *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. / Пер. с франц. О.Н. Шпараги. — Минск: Логвинов. 2006. 400 с.
14. *Ницше Ф.* Рождение трагедии из духа музыки. // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — 1 т. С. 47–157.
15. *Ницше Ф.* Сумерки идолов, или как философствуют молотом// Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — М.: Мысль, 1990. — 2 т. С. 556–630.
16. *Новалис.* Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. — С-Пб.: Евразия, 1995. 239 с.
17. *Платон.* Ион // Избранные диалоги. — пер. Я. Боровского. — сост., вступит. статья и комментарии В.Ф. Асмуса. — М.: Издательство «Художественная литература», 1965. С. 256–274.
18. *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. — С-Пб.: Издательство «НОУ «Высшая религиозно-философская школа»», 1997. 302 с.
19. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. // Работы и размышления разных лет. — М.: Изд-во Гнозис, 1993. 464 с.
20. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. //Шопенгауэр А. Собр. соч. в 5 т. — М.: «Московский Клуб», 1992. — 1 т. 395 с.
21. *Ямпольская А.В.* Аффективность как историческое измерение субъекта. // Вопросы философии. — 2013. — № 3. С. 155–164.

ИДЕЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ САМОСОЗНАНИЯ

В. В. Кирюшкина

«АВТОР-ГЕНИЙ» В АВТОРСКОМ САМОСОЗНАНИИ АНГЛИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

Аннотация. Понятие «гений» предстает как аутентичная категория авторского самосознания творческой личности эпохи Просвещения. Доказывается, что XVIII век является важным этапом трансформации этого понятия на пути его превращения из религиозного концепта античной мысли в основное современное понятие (гений как творческая личность). Обосновывается выдающаяся роль английских просветителей в формировании новых смыслов понятия «гений». На материале критических и теоретических сочинений Дж. Аддисона, А. Поупа, Э. Э. Шефтсбери, Эд. Юнга, У. Хогарта показывается многозначность и динамичность коннотации «genius». В авторском самосознании английских художников и поэтов ключевую роль в формировании образа автора играют концепты «природный гений», «великий гений». Категория «гений», развиваясь в контексте просветительского мировоззрения, наполняется его ценностями: гений — залог свободы в творчестве, особый настрой рациональной природы человека, непосредственная связь с природой, то есть, особый талант одномоментно постигать ее законы и реализовывать их в своем творчестве. Понятие «гений», заимствованное из античной культуры, наполнилось в культуре Просвещения новыми коннотациями и сформировало вокруг себя пространство для новых идей, получивших развитие уже в сознании романтиков.

Ключевые слова: автор, авторское самосознание, эпоха Просвещения, английские просветители, августинцы, природный гений, великий гений, эстетическая мысль, XVIII век.

V. V. Kiryushkina

“AUTHOR-GENIUS” IN AUTHOR’S CONSCIOUSNESS OF ENGLISH ENLIGHTENERS

Summary. The concept of “genius” appears as an authentic category of author’s self-awareness of the creative personality of the Enlightenment. It is proved that the XVIII century is an important stage in the transformation of this concept on the way of its transformation from the religious concept of ancient thought into the main modern concept (genius as a creative person). The outstanding role of the English enlighteners in the formation of new meanings of the concept of “genius” is substantiated. Based on the material of critical and theoretical works by J. Addison, A. Pope, E. E. Shaftesbury, Ed. Jung, W. Hogarth shows the ambiguity and dynamism of the connotation of “genius”. In the author’s self-consciousness of English artists and poets, the concepts “natural genius” and “great genius” play a key role in shaping the image of the author. The category “genius”, developing in the context of an enlightening worldview, is filled with its values: genius is a guarantee of freedom in creativity, a special mood of the rational nature of man, a direct connection with nature, that is, a special talent to comprehend its laws at once and realize them in own work. The concept of “genius”, borrowed from ancient culture, was filled in the culture of Enlightenment with new connotations and formed around itself a space for new ideas that had already been developed in the minds of romantics.

Key words: author, author’s identity, Enlightenment, English enlighteners, Augustans, natural genius, great genius, aesthetic thought, XVIII century.

Понятие авторского самосознания и специфика источниковой базы

Природа творчества — одна из величайших загадок, волновавших человека во все времена и волнующих его сегодня. Социальный статус художника существенно различался в различные периоды исторического развития, но некий флёр тайны сопровождал его всегда, был ли это античный поэт, своими путями постигающий законы космоса, средневековый иконописец, находящийся в особых отношениях с Богом, или романтический поэт, обнаруживающий бесконечность своей души. Сегодня творца любого произведения культуры мы называем универсальным понятием «автор». Для нас автор — субъект любого творчества: музыкант, поэт, архитектор или учёный. Конечно, именно эта современная коннотация понятия «автор» определяет смысл концепта «авторское самосознание». Осознание человеком себя как творца, автора приближает нас к постижению природы творчества, и это осознание является фактом самых разных культур, даже тех, где самого понятия автор не существует.

Наши научные представления об уровне осознанности авторства, то есть своего личного вклада в творчество, остаются очень непрочными. Мы пишем и читаем об анонимности творчества в традиционных обществах, о том, что древний и средневековый автор не осознавал себя таковым, но эти схемы разбиваются, или, как минимум, требуют уточнений, когда встречаются с иными фактами этих культур. И вдруг с такой ренессансной нескромностью звучит голос древнего египетского архитектора эпохи Среднего Царства: «...это были работы, (подобных) которым не производилось со времён предков; то, что было определено мне исполнить, было великим... это было работой моего сердца... я (буду) хвалить за знание в грядущие годы теми, которые будут следовать тому, что я совершил. Я первенствовал. ...Я был «верховными устами» всякой работы [17, с. 22].

Не менее противоречивы факты современного авторского сознания. Софья Губайдулина, признанная одним из крупнейших композиторов XX века, говорила о «преображении» как необходимом условии творчества [44]. С другой стороны, молодой кинорежиссёр Иван Твердовский признаётся: «я не верю в талант, я верю во вкус и ремесло» [16]. Современное авторское самосознание своей неоднородностью помогает понять сложный характер его исторических форм. Магистральная литературоведческая традиция трактовки автора как

«образа», реализуемого в художественном произведении, породила, подобно Крону, своих убийц. Структурализм, сосредоточившись на тексте, окончательно утратил связь с реальной личностью автора. А деконструктивизм, постструктурализм и постмодернистские концепции отказались от него окончательно, рассматривая текст как наслоение дискурсов. За текстом больше не стоит автор как субъект творчества. Оставалось только констатировать «смерть автора» [3, 18].

Мы имеем дело с кризисом современного авторского самосознания, который проявляется не только в постмодернистской «утрате автора», но и в своей внутренней противоречивости: Барт и Фуко заявляют об отсутствии автора и тут же сами превращаются в «икону автора», оформляющую новые наслоения дискурса. Постмодернистская «смерть автора» — знак глубочайшего разочарования в авторстве, в возможности «осуществления» автора, погребённого под спудом дискурса. Историческая культурология может и должна свидетельствовать о том, что эта ситуация не уникальна, но реализует определённую закономерность культурно-исторического процесса. В истории культуры мы периодически наблюдаем проявление аналогичных эмансипационных интеллектуальных движений, нацеленных на снижение роли традиции, на высвобождение личностного «Я» автора. Подобный опыт мы обнаруживаем и в европейской культуре XVIII века.

В литературоведении XX века понятие «авторского сознания» (реже — «самосознания») преимущественно обозначает собственно «сознание автора», то есть весь комплекс представлений, ценностей, отличающих мировоззрение личности. Принципиально иная трактовка авторского самосознания (осмысление личностью себя как автора) встречается у С.С. Аверинцева в его анализе античной литературы [1], у И.С. Чичурова при анализе византийской исторической литературы IV — IX вв. [19], в монографии Е.Л. Конявской [10]. Подобную трактовку мы обнаруживаем и в определении Л.М. Баткина. В исследовании, посвящённом авторскому самосознанию Петрарки, это понятие трактуется как «способ предъявлять и отстаивать свое личное авторство» [4, с. 239], хотя сам анализ вскрывает, скорее, отражение личностного самосознания в авторской позиции поэта. В работе Д. фон Мюкке на основе преимущественно германской культуры XVIII в. показано сложное взаимодействие эстетической мысли, проблемы авторства и общественной сферы. Примечательно, что автор извлекает из текстов эпохи категории для своего анализа, выделяя такие

концепты как инстинкт, гений, общественная сфера [39]. Понимание авторского самосознания как осмысление личностью себя в авторском качестве легло в основу нашей трактовки этого понятия и реализуется на материале культуры английского Просвещения.

Итак, определимся с понятиями. Если под авторским сознанием мы понимаем комплекс представлений, характеризующих значение и роль автора в творческом процессе, отличающих определённый дискурс, то понятие «авторское самосознание» подразумевает комплекс идей и чувств самого автора, выстраивающихся вокруг главного вопроса о его (автора) роли в творчестве (как я творю, как и почему возможно моё творчество, из каких источников я черпаю в своем творчестве).

В системе культуры авторское самосознание развивается как индивидуальное ядро авторского сознания — сегмента художественного сознания, и является «соединительной тканью» художественного сознания и мировоззрения автора. Понятие авторского самосознания нагружено когнитивной функцией и анализируется в ракурсе саморефлексии; оно всегда исторично, являясь продуктом того или иного исторического типа культуры, и в то же время, созидает и развивает эту культуру.

Основным источником для изучения авторского самосознания могут стать критические и теоретические сочинения писателя, поэта, живописца, то есть практиков художественного творчества. Этот тип источника приходится считать недооценённым, так как многочисленные «истории эстетической мысли» апеллируют, в основном, к трудам теоретиков искусства.

При этом концепция авторского самосознания не призвана подменять собой традиционную историю эстетической мысли, но позволяет определённым образом настроить исследовательскую оптику и, как следствие, внести необходимые коррективы в существующие трактовки культуры английского Просвещения. Прежде всего, это анализ эстетической мысли эпохи через призму ключевых понятий «авторского» тезауруса поэтов и художников, эту эпоху выражающих. При таком подходе мы получаем сразу два преимущества — вслушиваемся в речь тех самых поэтов или художников, то есть получаем информацию «из первых уст», стараясь при этом обойтись без переводчика в виде разработанной исследователями системы категорий. Во-вторых, мы имеем возможность отслеживать развитие эстетической мысли на ее «передовом фронте», ведь новые идеи, как правило, рождаются в сознании самих творцов, только потом становясь достоянием теоретиков.

Английское Просвещение в истории авторского самосознания

Ретроспективный взгляд на историю европейской эстетической мысли обнаруживает две основные концепции, объясняющие природу человеческого творчества — миметическую и экстатическую. К ним сводится всё многообразие трактовок природы творчества. Одну представляет платоновская концепция истинного творчества-пойесис (ποίησις), основанного на особом экстатическом состоянии (μανία), другую — аристотелевское понимание творчества как техне (τέχνη), основанного на принципе подражания природе (μίμησις). К этим двум концепциям, рассматриваемым обычно как противостоящие друг другу, исторически низводятся все остальные трактовки природы творчества, развивавшиеся в европейской традиции вплоть до XX столетия. При этом уже античный материал демонстрирует их сложное соотношение в реальности. В лучшем случае, мы можем говорить о доминировании той или иной из этих концепций в определённом авторском самосознании, в определённом историческом типе культуры.

Обе эти концепции были унаследованы английскими классицистами и предоставляли им богатую и разнообразную «пищу для размышлений». В авторском самосознании поэтов и художников английского Просвещения идеи античных, средневековых авторов подвергаются глубокой переработке, результатом которой становится новая концепция автора. Именно здесь, в пространстве классицистической эстетики, а не в романтическом дискурсе, как обычно считается, рождается понятие автора-гения. Этот «природный гений» Просвещения воплощает в себе как здравый энтузиазм, основанный на свойствах человеческого сознания, так и подлинный мимесис, обусловленный способностью художника к самостоятельному познанию законов Природы, а значит — естественных, истинных законов творчества, искусства. Энтузиастическая и миметическая концепции в авторском самосознании английских августинцев дополняют и обосновывают друг друга. Истинный энтузиазм понимается как подлинное миметирование Природы, ее законов творения. При этом авторское самосознание просветителей находится в активном поиске баланса между объективным и субъективным началами в творчестве, который основывается на праве и обязанности художника к самостоятельному поиску всеобщих, универсальных правил творчества, законов правды и красоты.

Уже в 60-х гг. прошлого века против рассмотрения английской эстетической мысли как вторичной по отношению к итальянской ренессансной и французской критике XVII века выступал Дж. Уотсон, в частности рассуждая о значении Драйдена, Поупа, Аддисона в истории литературной критики [50, с. 11–16, 58–65]. В.Г. Решетов [15, с. 7–9], И.С. Нарский [12, с. 10], О.Ю. Поляков [14] также подчёркивают оригинальность эстетики английского Просвещения, характеризуя её как «эмпирическую», в противовес «дедуктивно-рационалистическому» классицизму Франции.

Сознание английских просветителей, в том числе и их авторское самосознание в отношении многих идей, было оригинальным. Роль первопродовцев в формировании просветительского мировоззрения создавала условия для постоянного поиска английскими авторами новых концептов или новых коннотаций старых понятий, которые в дальнейшем получают свое развитие в культуре Европы и Америки. Культура английского Просвещения особенно ярко предстаёт постоянно творимым ландшафтом, где одни образы и идеи, возникая, уходят в небытие, другие становятся формами новой культуры, нового авторского сознания.

Приоритетное внимание к эстетическим суждениям не теоретиков, но практиков искусства — писателей и художников, позволяет увидеть рождение новых идей и категорий, которые позже оформятся в философские концепции. Суждения самих «творцов» о природе творчества, о происхождении тех идей и образов, которые возникают в сознании автора и превращаются в творимые им новые миры (что мы и называем авторским самосознанием), будучи периферийной областью классицистической эстетики, сосредоточенной на критике искусства, проблемах жанра и стиля, оказались в зоне, менее всего регламентируемой классицистической теорией искусства. Поэтому закономерно, что, обращаясь к авторскому самосознанию английских поэтов и художников эпохи Просвещения, мы становимся свидетелями рождения новых, оригинальных концептов или переосмысления традиционных понятий, среди которых постепенно выделяются те (воображение, гений, вдохновение), которые определяют дальнейшее развитие европейской эстетики.

Основными персонажами исследования, нацеленного на выявление специфики авторского самосознания английских писателей и художников эпохи Просвещения, стали знаковые для английской культуры XVIII века фигуры — поэты А. Поуп и Эд. Юнг, писатели Э.Э. Шефтсбери, Дж. Аддисон, художники У. Хогарт, Дж. Рейнолдс,

то есть, те мастера литературы и искусства, которые оставили теоретическое наследие в виде критических и эстетических сочинений. Александр Поуп — «Опыт о критике», 1709; предисловие к «Илиаде», 1715; предисловие к изданию сочинений Шекспира, 1725; Энтони Эшли Шефтсбери — «Письмо об энтузиазме», 1708; «Sensus Communis: Опыт о свободе острого ума и доброго расположения духа», 1709; «Моралисты, философская рапсодия», 1709; «Солилоквия, или совет автору», 1710; «Замечание об историческом сюжете, или табулатуре выбора Геркулеса», 1713; «Письмо об искусстве, или науке рисунка», 1713; Джозеф Аддисон — эссе из журналов «Болтун», 1709 и «Зритель», 1711–1714; Эдвард Юнг — «Рассуждения об оригинальном сочинении», 1759; Уильям Хогарт — «Анализ красоты», 1751; Джошуа Рейнолдс — «Речи», 1769–1790.

Анализ этих текстов позволил сформировать тезаурус из лексем, наиболее значимых для высказываний авторов о природе творчества. На основе этого тезауруса выделены категории авторского самосознания — понятия, используемые автором для выражения своего понимания творчества и, соответственно, служащие ключом к пониманию их идей. Авторское самосознание просветителей конструируется, прежде всего, вокруг таких категорий как разум, энтузиазм, гений [9].

Рационализм Просвещения был неразрывно связан с концептом Природы. В *Encyclopaedia Britannica* 1771 года «рациональность», наряду с понятиями «Бог», «Универсум», «Наука» используются в качестве сигнатуры слова «Природа» [27, с. 364–365]. Ньютон, как и его ученики и последователи, отнюдь не утверждают противоречия между «опытом» и «мышлением»: для них между областью чистого мышления и областью «чисто фактического» не должно быть никакого разрыва. Разум и Природа для классического просветительского мировоззрения сущностно едины. В этом отношении точна характеристика, которую даёт Э. Кассирер: «для Ньютона и его последователей» нет противоречия между «тем, что относится к идеям» и «веществом фактов» («matter of fact» — то, что «на самом деле»). Это противоречие выразит Д. Юм. Но «классическое» сознание просветителя настроено на то, чтобы видеть, ощущать и понимать «всепроницающий порядок и закономерность» [7, с. 21]. Такое мировосприятие является основанием авторского самосознания британских поэтов и художников первой половины XVIII века.

Просветительский «reason» понимается и как потенциал свободы, заложенный в человеке, и в то

же время как его способность к необходимому самоограничению в мыслях и поступках, в художественном творчестве. Разум трактуется как совокупность интеллектуальных способностей человека, то есть как условие всех тех процессов, благодаря которым осуществляется связь человека с окружающим миром. Человек Просвещения может быть назван не только «познающим» (от декартовского «*cogitoergosum*»), но и «человеком воспринимающим» (от «*esse est percipere*» Дж. Беркли). Именно восприятие мира, включающее целый комплекс процедур от чувственных ощущений (*sense*) до конструирования мира в сознании (*invention, reflection*), определяют природу человека и его место в мире в новом просветительском мировоззрении. Сенсуализм Локка получил развитие не только в философии Дж. Беркли и теории ассоцианизма Д. Юма, Д. Гартли, но и в эстетической мысли XVIII века. Здесь он превращается в способность художника получать законы творения непосредственно от природы, отодвигая на задний план обучение законам творчества в рамках школы, традиции. Разум поэта или художника — залог его самостоятельности, оригинальности, собственно того, что и есть авторство как для А. Поупа, так и для Эд. Юнга, несмотря на дистанцию между творчеством поэта-классициста и ярко-го представителя сентименталистской поэзии [8].

Концепты «гений» и «энтузиазм» широко представлены в английских текстах XVIII века. Характерно и разнообразие дискурсов, использующих их. Это — политическая, религиозная мысль эпохи, наконец, и интересующие нас эстетические концепции. При этом в многочисленных трудах, уделяющих то или иное внимание эстетической мысли «века Августа», эти понятия практически игнорируются. Этому есть определённые объективные основания. Сама английская эстетическая мысль первой половины XVIII века была сосредоточена на проблеме восприятия и оценки искусства, выстраивалась, прежде всего, вокруг отношений автора и публики. Эти рассуждения «лежат на поверхности» критических текстов этого периода, соответственно, и кладутся в основание тех реконструкций эстетической мысли эпохи, которые мы обнаруживаем в трудах исследователей [6, с. 23–30]. Стиль, правила жанра, принцип трёх единств, хороший вкус, мера, порядок, подражание — эти базовые понятия, отражающие ригористический идеал классицизма, как правило, служат ориентирами и для исследователей, обращающихся к критическим сочинениям английских авторов от Дж. Драйдена до С. Джонсона. Это создаёт основу

для определённой предвзятости, которая часто не позволяет нам оценить самостоятельность и оригинальность их взглядов. Тем важнее обратиться к категориям, оформлявшим авторское самосознание творческой личности, среди которых значимую роль в эпоху Просвещения начинает играть понятие «гений».

Понятие «гений» в авторском самосознании английских просветителей

«Природный гений» — та важная для просветителей категория, вокруг которой формируется новый образ автора. Изучению трансформации понятия «гений» в истории европейской мысли посвящено немало исследовательских трудов. Подробную библиографию по данной теме содержит статья специалиста по русской литературе XIX века Н. Мазур [11]. Еще в 1920-е годы в Германии появились работы Э. Цильзеля («Становление понятия Гений») и Г. Вольфа («Исследование истории понятия Гений в немецкой эстетике XVIII века») [53], [51]. Вообще вниманием к рассматриваемому концепту традиционно отличается творчество германских литературоведов: в течение 30 лет выходили тома «Истории немецкой поэтики» Б. Марквардта, где на материале германской литературы в числе прочего затрагивается тема переосмысления понятия «гений» в XVIII столетии; в 1978 году вышла монография австрийского германиста В. Шмидт-Денглера, посвящённая бытованию *гения* как античной мифологии в культуре гётевского периода [38, 46]. В связи с последним примером следует заметить, что к 1970-м — 1980-м годам поднимается новая волна интереса к указанной теме: переиздаются как критические и эстетические трактаты XVIII — XIX веков (например, «Эссе о гении» А. Джерарда и «Гений и помешательство» Ч. Ломброзо), так и ставшая уже классической работа Э. Цильзеля. Тогда же появляются и новые исследования истории концепта «гений» в немецкой эстетической мысли — Г. Петерса по XVIII веку и Й. Шмидта по XVIII — XIX векам [40, 45].

Изучение трактовки понятия «гений» в XVIII веке опирается и на французский материал. Так, еще в 1941 году появилась до сих пор актуальная статья Герберта Дикмена «Концепция гения Дидро» [26]. С тех пор Дидро (и тому есть основания — его статья в «Энциклопедии наук, искусств и ремёсел», новелла «Племянник Рамо» и т.д.) становится основным героем в исследованиях,

посвящённых трактовке гения в эстетической мысли XVIII века [29, 31, 37, 35]. На материале французской эстетики рассматривалась трансформация понятия «гений» в статье К. Яффе [34]. Немногим позже внимание этому понятию на материале французских текстов уделит в своей работе известный историк культуры М. Фюмароли [30]. Новая книга профессора Оксфордского университета Энн Джефферсон свидетельствует о неослабевающем интересе к теме *гения* в современной гуманитаристике. Это актуальное междисциплинарное исследование, как по своей методологии (сочетание лингвистического, литературного и социокультурного анализа), так и по объекту, так как интерпретации гения как идеи рассматриваются здесь в философских, медицинских, социологических дискурсах [35].

Интерпретации понятия «гений» и идеи гениальности у английских авторов XVIII века рассматриваются в контекстах ряда исследований, посвящённых истории английской эстетической мысли. Гений Гомера как тема в английском эстетическом дискурсе XVIII века исследовалась в монографии шведского ученого Кристи Симосуури [48]. Отечественный специалист по рецепции Шекспира в истории европейской культуры Е. А. Первушина обращается к интересующему нас сюжету в своей статье, коротко останавливаясь на взглядах Поупа и Аддисона, противопоставлявших идею гения классицистической установке на «подражание» [13]. В книге Сары Эрон понятие *гения* анализируется более широко в связи с практикой инвокации и такими концептами как изобретательность, энтузиазм и вдохновение в творчестве Шефтсбери, Поупа и Филдинга [28].

Приведённый здесь библиографический обзор демонстрирует недостаточное внимание исследователей к концепту «гений» в английской эстетической мысли эпохи Просвещения. Это исторически несправедливо, поскольку именно английские его интерпретации были использованы французской и германской эстетической мыслью второй половины XVIII века, повлияли на становление теории и практики романтического искусства. Великий потенциал английского Просвещения проявился в истории развития понятия «гений» особенно ярко. Именно здесь зарождается одна из знаковых тем культуры романтизма — тема «гений и безумие».

Значительное влияние английских критических и эстетических сочинений на развитие представлений о гении и гениальности в европейской культуре несомненно. Ведь уже аббат Дюбо ссылается

на Дж. Аддисона и Э. Э. Шефтсбери, рассуждая о гениальности в своих «Критических размышлениях о поэзии», И. Кант в «Критике способности суждения» демонстрирует знакомство со взглядами Шефтсбери и «Эссе о гении» А. Джерарда, И. Гердер читает «Рассуждения об оригинальном сочинении» Эд. Юнга [21, 32], а Д. Дидро почитает Э. Э. Шефтсбери и именно его, Шефтсбери, статья «Гений» знаменитой французской Энциклопедии называет «гением первой величины» [25, с. 583]. Поэтому специальное прочтение английских текстов XVIII века с целью выявления культурно-исторических особенностей практики словоупотребления и осмысления понятия гений представляется полезным и своевременным.

Формы и контексты использования лексемы «genius» английскими поэтами и художниками эпохи Просвещения становятся особенно интересными для реконструкции их авторского самосознания, поскольку в коннотации рассматриваемого понятия на первый план выходят антропоцентрические и персоналистские значения. Авторы всё более «применяют на себя» данный термин, даже в тех случаях, когда рассуждают о гении Гомера или Шекспира, осмысливая через него природу собственного творчества, — и это тот случай, когда «направленное само на себя сознание творящего наиболее полно раскрывает секреты творчества» [5].

Принято считать, что первым пример персонализации понятия «гений» в английской литературе XVIII века подал публицист, драматург Дж. Аддисон в своём эссе № 160, опубликованном в «Зрителе» в 1711 году. Эта точка зрения верна лишь отчасти. Еще более ранние случаи персонализации мы находим и в предшествующих публикациях этого автора, и даже в «Солилокви» (1710) графа Шефтсбери. У Шефтсбери понятие «гений» представлено широко как в количественном, так и в семантическом плане. *Гений* может быть великим [47, с. 208] и низменным [47, с. 226]. Это может быть *гений нации* [47, с. 215–218]; *гений английских писателей* [47, с. 230]; *гений поэзии*, то есть склонность к поэтическому творчеству, которой, на взгляд Шефтсбери, самой по себе недостаточно, чтобы быть поэтом [47, с. 193]; *гений сочинения*. Последний можно рассматривать как частный случай использования понятия «гений» в качестве синонима слова «дух» («spirit»). Например, в следующей фразе Шефтсбери: «Так что в этом духе сочинения («genius of writing») — равно проявились как героическое, так и обыденное, трагическое и комическое начала» [47, с. 195].

Неоднократно Шефтсбери использует понятие «гений» в лексическом ряду с такими словами, как «характер» и «нравы», говоря о героях пьесы или другого сочинения, что тоже коннотативно пересекается со словом «дух»: «характер, дух (*genius*), нравы персонажей...» [47, с. 201–202]. *Гений-дух* литературного героя — отражение в искусстве той реальной человеческой природы, которую Шефтсбери описывает следующим образом: «У каждого из нас есть свой Даймон, Гений, Ангел-Хранитель с которым мы связаны прочными узами... с момента нашего рождения» [47, с. 168]. Таким контекстом философ семантически сближает понятие «гений» с античным даймоном и христианским концептом Ангела-Хранителя. Тесно связанный с неоплатонической традицией европейской мысли, Шефтсбери уравнивает в смыслах концепты «даймон» и «гений», наделяя последний важным философским и мировоззренческим значением.

Семантическое поле понятия «гений» в тексте Шефтсбери напоминает богатый питомник, где содержатся ростки разных видов растений, то есть — различных возможных употреблений слова. Какие из них будут особенно процветать в условиях английской эстетической мысли XVIII века? Уже узнаваемы тут и ростки национальной идеи (*гений* нации [47, с. 298, 215, 218], гений английских писателей [47, с. 230], и интериоризированные трактовки *гения* и даже впервые проскальзывает персоналистская версия данного понятия: «...Этот взгляд едва ли опровергнут дела или история как по отношению к самим философам, так и по отношению к великим гениям или мастерам свободных искусств» [47, с. 208]. Здесь лингвистическим маркером персонализации концепта «гений» служат форма множественного числа и контекст — перечисление в одном ряду с персонализированными понятиями «философ» и «мастер».

В персонализированной форме интересующий нас концепт появляется уже в эссе № 23 Аддисона. Здесь Аристофан представлен как *гений комедии* (*the most comic genius*), и *гений* из духа комедии, который мог характеризовать сочинение или автора у Дж. Драйдена и Э.Э. Шефтсбери, превращается в самого *автора-гения*. Но тут понятие «гений» еще не обозначает абсолютное превосходство, и Аристотелю противопоставляется Сократ, которому Аддисон находит еще более значимый титул — *божественный философ* (*divine philosopher*) [49, т. 1 с. 116].

Признаки персонализации понятия «гений» у Аддисона можно найти и в его эссе № 31 и № 13. Особенно интересен контекст использования

понятия в первом из приведённых примеров: автор одновременно высмеивает швейцарского импресарио Дж. Дж. Хайдеггера, разбогатевшего в Англии на постановке модных опер и маскарадных балов, полюбившихся Георгу II и лондонскому светскому обществу и его поклонников. В роли одного из поклонников выступает в эссе собеседник Аддисона, который и называет Хайдеггера «выдающимся гением в области музыки» [49, т. 1 с. 155]. Так, практика обозначения понятием «гений» личности, причём конкретной, в данном случае сочетается с ироничной оценкой в отношении этой персоны. То есть, на взгляд Аддисона, называть гением Хайдеггера неуместно, но, например, Свифт — «один из величайших гениев своего века» (эссе № 135). И это — уже без иронии [49, т. 2 с. 202].

Обратимся и к знаменитому эссе № 160 Аддисона от 3 сентября 1711 года. Автор употребляет слово «гений» во множественном числе и пишет о гениях как личностях, однако параллельно использует прежнее, неперсонализированное его значение. Так, в первых строках своего эссе писатель заявляет о намерении «рассмотреть, что есть великий гений», а уже в следующем предложении утверждает, что «из великих гениев... выделяются как особо одарённые представители человечества те, кто только силой своих природных способностей без помощи искусства и науки (*by the meer strength of natural parts, and without any assistance of arts or learning*) создал творения, вызвавшие восторг современников и изумление потомков» [49, т. 2 с. 320].

Итак, для Аддисона высшая форма творческой личности — это «великий природный гений», чья одарённость самодостаточна и не требует знания законов творчества. Еще в эссе № 58 просветитель противопоставляет «гениальность» и «профессиональные навыки» («*a man of a beautiful genius*» и «*a man of great industry*») [49, т. 1 с. 286].

В творчестве *гения*, по определению Аддисона, проявляется «нечто благородно дикое и необычайное» («*something nobly wild and extravagant*») [49, т. 2 с. 320]. Подобная характеристика не раз отмечалась исследователями как проявление предромантических идей в эстетической мысли Аддисона. Но, думается, такая, казалось бы, радикальная идея в контексте просветительского классицизма не так уж уникальна для английского литературного сообщества того времени. Спустя всего четыре года схожая характеристика прозвучит в сочинении А. Поупа в отношении гомеровского *гения* — «дикий рай» («*a wild paradise*») (Предисловие к Илиаде, § 9) [42, с. 2].

Но всё же в текстах Аддисона слово «гений» не обретает того самостоятельного оценочного значения, которое появляется позже. Пока оно требует уточнения-эпитета (только в этом значении концепт персонализируется) — речь может идти о «великом гении», или о «человеке, обладающем гением мелкого ума» («*men of a little smart genius*») (эссе № 10), или об «авторах вульгарного гения», когда Аддисон критикует современные ему оперные постановки, в частности Королевского Хеймаркет театра (эссе № 42) [49, т. 1 с. 58, 208].

В языке Аддисона присутствуют и те аспекты коннотации понятия «гений», что отмечались нами у Шефтсбери. В эссе № 3 Аддисон отдаёт дань классицистской поэтической традиции, пользуясь понятием «гений», приближённым, а точнее — стилизованным под античное его значение: *гений* как высшее, божественное воплощение земного явления (места, рода, человеческого сообщества, человека). Свои провидческие политические ценности писатель преподносит как некое видение — перед ним в танце проходят пары. Среди «самых отвратительных» («*the most hideous*») фантомов — Тирания и Анархия, Фанатизм и Атеизм, а также «Общее благо» («*the Genius of a Commonwealth*») в паре с молодым человеком [49, т. 1 с. 24], в описании которого современники угадывали Претендента — Якова III. Именно на его приход к власти тайно делали ставку многие тори — политические оппоненты Аддисона. Политический контекст в данном случае демонстрирует все разнообразие и неустойчивость коннотации понятия «гений» в интересующей нас культурно-языковой среде. «*The Commonwealth*» использовалось в годы гражданской войны в идеологии О. Кромвеля для обозначения республики и, будучи накрепко связано в сознании англичан с этим трагическим периодом в жизни английского общества, обрело негативный смысловой оттенок. Таким образом, понятие «гений» может обозначать великое зло равно, как и великое благо (например, «Гений Великобритании», который в том же видении Аддисона выступает в паре с будущим королём Георгом I).

В эссе № 29 почти по-гердеровски Аддисон пишет о «духе народа» («*the genius of the people*»), критикуя новую моду на исполнение итальянской оперы на английском языке [49, т. 1 с. 146]. В эссе № 21 писатель рассуждает о воспитании, выборе профессии для ребенка и даёт совет: родители должны учитывать «*the genius and abilities*» своего ребёнка более, чем свои собственные склонности [49, т. 1 с. 109]. Совет хорош, и под ним, наверное,

подписался бы любой современный педагог, но нас больше интересует значение используемого здесь понятия «гений». В данном случае его можно перевести как «дух», «склонность человека к какой-либо деятельности».

Итак, именно концепт *великого гения* не только обозначает у Аддисона личность, но и получает конкретные имена: Гомер, Пиндар, Шекспир, Платон, Аристотель, Вергилий, Мильтон... Кроме того, *великие гении* классифицируются Аддисоном в два рода — «великие природные гении» (первые три) и гении, «сформировавшие себя в соответствии с правилами» (остальные по списку) (эссе № 160) [49, т. 2 с. 323]. Формируется своего рода «авторский пантеон» новой европейской культуры.

Следуя намеченному маршруту в поисках тех смыслов, которыми отмечено понятие «гений» в просветительском художественном сознании, невозможно пройти мимо сочинений А. Поупа. Критические сочинения крупнейшего и авторитетнейшего поэта английского Просвещения замечательно отражают эволюцию его авторского сознания. Наиболее ранний из выбранных нами текстов — дидактическая поэма «Опыт о критике», издав которую 23-летний поэт сразу обрёл и значительных врагов, и авторитетных друзей, вследствие чего был принят в ту «литературную республику», что сложилась в Лондоне начала XVIII века. Использование лексемы «гений» в упомянутой поэме достаточно традиционно и близко тем формам, в которых она существует в «Солилокви» Шефтсбери (что не удивительно, учитывая одновременность написания произведений). Правда, у Поупа эта лексема чаще выступает в роли поэтической метафоры: он пишет о «гении (духе) века», «древнем гении Рима» [41, с. 249, 313].

Однако понятие «гений» поэт использует и для характеристики человеческого творчества наряду с другими принятыми в поэтической критике того времени понятиями: «Гений, вкус и школа (*genius, taste and learning*) нужны критику, равно как и поэту»; «Правильный вкус среди критиков так же редок, как и истинный гений у поэтов»; «Природа всем вещам определяет границы, ограничен и гений, так же, как и человеческий ум (*wit*), но широко искусство» [41, с. 236, 229, 237]. Как видно, здесь в авторском самосознании Поупа концепт «гений» ещё не обретает своего конкретного значения; его отношения с такими понятиями, как «вкус», «обучение», «ум», пока неясны, но *идея* гения уже намечается в теме «расширения границ», которая последовательно проходит через всю поэму.

В последующие годы Поуп много размышляет над вопросами природы творчества — «как» и «откуда» рождается поэзия. Помимо собственного опыта, большую роль в развитии его авторского самосознания играет близкое соприкосновение с поэзией Гомера. Работа над переводом «Илиады» даёт Поупу возможность погрузиться в творческую лабораторию Гомера, что сразу проявляется в глубине и осознанности эстетической мысли английского поэта. К своему изданию «Илиады» Поуп пишет пространное предисловие, демонстрирующее новизну и самостоятельность его мыслей. Это очень ярко проявляется в формах бытования слова «гений» в его тексте. Здесь преобладает персоналистская форма данной лексемы. Она не случайна, хорошо продумана и прочувствована автором. Заметно влияние старшего и уже состоявшегося мастера, приятеля Поупа — Дж. Аддисона.

Основой поэзии и тем, что в различной степени отличает всех *великих гениев* (great geniuses) является *изобретательность* (invention). Именно она создает поэзию, на что не способно даже величайшее напряжение человеческого знания (study), учения (learning) и мастерства (industry). Даже рассудок (judgment) без изобретательности оказывается обделённым — он лишь «благоразумный управляющий, в ведении которого находятся богатства природы» (Предисловие к Илиаде, § 4–5) [42, с. 1]. Так в этих рассуждениях Поупа *поэзия, гений и изобретательность* оказываются звеньями одной цепи, порождая и усиливая друг друга, а *знание, учение и мастерство*, возглавляемые *рассудком*, образуют группу «вспомогательных компонентов».

Отсюда Поуп выводит свою типологию гениальности: есть «рассудочный и методичный гений» («judicious and methodical genius») и гений «плодовитый» («fruitful») (Предисловие к Илиаде, § 8) [42, с. 1] (см. выше у Аддисона о «природном гении»). И образцовые примеры этих двух типов гениальности для Поупа — Вергилий и Гомер: «Гомер был более велик как гений, Вергилий лучше как художник» (Предисловие к Илиаде, § 115) [42, с. 16]. Здесь гений понимается как носитель врождённого дара поэзии, тогда как художник реализует в искусстве готовые знания и навыки, полученные от школы.

При наличии персоналистской формы употребления слова «гений» (Предисловие к Илиаде, § 218, 244) [42, с. 33–34] данная лексема продолжает бытовать в тексте Поупа и в значении дара поэта, его «творческой энергии» («warm a genius»), недостаточной, по мнению Поупа, у Вергилия (Предисловие к Илиаде, § 32) [42, с. 6].

Соответственно речь может идти об «ограниченности» («narrowness of genius») или «избыточности» («excess of genius») этой энергии (Предисловие к Илиаде, § 130) [42, с. 20].

Противопоставляя Гомера и Вергилия как две модели гениальности, Поуп, конечно, вёл полемику с нормативным классицизмом французского происхождения. Его характеристики творчества Гомера подчёркнуто оппозиционны, а лексика провозгласительна.

В 1725 году публикуется подготовленное Поупом издание сочинений Шекспира. Предисловие, написанное Поупом к этому изданию, представляет собой еще один критический текст, созданный поэтом. Но, несмотря на заявленное в начале предисловия противопоставление шекспировского гения гомеровскому, то, что Поупа восхищает в поэте более всего, остаётся неизменным. Глубокая связь феномена гения с природой — одна из важнейших мыслей Поупа и одно из прочнейших его убеждений. Гений для поэта — сама природа, её продолжение в поэте. И эта частица природы в поэте может быть так сильна и значима, что все остальные факторы творчества отходят на второй план. На примере Шекспира Поуп показывает: ни потребность угождать вкусу толпы, ни вращение в низком обществе, ни отсутствие знаний о правилах искусства не могут «подавить и исказить величайший гений» [43, с. 111]. Он всё равно будет являться нам в произведениях Шекспира, подобно Принцу в пастушеских одеждах, и «его величие и дух вспыхивают здесь и там, проявляя его более высокую сущность и качества» [43, с. 109].

Дж. Аддисон и А. Поуп были законодателями как практики, так и теории искусства для британского общества своего времени. Вместе с прочими их взглядами на искусство новая коннотация понятия «гений» получает распространение в британском художественном сознании через публикации критических эссе этих авторитетнейших английских авторов. Но новаторство взглядов Аддисона и Поупа на природу творчества ярко высвечивается в сравнении их интерпретации понятия «гений» с той его трактовкой, что обнаруживается в словаре Чемберса 1728 года. Любой словарь призван фиксировать утвердившиеся и широко распространённые в языке значения. Исходя из этого, интересно отметить абсолютное преобладание античного контекста в статье Чемберса, посвящённой понятию «гений». Такая подача слова свидетельствует о его бытовании, прежде всего, как элемента классицистической риторической традиции. Только в конце статьи автор обозначает такие современные

(интериорные) значения лексемы «гений», как «сила или свойства души (soul) (человека)», причем не обязательно с положительным значением: «мы говорим “счастливый гений”, “превосходный гений”, “возвышенный гений”, “ограниченный гений”». Гений также понимается как «природный талант (человека), склонность к чему-либо, более, чем к другому (гений стихосложения, гений науки)». Примечательно полное отсутствие в статье Чемберса нового персоналистского значения рассматриваемого понятия. Характеризуя определённые свойства человека, оно, по словарю Чемберса, саму личность не обозначает [23, с. 137–138].

В начале 1750-х годов молодой Эд. Бёрк записывает свои мысли об «истинном гении». В тексте Бёрка персонализация этого понятия, как бы подводя итог определённому процессу, существенно продвигается вперёд и образ *гения* обретает отчётливые антропоморфные свойства: «гений страдает...», гений «проявляет выдающуюся способность своего ума», гений «смел».

Кроме того, Бёрк констатирует закрепление в английском языке оценочной функции понятия «гений». Теперь гений в любом случае — кто-либо выделяющийся на фоне остального общества, экстраординарный. Философ предлагает выработать чёткие критерии опознания гения. Понятие «гений» у него не замыкается в сфере искусства (как позже у Канта). Гением может быть как писатель, мыслитель, так и политик, военачальник [22, с. 65–66]. Бёрк создаёт и карикатурный портрет «общепринятого гения»: «Некая личность, чьи манеры грубы и наглы, жизнь распутна, суждения экстравагантны...» [22, с. 68].

Примеры ироничного отношения к неуместному использованию нового высокого титула художника мы находим не только у Аддисона и Бёрка. О том же свидетельствует и случай подобного ироничного употребления персоналистской формы лексемы «гений» У. Хогартом. Конессьёры, «нахватавшиеся» модных словечек и суждений об изящном искусстве, часто становятся объектом сатиры мастера [2]. Возможно, с языка этих самых «знатоков» Хогарт срывает именование *гениями* авторов современных литых копий античных скульптур, находящихся в те времена у Гайд-парка, когда иронично замечает: «...эти унылые гении (the saturnine geniuses) вообразили, что знают, как исправить её (античной скульптуры) очевидные диспропорции» [33, с. 16].

У. Хогарт — прежде всего живописец. Изучение черновиков его «Анализа красоты» (1743) показало, что «графические эскизы предшествовали

литературному тексту, а не сопровождали его» [20, с. 37]. Нельзя сказать, что литературный мир совершенно чужд Хогарту, но ему претят красивые, модные словечки. Его размышления о творчестве — не взгляд со стороны, но серьёзный поиск сути прекрасного. Вероятно, это объясняет малую востребованность понятия «гений» в языке мастера. Тем не менее, из текстов Хогарта понятно, что гений для него — одно из свойств настоящего художника, то, что отличает его от копииста наряду со способностями и знанием природы (know ledge of nature) [33, с. XL]. Отказывая в звании *гения* современному ему скульпторам в упомянутом выше случае, Хогарт вполне серьёзно пишет о «несравненном гении» Дж. Драйдена [33, с. 105].

В середине 1750-х годов появляется ещё один текст, очень важный для формирования понятия «гений» в европейской культуре. Речь идет о «Рассуждениях об оригинальном сочинении» Эд. Юнга. Несмотря на полное игнорирование поэтом (в отличие от Бёрка) уже персонализированной в английском языке версии понятия «гений», он использует само это слово часто и совершенно однозначно. В языке Юнга ничего не остается от того многообразия смыслов и функций данного понятия, которое мы наблюдали в текстах Шефтсбери, Аддисона, Поупа и других авторов начала XVIII века.

«Genius» употребляется Юнгом исключительно в форме единственного числа, в контексте, который оставляет возможным лишь одно толкование этого концепта, а именно гениальность — особый дар, свойство автора. Для Юнга не существует негативных или неоднозначных оценок *гения*. Главный герой Юнга, оригинальный сочинитель, — несомненно, носитель *гения*; «живой корень гения» («vital root of genius»), то, из чего произрастает оригинальный автор [52, с. 12]. Гений, по Юнгу, — сама способность к творчеству; «знание и гений» («knowledge and genius») — то, что делает сочинение ценным [52, с. 10].

Гений — божественное, небесное начало в авторе [52, с. 27, 36], спонтанное и врождённое [52, с. 36, 49–50]. Такими характеристиками Юнг вдохновляет автора на право быть оригинальным, противостоять плену правил поэзии, созданных всего лишь людьми. Выполняя эту главную задачу своего сочинения, Юнг последовательно усиливает противопоставление естественного (природного) творчества и творчества как результата обучения (школы), которое встречается уже у Аддисона и Поупа. Если ранние авторы пишут о двух типах гениальности, то Юнг противопоставляет гений — учению

(learning) [52, с. 2–29], подобно тому, как Поуп противопоставлял учению, школе естественное восприятие мира (sense). У Юнга читаем: «Гений может нас направлять в творчестве вне правил искусства... и делает нас превосходными» [52, с. 31]; «Гений отличается от знания (a good understanding) как магия от архитектуры», его инструменты невидимы [52, с. 26].

По мысли Юнга, гениальность — вне правил искусства, выведенных людьми и закреплённых традицией. В этом положении поэт также наделяет любое проявление гениальности теми свойствами, которыми у Поупа и Аддисона отмечен только ее высший вид — «природный гений». Юнг утверждает: «Гений часто заслуживает похвалы за то, за что должен был бы быть осуждаем, когда его *превосходство* так высоко, что неразлично для слабого зрения» [52, с. 28]. Поэт также даёт свою типологию гениальности: «взрослый гений» («adult genius»), то есть зрелый, готовый, совершенный и не требующий доработки (как, например, у Гомера или Шекспира), он «выходит из рук природы, как Паллада из головы Зевса», и «инфантильный гений» («infantine genius»), которого еще надо правильно выкормить и вырастить [52, с. 31].

Итак, «genius», по Юнгу, — гениальность, способность к творчеству, которая не так уж редко даётся поколениям, причём даруется в равной степени людям разных эпох, народов и поколений. Но этот дар не всегда получает развитие и под влиянием тех или иных причин часто портится или не реализуется вовсе: «...возможно, среди тех, кто не умел ни читать, ни писать, было много гениальности (manу a genius)» [52, с. 35]. Главная напасть для гения, по мнению поэта, — это подражание в творчестве, «слишком большой трепет перед авторитетами», что ограничивает гениальность [52, с. 25]. От этого пострадал талант многих наделённых гениальностью авторов. Как пример такого гения, запертого самим его обладателем в тиски правил, школы, авторитетной традиции, Юнг называет А. Поупа [52, с. 68–69]. И даже Дж. Аддисон, особо выделяемый Юнгом как «великий автор», «имеющий более утончённый, разумный и сильный Гений» [52, с. 87], обвиняется в чрезмерном почтении к авторитетам, а в своем «Катоне» даже предстаёт как имитатор [52, с. 87–88].

Поэт предлагает авторам собственный рецепт освобождения от излишнего влияния авторитетов в своём творчестве: мысленно «поменяться с Гомером местом и временем, тогда, если Вы пишете естественно (то есть, руководствуясь природой чувства-восприятия (sense), Вы могли бы

также обвинять Гомера в имитации себя...» [52, с. 21]. Гений самодостаточен, поскольку «сознание (mind) гениального человека — плодородное и благодатное поле», которое позволяет ему «наслаждаться бесконечной Вселенной» [52, с. 9].

Но гений может подстергать и совершенно иная опасность, как в случае со Свифтом, который не раз становится объектом жёсткой критики на страницах сочинения Юнга. По мнению автора, талант Свифта — пример инфантильного гения, неправильно воспитанного и используемого. Свифт сделал свой гений инструментом реализации своего характера и своих амбиций и, как результат, «сместил свой рассудок (judgment)» и «утопил свое воображение в болоте» [52, с. 62].

В английской культурно-языковой среде определённой вехой в истории словоупотребления концепта «гений» (так же как и многих других концептов художественного сознания) становится Словарь английского языка С. Джонсона (1755). Здесь уже фиксируется новая коннотация понятия, а сам концепт подается в контексте традиции художественной критики. Даже античное его значение демонстрируется уже не на латинских текстах, а на цитатах из драматических сочинений В. Шекспира, Дж. Мильтона, Дж. Драйдена. В отличие от «Словаря» Чемберса «гений» воспринимается здесь уже как агент современного культурно-языкового поля, а не как дань авторитетности античной традиции. Но главное, в статье Джонсона наряду с интериоризованными коннотациями, выработанными языковым европейским сознанием Нового времени («сила или способности ума», «природная склонность к чему-либо»), присутствует персонализированное значение понятия «гений» («человек, наделённый превосходными качествами»). Примечательно, что новые трактовки данного понятия Джонсон иллюстрирует цитатами Поупа и Аддисона, что свидетельствует о влиятельности упомянутых авторов, осознании их роли в формировании новой трактовки гения [36, с. 892].

Определённым итогом развития концепции автора-гения в британском классицизме стал теоретический труд шотландского автора Уильяма Даффа. В своём «Опыте об оригинальном гении» Дафф даёт характерную интерпретацию платоновского «Иона»: «Сияющий пыл воображения является, на самом деле, самой душой поэта» [24, с. 171]. В этой фразе и коннотативно, и лексически понятие «воображение» заняло место концепта «энтузиазм», став в сознании Даффа его синонимом. Это проявляется и в других высказываниях автора: «энтузиазм воображения», «восторг фантазии»

[24, с. 169–171]. Дафф подчёркивает, что ведёт речь о «поэтическом энтузиазме» как качестве, отличающем «оригинальный гений в поэзии», наряду с «благородной неправильностью» и «страстностью» [24, с. 97].

Итак, мы видим, что уже в середине XVIII века в английском художественном сознании понятие «гений» обретает совершенно новые черты. Его значение предельно сужается и конкретизируется и, если не персонализируется, не становится обозначением личности, как у Бёрка, то уж точно обретает однозначно антропоцентрический смысл, оказывается свойством человека и только человека, как у Юнга. Таким образом, интериоризация этого понятия закрепляется в художественном сознании Просвещения. Из широкого поля коннотаций понятия «гений» в английском просветительском сознании первой половины XVIII столетия выделилось одно значение — *великий гений*. И именно оно стало основой для персоналистской формы рассматриваемой лексемы. Творчество *гения* глубоко укоренено в природе, является продолжением её творческих принципов, реализацией её творческой энергии. Одновременно понятие «гений» в просветительской эстетике противопоставляется тем категориям, которые закрепляют норму, правило в поэзии классицизма. Соответственно оно оказывается в оппозиции хорошему вкусу, учёности — всему тому, что, с точки зрения Н. Буало, делает поэта. Гений — это потенциал свободы в творчестве, но свободы, понимаемой в духе Просвещения — не как анархия, а как торжество законов истинных, законов самой природы.

Категория «гений», развиваясь в контексте просветительского мировоззрения, наполняется его ценностями: гений — залог свободы в творчестве, особый настрой рациональной природы человека, непосредственная связь с природой, то есть особый талант одномоментно постигать ее законы и реализовывать их в своём творчестве. Но в то же время

вокруг именно этой категории выстраивается особая подвижное смысловое пространство, где пробиваются ростки новых идей. Не случайно все авторы — от Поупа до Даффа, размышляя о природе гения, отмечают «неправильность» его творчества. В этом дискурсе появляются такие характеристики как безграничность и динамичность творчества, творимых «живых миров», то есть закладываются те ценности, которые получают развитие в мировоззрении и авторском самосознании романтиков. Категория «гений» в авторском самосознании просветителей призвана обозначить всё, что не укладывается в общепринятые, то есть классицистические представления об искусстве. Гению можно то, что нельзя другим.

В семантическом поле именно этой категории намечается в просветительском дискурсе тема безумия в связи с творчеством. Поуп сравнивает Гомера с гигантом, который порой совершает сумасбродства от избытка сил, так и сила изобретательности, вымысла (*invention*) поэта может выплёскиваться в избыточность и буйство, дикость (*wildness*). Проходит менее полувека, и публицист Эд. Бёрк рисует карикатурный портрет «общепринятого гения», заставляющий сомневаться в психическом здоровье этого персонажа. Но, конечно, тема связи безумия и творчества не является показательной для авторского самосознания просветителей. Как правило, речь идёт о «видимом» безумии. Таким «кажется» со стороны оратор, поэт или философ, находящийся в состоянии энтузиазма.

Таким образом, понятие «гений», заимствованное из античной культуры, наполнилось в культуре Просвещения новыми коннотациями и сформировало вокруг себя пространство для новых идей, получивших развитие уже в сознании романтиков. В то же время нельзя не отметить, что концепт разума оформлял авторское сознание просветителей, вносил в него органическое единство, увязывая все прочие его категории.

Список литературы

1. *Аверинцев, С.С.* Авторство и авторитет / С.С. Аверинцев // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М.: Наследие, 1994. — С. 105–125.
2. *Алексеев, М.П.* Уильям Хогарт и его «Анализ красоты» / М.П. Алексеев // Хогарт У. Анализ красоты. — 2-е изд. — Л.: Искусство, 1987. — С. 6–104.
3. *Барт, Р.* Смерть автора // Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 384–391.
4. *Баткин, Л.М.* Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личностного самосознания / Л.М. Баткин. — М.: РГГУ, 2000. — 1005 с.
5. *Ганиева, А.А.* Олег Кривцун. Творческое сознание художника; Феномен артистизма в современном искусстве [Электронный ресурс] / А.А. Ганиева // Знамя. — 2009. — № 6. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/6/ga27.html>
6. Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М.: Наследие, 1994.
7. *Кассирер, Э.* Философия Просвещения / Э. Кассирер. — М.: РОССПЭН, 2004. — 400 с.
8. *Кирюшкина, В.В.* Поэзия и Разум: семантическое поле понятия reason в эстетической мысли долгого XVIII века / В.В. Кирюшкина // Обсерватория культуры. — 2012. — № 5. — С. 112–119.
9. *Кирюшкина, В.В.* Поэзия и разум, гений и безумие: авторское самосознание творческой личности в британской культуре XVIII века. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2017. — 192 с.
10. *Конявская, Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — сер. XVI в.) / Е.Л. Конявская. — М.: Языки славянской культуры, 2000. — 199 с.
11. *Мазур, Н.Н.* Пушкин и «московские юноши»: вокруг проблемы гения / Н.Н. Мазур // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: материалы и исследования. — М.: ОГИ, 2001. — С. 54–105.
12. *Нарский, И.С.* Пути английской эстетики XVIII века / И.С. Нарский // Из истории английской эстетической мысли XVIII века. — М.: Искусство, 1982. — С. 7–39.
13. *Первушина, Е.А.* Категория «гений» в эстетике английского просветительского классицизма / Е.А. Первушина // Другой XVIII век. — М., 2002. С. 68–75.
14. *Поляков, О.Ю.* Эстетическая теория Джозефа Аддисона / О.Ю. Поляков // XVIII век: искусство жить и жизнь искусства. — М.: Экон-Информ, 2004. — С. 253–263.
15. *Решетов, В.Г.* Джон Драйден и становление английской литературной критики XVI–XVII веков / В.Г. Решетов. — Иркутск: Изд-во Иркут ун-та, 1989. — 248 с.
16. Ток-шоу «Агора» от 18 ноября 2017 г. на телеканале Культура.
17. *Тураев, Б.А.* Рассказ египтянина Синухета и образцы египетских документальных автобиографий / Б.А. Тураев. — М.: Товарищество Скоропечатни А. Левенсон, 1915. — 70 с.
18. *Фуко, М.* Что такое автор // Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М.: Касталь, 1996. — С. 7–46.
19. *Чичуров, И.С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV–IX веков / И.С. Чичуров // Античность и Византия. — М.: Наука, 1975. — С. 203–216.
20. *Beckett R.B.* Hogarth / R.B. Beckett. — L.: Routledge and Kegan Paul, 1949. — 80 p.
21. *Brandt, R.* Die englische Philosophie als Ferment der kontinentalen Aufklärung / R. Brandt // Europäische Aufklärung(en): Einheit und nationale Vielheit, Siegfried J. und Schlobach J. — Hamburg: Meiner, 1992. — P. 66–78.
22. *Burke, Ed.* A True Genius // Burke, Ed. A Note-book of Edmund Burke. / Ed. Burke. — Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1957. — 136 p.
23. *Chambers, E.* Cyclopædia, or, An Universal Dictionary of Arts and Sciences [Электронный ресурс] / E. Chambers. — L.: Charlevoix, P.-F.-X., 1728. Режим доступа: <https://uwdc.library.wisc.edu/collections/HistSciTech/Cyclopaedia>
24. *Duff, W.* An Essay on Original Genius and its Various Modes of Exertion in Philosophy and the Fine Arts, particularly in Poetry / W. Duff. — L.: E. and C. Dilly, 1767. — 296 p.
25. *Diderot, D.* Génie [Электронный ресурс] / D. Diderot // L'Encyclopédie: in 17 vol. Vol. 7. 1re éd. Texte établi par Diderot et d'Alembert, 1751. Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/L'E2%80%99Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition/G%C3%89NIE

26. *Dieckmann, H.* Diderot Conception of Genius / H. Dieckmann // Journal of the History of Ideas. — 1941. — Vol. 2. — No. 2. — P. 151–182.
27. *Encyclopaedia Britannica* or, a New Dictionary of Art and Sciences: in 3 vol. — Vol. 3. — L., 1771. — 953 p.
28. *Eron, S.* Inspiration in the Age of Enlightenment / S Eron. — Newark: University of Delaware Press, 2014. — 294 p.
29. *Fellows, O.E.* The Theme of Genius in Diderot's Neveu de Rameau / O.E. Fellows // Diderot Studies. — 1952. — Vol. 2. — P. 168–199.
30. *Fumaroli, M.* Trois institutions littéraires / M. Fumaroli. — Paris: Gallimard, 1994. — 416 p.
31. *Gilman, M.* Imagination and Creation in Diderot / M. Gilman // Diderot Studies. — 1953. — № 2. — P. 200–220.
32. *Guyer, P.* Gerard and Kant: Influence and Opposition / P. Guyer // Journal of Scottish Philosophy. — 2011. — Vol. 9 (1). — P. 59–93.
33. *Hogarth, W.* The Analysis of Beauty / W. Hogarth. — L.: Printed by J. Reeves, 1753. — 196 p.
34. *Jaffe, K.S.* The Concept of Genius: Its Changing Role in Eighteenth-Century French Aesthetics / K. S. Jaffe // Journal of the History of Ideas. — 1980. — Vol. 41. — № 4. — P. 579–599.
35. *Jefferson, A.* Genius in France: An Idea and Its Uses / A. Jefferson. — Princeton: Princeton University Press, 2014. — 288 p.
36. *Johnson, S.* A Dictionary of the English Language. [Электронный ресурс] L.: J. & P. Knapton, 1755. Режим доступа: http://johnsonsdictionaryonline.com/?page_id=7070&i
37. *Mall, J.* Le Neveu de Rameau and the Idea of Genius / J. Mall // Eighteenth-Century Studies. — 1977. — Vol. 11. — № 1. — P. 26–39.
38. *Markwardt, B.* Geschichte der deutschen Poetik. 5 Bde. Bd. 2–3 / B. Markwardt. — Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1956, 1958.
39. *Mücke, D. E. von* The Practices of the Enlightenment: Aesthetics, Authorship, and the Public / D. E. von Mücke. — N. Y.: Columbia University Press, 2015. — 320 p.
40. *Peters, G.* Der zerrissene Engel: Genieästhetik und literarische Selbstdarstellung im achtzehnten Jahrhundert / G. Peters. — Stuttgart: Metzler, 1982. — 247 s.
41. *Pope, A.* An Essay on Criticism / A. Pope // The Works of Alexander Pope with Notes and Illustrations by Joseph Warton: in 8 vol. — Vol. 1. — L.: Printed by J. F. Dove for Richard Priestley, 1822. — 399 p.
42. *Pope, A.* Preface // The Iliad of Homer, Translated by Mr. Pope. Vol. 1. [Электронный ресурс] — L.: W. Bowyer for Bernard Lintott, 1715. Режим доступа: <https://tspace.library.utoronto.ca/html/1807/4350/displayprosead99.html?prosenum=15>
43. *Pope, A.* Preface to Edition of Shakespeare / A. Pope // Eighteenth Century Essays on Shakespeare. — Glasgow: James Mac Lehosse and Sons, 1903. — P. 106–121.
44. Portrait of Sofia Gubaidulina Part 1 of 3. BBC Documentary from 1990.
45. *Schmidt, J.* Die Geschichte des Genie-Gedankens in der deutschen Literatur, Philosophie und Politik, 1750–1945: 2 Bde. / J. Schmidt. — Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985–1988.
46. *Schmidt-Dengler, W.* Genius: Zur Wirkungsgeschichte antiker Mythologeme in der Goethezeit / W. Schmidt-Dengler. — München: G. H. Beck, 1978. — 323 s.
47. *Shaftesbury, A.* Soliloquy; or Advice to an Author / A. Shaftesbury // Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times by the Right Honorable Antony Earl of Shaftesbury: in 3 vol. — Vol. 1. — Basil: Printed by J. J. Tourneisen, 1790. — P. 131–311.
48. *Simonsuuri, K.* Homer's Original Genius: Eighteenth-Century Notions of the Early Greek Epic (1688–1798) / K. Simonsuuri. — N. Y.: Cambridge University Press, 1979. — 219 p.
49. *The Spectator*: in 6 vol. — L.: Print. for Rivington [et al.], 1822.
50. *Watson, G.* The Literary Critics. A Study of English Descriptive Criticism / G. Watson. — L.: Chatto and Windus Ltd, 1964. — 234 p.
51. *Wolf, H.* Versuch einer Geschichte des Geniebegriffs in der deutschen Ästhetik des 18. Jahrhunderts. Von Gottshed bis Lessing / H. Wolf. — Heidelberg: C. Winter, 1923. — 158 s.
52. *Young, Ed.* Conjectures on Original Composition. In a Letter to the Author of Sir Charles Grandison / Ed. Young. — L.: Printed for A. Millar [et al.], 1759. — 110 p.
53. *Zilsel, E.* Die Entstehung des Geniebegriffes / E. Zilsel. — Hildesheim; N. Y.: Georg Olms Verlag, 1926. — 346 p.

ФИЛОСОФСКИЙ ДНЕВНИК

М.А. Пекелис (Михаил Пластов)

TERRA INCOGNITA ГЕНИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Данное эссе содержит личные, глубоко субъективные соображения автора по тем проблемам исследования феномена гениальности, которые принципиально неоднозначно трактуются философским сообществом. Эссе не содержит решения вышеназванных проблем, но может послужить отправной точкой для содержательной философской дискуссии по обозначенным в нём темам. Что это за темы? Гениальность и психические девиации, выделение науки о гениальности в качестве самостоятельной научной дисциплины, рассмотрение гениальности как вещи в себе с упором на фиксацию гениальности как состояния, гендерные проблемы гениальности и ряд других актуальных для философии гениальности тем.

Ключевые слова: гениальность, генионика, гендерный анализ, личность, божий дар, третья волна, время, технологии, монофония, полифония, талант, биоконтур.

М.А. Pekelis (Michael Plastov)

TERRA INCOGNITA OF GENIUS

Summary. This essay contains personal, deeply subjective considerations of the author on those problems of studying the phenomenon of genius, which are fundamentally ambiguously interpreted by the philosophical community. The essay does not contain a solution to the above problems, but can serve as a starting point for a meaningful philosophical discussion on the topics identified in it. What are these topics? Genius and mental deviation, the separation of the science of genius as an independent scientific discipline, the consideration of genius as a thing in itself with emphasis on fixing genius as a state, gender problems of genius and a number of other topics that are relevant to the philosophy of genius.

Key words: genius, genionics, gender analysis, personality, God's gift, third wave, time, technology, monophony, polyphony, talent, biocontour

Вместо предисловия

Хотелось бы с самого начала предупредить читателя о некоторых особенностях этой статьи. Поскольку это личный дневник, а не строго научная публикация, записи в нём носят фрагментарный характер и ни при каких обстоятельствах не претендуют на научную или какую-либо иную полноту и завершённость. Единственная и абсолютная задача этих фрагментов философских раздумий, объединённых в некое подобие эссе, попытаться сподвигнуть читателя осознать всю актуальность, всю значимость исследования феномена гениальности для современной науки и философии в частности.

Однако следует заметить, что, несмотря на фрагментарность, дневник этот написан в жанре,

ранее присущим многим философским работам, а именно в жанре вольной и дружеской философской беседы, не столько с самим собой, сколько с воображаемым читателем.

И, наконец, слово «фрагменты», вынесенное в подзаголовок статьи, говорит о том, что перед вами, как бы вторая производная линии развития учения о гениальности. Фрагменты фрагментарного — это лишь редкие вешки, расставленные на крутых поворотах и глубоких ухабах извилистых тропинок в чащобе проблем, вырастающих на волшебных полях гениальности. Кто же будет прокладывать магистральную дорогу учения о гениальности? Да, Бог его знает. Понятия не имею. Но только точно, что не я. Итак, приступим.

Как вы яхту назовёте?

Сразу скажу: Во всём виноват профессор Сергей Чернов. Это его «Книга о гениальности» (2010) заставила меня задаться вопросом: а почему нет отдельной науки, изучающей феномен гениальности? А если бы она была, то как бы она называлась? Может быть по аналогии с кибернетикой назвать новую науку генионетикой? Но уж больно близко по звучанию с генетикой.

И вообще, случайно ли слово гениальность начинается со слова «ген»? Долгие годы мои научные интересы лежали в области электроники, а если точнее, вычислительной физики, может быть именно поэтому мне ближе слово «генионика». Так, пожалуй, в дальнейшем тексте и буду называть, если не новую науку, то уж точно новое направление моих личных размышлений.

В лабиринте священного безумия

Довольно широко, как в научных, так и в околонаучных кругах распространена точка зрения, согласно которой гениальность и безумие, или, скажем осторожнее, гениальность и психические отклонения — это близнецы и братья. Про себя предпочитаю называть такую позицию «ломброзианщиной»! По имени профессора судебной медицины Чезаре Ломброзо, чья работа *«Гениальность и помешательство»* и стала отправной точкой в желании социума рассматривать гениальность, как род безумия.

На мой взгляд в этом вопросе допущена грандиозная путаница. Во-первых, надо жёстко и чётко отделить конкретную, прикладную персонологию гениальности от гениальности, как явления присущего роду человеческому. Каждый гений уникален, каждый гений — это чудо божье, и нельзя подходить к исследованию феномена гениальности вне методов герменевтики, вне исторической реальности, вне учёта достижений социальной психологии.

Во-вторых, необходимо сознавать, что само понятие психического здоровья различно для психиатрии, социальной психопатологии и прикладной историографии медицины. Сами подходы к тому, что есть девиация, а что норма, постоянно меняются. Само отношение социума к нарушению тех или иных норм общепринятого поведения явно расширяется в сторону индивидуальной свободы личностных проявлений. То, что ещё в начале XX века считалось бы психическим отклонением, например, пирсинг, или окраска волос в зеленый или синий цвет, уже к концу века воспринималось

как сначала вызывающее, а затем и стандартное чудачество.

То есть, то или иное отношение социума к психическим проявлениям гениальности имеет свою историографию и вне исторического контекста изучаться не может и не должно.

И, наконец, третье, гениальность — это не только, и не столько состояние, сколько процесс. Существует переход во времени от способностей к таланту, от таланта к проявлениям гениальности и дальнейшему возрастанию гениальности в судьбе и проявлениях гения. Процесс этот очень многогранный, сложный, во многом необычный и нестандартный. Гений определяет своё время, он изменяет его, поэтому в процессе возрастания гениальности есть и цивилизационная составляющая, и гносеологическая, и культурологическая, и историческая, которые во многом определяют и окраску психологической составляющей поведения гениального индивидуума.

Наука о творчестве «эвристика» рассматривает подробно типы творческих личностей и доказывает, что у каждого такого типичного случая творческого развития свой особенный путь к гениальности. Что же это за творческие типажи? Эвристика выделяет «моцартианский» тип, характеризующийся тем, что высочайший уровень способностей присущ личности от рождения, некий «дар Божий» и, иногда, происходит стремительное возрастание от выдающихся способностей, к выдающемуся таланту и гениальности. Но главная особенность моцартианского типа творческой активности в том, что продвижение по пути от способностей к гениальности происходит легко, естественно, играючи.

Другой тип творческой личности «солерийанский». В этом случае личность, обладая весьма средними изначальными способностями, движется к вершинам таланта, а иногда и гениальности шаг за шагом, словно вырубая ступени в гранитной скале и преодолевая каторжным трудом земное тяготение, поднимается к вершинам мастерства. Что характерно, такая личность, достигнув определённого уровня, никогда, ни при каких обстоятельствах ниже этого достигнутого тяжёлым трудом уровня, не опускается.

Третий тип творческой личности отличается постоянным чередованием взлётов и падений. Гениальные озарения чередуются у неё с грандиозными провалами.

Представляется, что персонология гениальности может и должна найти закономерности развития гениальности каждого из перечисленных типов, выявить, в чём их общность, а в чём отличие

их друг от друга, особенно, когда речь идёт о признании гениальности социумом.

Но вернёмся к устойчивому представлению, что гениальность и сумасшествие — это близнецы и братья. Не вызывает сомнения, что гениальные люди в целом ряде обстоятельств, ведут себя, с точки зрения окружающих их обычных людей, не типично. Они словно видят невидимую окружающим цель и стремятся к её достижению вопреки обстоятельствам и здравому смыслу. А врождённые способности к музыке, к бегу, к живописи — это разве типично? А дар ясновидения и прозорливости — это что типично?

Что значит вести себя нормально? Это значит вести себя, как все. Но способные, талантливые и особенно гениальные люди — это вам не все. Не побоюсь этого слова — они избранные, они — уникальные, они необычные! Как говорят в народе: «Христом в макушку поцелованные». Кроме всего прочего хотелось бы подчеркнуть, что очень многое зависит от базовых, врождённых психических особенностей личности. Ясно, что талантливый сангвиник, по крайней мере, во внешних проявлениях психотипа, ведёт себя не так, как талантливый холерик и уж тем более не так, как талантливый меланхолик.

Следует также учесть, что человек, открывший, недоступную на момент открытия, всему остальному человечеству истину, практически лишён возможности найти понимание, лишён возможности нормальной, полноценной коммуникации. Это тяжёлое психологическое испытание. Человечество ещё должно созреть до его, гения, открытия, идеи, утверждения, музыки, живописи, архитектуры; вообще, до иного видения мира. Зачастую понимание гения, его роли в истории приходит через столетия после его смерти. Зачастую непонимание не есть следствие непонятливости людей, просто сам строй мыслей гения лежит вне круга их понятий. Усвоение социумом новых знаний — это процесс, сложный, мучительный и неравномерный.

Что из этого следует? Прежде всего, то, что по мере продвижения личности от способностей к таланту, от таланта к гениальности и поведение личности может меняться от типического к атипическому, и от атипического к парадоксальному. Утверждение Александра Сергеевича Пушкина: «Гений — парадоксов друг» приобретает в этой связи новую, психологическую окраску. Вдумайтесь, кем казался окружающим абсолютный Гений и Творец Иисус Христос, когда гнал менял вервьем из храма? Хулиганом, буйно помешанным, чудакон? Да кем угодно, но только не

нормальным равви. А в действительности? Он был нормальнее всех нормальных. Всех и вся.

Что касается гениальности, как явления в рамках человеческой популяции, то здесь всё, на мой взгляд, всё гораздо сложнее и запутаннее. Вспомним пословицу: «Природа, потратившись на гения, отыгрывается на его детях». На самом деле речь здесь не о детях, вернее не только и не столько о детях гения, сколько об устойчивости человеческой популяции, как системы.

Какими же свойствами обладает человеческая популяция, как система? Прежде всего — это открытая система, во-вторых многоуровневая, обладающая целым набором подсистем и, что не так очевидно, саморегулирующаяся. Одним из следствий такой саморегуляции является доминантный тренд этой системы к поддержке состояния устойчивого развития. Это касается, как численного роста системы, так и её ресурсного наполнения, особенно в части энергетических ресурсов и ресурсов регуляции жизнедеятельности. Причём в словосочетании «устойчивое развитие», главным для системы рода человеческого является сохранение устойчивости. То есть выживание. И не просто выживание, а всё большее возрастание трёх ведущих параметров системы при сохранении её, как таковой. Что же это за параметры? Продолжительность жизни среднего индивида, уровень его жизни и комфортность его жизни.

Что же для такой системы представляет собой гениальность, как феномен и явление, а точнее феноменальное явление? Не что иное, как точку бифуркации. Некий информационный всплеск, меняющий как наполнение времени, так и его, времени, содержание. Гениальность порождает новые событийные ряды. Особенно такая гениальность, как у М.В. Ломоносова, Леонардо де Винчи, И.В. Гёте, то есть универсальная гениальность.

Любой гений и особенно универсальный гений — это не просто значимая для устойчивости системы бифуркация — это, с точки зрения философии, сингулярная бифуркация. Согласно теории катастроф, в зависимости от динамического состояния системы, пограничных условий её существования, численности популяции, в нашем случае, динамики её роста или сокращения, точка бифуркации, при определённом уровне энергии самой бифуркации, является сигналом о переходе системы в неустойчивое или даже катастрофическое состояние.

Гений, как бы, сам не зная о том, вступает в стратегическую игру с системой, со всем человеческим родом, причём игру с солидарно

антагонистическими интересами. С некой определённой вероятностью в этом случае возможны три магистральных сценария поведения системы: переход на новый качественный, устойчивый уровень, демпфирование бифуркации путём создания анти-бифуркации, направленной или на погашения импульса гениальности горизонтально, то есть, распределяя энергию бифуркации гениальности в пространстве социума и во времени, или вертикально. Третий вариант — Армагеддон, гибель системы и цивилизации, то, что принято называть «концом света».

Рассмотрим подробнее, что такое сценарий вертикального демпфирования бифуркации гениальности. Это появление анти-гения. Причем зачастую анти-гением является тот же самый человек, которого социум одновременно или в некоем будущем числит, как гениального. Водораздел между гением и анти-гением проложен великим Александром Сергеевичем Пушкиным, который не предполагал, а на наш взгляд, гениально установил, что гений и злодейство не совместимы.

Что же такое анти-гении — это выдающиеся таланты, открытия, изобретения, идеи, деяния которых сеют смерть, разрушение и хаос. Прежде всего, это как бы гениальные полководцы, изобретатели новых видов оружия. Так, например, гений Менделеева совершает настоящий прорыв в химии, создав периодическую систему элементов, а Альфред Нобель создаёт динамит. Мари и Жолио Кюри делают великие открытия в физике ядра, а Сахаров создаёт водородную бомбу.

А вот пример биполярного гения. Леонардо де Винчи. Он пишет «Тайную вечерю» и одновременно изобретает танк и пулемёт. Кстати биполярность личности Леонардо выражалась и косвенными признаками. Например, он одинаково хорошо владел и правой, и левой рукой. Вы скажете, что это мелочи. Почему-то не покидает ощущение, что в жизни универсальных гениев мелочей не бывает.

О самосознании гениев

Психология массового сознания, подтверждает, что коллективный разум и тем более коллективное бессознательное довольно существенно отличаются от разума индивидуального. Так установлено, что интеллект толпы равен интеллекту самого разумного из людей в ней, делённому на численность толпы. То есть, разум толпы примерно равен разуму трёхлетнего ребёнка.

Представляется, что социум мудр стратегически, когда осмысляет происходящее мифологемами

и архетипами и наивен тактически. Одним из явных признаков самосознания гения является глубокое понимание им преждевременности своих озарений. Отсюда неуёмная потребность гениальных личностей к шифрованию большинства результатов своей деятельности. Зеркально и слева направо писал свои записки Леонардо да Винчи, зашифровывал содержание своих катренов Нострадамус, тайну множества своих изобретений унёс в могилу Никола Тесла.

Другой признак — абсолютная бытовая неприспособленность гения, что, впрочем, не мешает некоторым гениям быть финансово одарёнными. Взять хотя бы достаточно состоятельных Чаплина, Гёте, Теслу, для которых деньги были не целью, но инструментом. Неординарность поведения приводит к тому, что многие гении несчастливы в любви, неуспешны в своей семейной жизни. Как известно: «Женщины вдохновляют мужчин на великие дела, а потом делают всё возможное и невозможное, чтобы эти великие дела не состоялись». Гений чем-то напоминает человека, который попал в некий мистический световой круг, в некое трансцендентное силовое поле. Он, по большому, гамбургскому счёту себе не властен. Этой постоянной привлечённостью внимания к истине в духе объясняется и нежелание гениев самовосхваляться, обращать на себя стороннее внимание. Попросту некогда, да и незачем.

Сам по себе гений — это явление природное, а становление гения необычный процесс, в котором важную роль играет Его Величество Случай. Случай — одно из имён Бога. Именно поэтому все попытки создания технологии производства гениев обречены на провал. Ряд источников оценивают число гениев за всю историю человечества в 4000 персон. Цифра эта, конечно, условна. Но на миллиарды живущих немного. То есть гениальность явление уникальное. И большинство гениев эту свою уникальность сознаёт. Это проявляется в том, с каким упрямством, с какой настойчивостью гений движется к намеченной цели, ломая все стереотипы общественного сознания, вопреки всему, родным, близким, обстоятельствам и трудностям.

Самосознание гениев слишком большая тема, чтобы уместить её в фрагментарные записки, поэтому оставим дальнейшие рассуждения на будущее.

Почему генионика не стала до сих пор отдельной наукой?

Мысль о том, что новые науки образуются на стыке старых, давно стала трюизмом. Зачастую в этом процессе перестановка слагаемых меняет

суммарный смысл. Так, например, химическая физика и физическая химия — это разные науки. Что касается генионики, то это особый случай междисциплинарного взаимодействия разных наук Их не две, и не три, а намного больше. Сколько? Пока не знаю. Генионика по самой сути объекта исследований — полидисциплинарна и требует от исследователя энциклопедической образованности.

Она, генионика, дитя новой информационной технологической волны, новой эры острого социального заказа на гениальность. Это вызвано тем, что человечество входит в системный кризис. Это кризис экономики, культуры, веры, понимания стратегических целей и путей их осуществления. Одно из проявлений такого кризиса проявляется в смыслении различия между реальным и виртуальным, информационный потоп, в мутных волнах которого рождается необыкновенное изобилие симулякров. То есть пустых оболочек, без внутренней сути. Особенно велико число симулякров гениальности. Ярлык «гений» приклеивается когда ни попадя и к чему не попадя, а подлинники гении вместе со своими уникальными достижениями беззастенчиво обвораживают, их открытия прячутся под сукно теми, кто подменяет гуманизм трансгуманизмом, а процветание человечества финансовой целесообразностью.

Получается, что от философа, от учёного, занимающегося генионикой, требуется собственная философская и научная универсальность. Высочайший профессионализм и во многих областях человеческой деятельности, личностный потенциал, идущий и в ширину, что требует полипрофессионализма, и в глубину, требующий наличия знаний в фундаментальных науках. Генионика требует от исследователя устремления мысли вверх — к высотам человеческого духа, и в горизонтальной плоскости, то есть в плоскости обладания широтой взглядов и объективной непредвзятости.

Следовательно, генионика — это наука, подобная симфоническому оркестру, для которого пока не написаны симфонии и не подготовлены исполнители и дирижёры. Таким образом, мы сталкиваемся в становлении науки генионики с новым, доселе невиданным явлением — наблюдающий должен быть адекватен наблюдаемому, изучающий субъект подобен изучаемому объекту. Генионика требует от своих адептов не просто интеллекта, но эмоционального интеллекта, сочетающего интуицию и историзм, понимание и эмпатию. Согласитесь, стать специалистом по генионике весьма не просто. Вот вам и первая причина того, почему генионика пока не стала самостоятельной наукой.

Образно говоря, все инструменты симфонического оркестра под названием генионика играют вразнобой, каждый исполнитель пытается вывести свою мелодию, что по отдельности, конечно, прекрасно, а по сути, в этом нестройном хоре наук, изучающих гениальность, нет ни гармонии, ни лада, зато властвует общая какофония.

О состоянии потоков, впадающих в реку генионики

Для начала определим, какие науки, так или иначе, ставят на повестку дня исследования, связанные с феноменом гениальности. Прежде всего, философия, причём многие её разделы. Здесь и антропология, и феноменология, и этика, и эстетика, и гносеология, и герменевтика. Далее история. В ней конкретно развиваются такие направления, как персонология гениальности, историография гениальности, история идей, история науки и техники, история искусств, история цивилизаций и ряд других новейших направлений, например таких, как историческая география гениальности, отслеживающая, как распределение гениальных личностей территориально, так и маршруты перемещений гениев.

А вот и нет таких наук и исследований, может заметить въедливый читатель. Не волнуйтесь. Нет, так будут. Как говаривал великий детский поэт Заходер: «Это южный Ктототам. Я его придумал сам». Не мешайте фантазировать. Философские фантазии — новый и любимый жанр автора.

Итак, продолжим. В ряду наук изучающих гениальность, несомненно, стоит психология, рядом с ней — нейронауки. Особенно много исследований в области прикладной нейрофизиологии. Начиная от исследований мозга Владимира Ильича Ульянова-Ленина и завершая исследованием мозга лорда Байрона. Не можем мы оставить в стороне и такую важную науку, как педагогика. Особое место в изучении не только гениальности, но и вообще творческих способностей человека занимает наука эвристика. И, наконец, позволим себе предположить, что сама о том не подозревая, гениальность изучает теология. Не стоит оставлять без внимания и попытки генетики сделать из обычного человека гениального путём генной модификации. Не стоит проходить и мимо усилий кибернетики создать искусственный разум, обладающий гениальными возможностями.

Напомню, что нас не интересуют достижения всех этих отдельных направлений изучения гениальности. В этом оркестре наук не интересуют нас

ни сами исполнители, ни даже их инструменты. А что же нас интересует? Партитуры! Не мелодии, записанные в этих партитурах. О, нет! А элементы дисгармонии в этих мелодиях, которые, смотри выше, не дают стать генионике отдельной наукой. Возьмём всего несколько случаев, всего несколько примеров. Уверен, что и этого малого количества окажется достаточно.

О педагогике гениальности

На наш взгляд проблема заключается в том, что над педагогикой гениальности и над педагогикой вообще довлеет злоба сегодняшнего дня. Эфемерия практической пользы, финансируемая радателями сиюминутной выгоды, заставляет педагогику гениальности брести между двумя навязчивыми идеями. Первая заключается в том, что с помощью тестов на интеллект, талантливость или даже гениальность можно обнаружить у ребёнка на ранних стадиях его развития. Вторая идея заключается в том, что гениальность можно сформировать, развивая способности таланты.

Однако, то, что прекрасно работает на уровне открытия потенциальных способностей, безбожно буксует, когда речь идёт об обнаружении суммы талантов и оказывается совершенно бесполезным, прикасаясь к тайне гениальности. Более того хорошо известны случаи позорных педагогических провалов, когда с ярлыками тупого кретина, ребёнка, неспособного к восприятию знаний, под угрозой отчисления из учебных заведений, попадали выдающиеся в будущем творческие личности: Гюстав Флобер, Эдгар По, Альберт Эйнштейн, Томас Эдисон, Сальвадор Дали и др.

Не теша себя иллюзией того, что вот сейчас, одним махом, мы укажем педагогике гениальности пути её становления в рамках единой генионики, всё-таки попробуем выстроить некоторую нить философских рассуждений, следуя которой можно надеяться выйти из лабиринта условностей и неопределённостей.

Мы надеемся, что никто не станет оспаривать представление о том, что гений — это явление уникальное. А раз так, то воспитание гениев невозможно поставить на поток. И хотя существует мнение, что каждый человек рождается гением, что каждый ребенок — ангел и по-своему гениален, классическая педагогика, как социальная, так и индивидуальная, как экспериментальная, так и групповая, пока не научилась эту изначальную гениальность, ни определять, ни развивать. То есть априори методы конвейерной педагогики следует

отбросить на пути к педагогике гениальности. Более того, каковы главные, базовые задачи педагогики? Это воспитание, обучение, и селекция. Да селекция, а иначе, зачем проставлять те или иные оценки ученикам? Иными словами, любая классическая педагогика передаёт цивилизационный код. Прививает неуклонное следование тысячам негласных правил, которые мы, собственно, и называем культурой. И этот культурный код разный для разных стран, народов, культур, в том числе и ушедших с сегодняшней мировой арены.

Но гений тем и отличается, что он несёт новые знания, новый культурный код, тем, что он сам ведёт себя не только атипично, но и парадоксально. Выходит, что следование методам классической педагогики приводит педагогику гениальности в тупик.

Что же, получается, что у гениев не было учителей? То-то и оно, что были. Только скорее не учителя, а Учитель, можно даже сказать Наставник, Гуру. Не всегда персонификация гениальности может выявить личность этого Мэтра. Однако в ряде случаев действующие лица этого парного полёта в гениальность известны. Например, Артур Рембо — Поль Верлен или Леонардо де Винчи — Андреа Верроккьо, чьим подмастерьем был Леонардо. В каком-то смысле, видимо, существует посвящение в гении, чем-то напоминающее таинство рукоположения клириков в христианской церкви.

Может быть, педагогике гениальности имеет смысл заняться более тщательным изучением тех, о ком великий Саади писал: «Если все деревья в перья превратить замыслу, все твои достоинства Учитель разве перечислю».

Очень хочу обратить ваше внимание на то, что кроме учителей начальной, средней и даже высшей школы, существует ещё два незримых учителя и мы все их ученики. Один из этих учителей известен и замечен всем, о другом общество предпочитает умалчивать. Эти учителя: Жизнь и Смерть. Русский язык, будучи сокровищем народной мудрости, очень точно отражает сам факт наличия школы жизни. Кому не известны устойчивые словосочетания «жизненные уроки» или «уроки судьбы» или «жизнь научит».

Педагогика гениальности, рассматривая жизнь гения как один непрерывный урок, который преподаёт гению сам Господь, могла бы выделить те ключевые события в жизни гения, которые при всей своей кажущейся случайности, необходимо привели воспитанную жизнью личность от таланта к гениальности и создали условия для возрастания или убывания этой самой гениальности.

В качестве случая возрастания не побоюсь назвать явный рост гениальности от ординарной к универсальной у Леонардо да Винчи, а в качестве случая убывания, печальную судьбу таланта Артура Рембо.

Многие крупные специалисты по темпорологии, в частности Элизабет Левина, подчёркивают, что течение времени жизни, его скорость и насыщенность, определяются лишь скоростью и насыщенностью событийного ряда этой жизни. Как пронизательно заметил один из исследователей гениальности, профессор Сергей Чернов, в жизни многих гениев присутствует некое поворотное событие. Представляется, что это даже череда событий. Просто для определения значимости того или иного события в жизни гения необходимо рассматривать это событие в историческом, культурологическом и психологическом контексте. В качестве примера позволим себе привести такое событие в жизни Нострадамуса, как крещение. Нострадамус был евреем. В иудаизме имеется 50 грехов, которые Бог прощает. Пятидесятый грех — убийство собственного отца. А вот крещение, принятие Иисуса, как Мессии и Спасителя, как Сына Божия — это 51 грех.

По крещении, еврей попадает в совершенно особую ситуацию. Для большинства верующих христиан «еврей крещённый, как вор прощённый», а для соплеменников он предатель и трус, перешедший на сторону погромщиков. Практически у крещёного еврея только один друг — это Христос, только один советник — это Дух Святой. Не Он ли открывал гению Нострадамусу картины будущего и диктовал строки катренов? Поиск поворотных событий в жизни гениев и рассмотрение их, как некоего поучения от жизни, от Бога, наконец, может привести педагогику гениальности к открытию закономерностей педагогических темпорядов, приводящих к гениальности. Исследования Элизабет Левиной показывают, что у многих гениальных людей имеются их селиниальные близнецы, то есть люди, рождённые в тот же день, тот же час, и тот же год, когда родился гений. Наблюдается эффект зеркальной гениальности и корреляции темпорядов этих людей. Изучение таких пар может привести предмет педагогики гениальности к открытию новых типов управления процессом становления личности.

Позволим теперь себе кратко рассмотреть связь гениальности с двумя магистральными доминантами, определяющими природу человека: Эросом и Танатосом. Когда мы говорим о смерти, мы, почему-то и, как правило, имеем в виду физическую

смерть. Однако разных смертей бывает много. Не стоит забывать, что каждая прожитая нами минута, принадлежит смерти. Но, если человек избавляется от химеры, называемой совестью, то он тоже умирает. Нет, тело его живёт, но оно перестаёт отбрасывать тень, оно прозрачно и бездуховно. И это духовная смерть. Но возможна и обратная реальность. Обожение человека, смерть тварного в нём. Человек до такой степени погружается в жизнь духа, что уже не интересуется ни что ему есть, ни что ему пить, ни где ему жить. В нём вымирают и Эрос и Танатос и остаётся только свет Истины. Не это ли доминантное состояние гения? Может быть, педагогике гениальности есть смысл обратить своё внимание на методики и пути именно такого умирания, понять его закономерности и осознать те уроки, которые такое состояние преподаёт гению?

Мы весьма сожалеем о том, что в нашем подходе к проблемам генионики больше вопросов, чем ответов. Но хорошо известно, что именно с вопросов начинаются научные открытия, а с ответов начинаются, не менее важные, но значительно более редкие научные закрытия.

О психологии гениальности

Почему психология гениальности никак не может осознать себя, как составная часть генионики? Прежде всего потому, что она, изучая гениальность, сталкивается с проблемами и трудностями объективного характера, практически непреодолимыми в рамках классической психологии, как индивидуального, так и социального. Что же это за проблемы, и какие трудности встают на пути понимания психологии гения?

Можно сказать, что первая, но не последняя трудность селективная. Гении крайне редко признаются гениями при жизни. С течением времени образ гения мумифицируется и мифологизируется, обрастает грудой баек, анекдотов, откровенного вранья, неосознанной самими авторами мемуарной лжи. Безуспешная попытка отделить объект от мифа об объекте, собрать психологический портрет-пазл их дошедших до исследователя фрагментов самосвидетельств объекта и свидетельств его объективного окружения. И каждый раз психология гениальности страдает от невозможности получить гения живым в живом теле, а получает его только «вечно живым» и в бронзе, да ещё эфемерным в мемуарах.

Другую трудность в изучении психологии гения можно назвать спектральной. Спектр

интересов разных гениев весьма широк. Но психология гения физики, как правило, интровертивная, не совпадает с психологией гения медицины, как правило, экстравертивной. Что делать с психологией универсального гения вообще не понятно.

Действительно, трудно понять психологию человека, который видит невидимое, но не галлюцинирует и не подходит под категорию визионера, страдающего психическими девиациями. Слышит никем не слышимое, да ещё раскладывает это неслышимое на разные инструментальные партитуры в уме, записывая каждую партитуру без единой помарки набело. В этом весь Моцарт. Что делать? Как и куда развивать психологию гениальности? Не знаю. Ждать. Изучать психологию людей, одержимых изобретательскими идеями? Может быть. Может быть. Время покажет.

О персонологии гениальности

Судя по всему, именно это направление генионики находится на пороге качественного скачка. Огромную, поистине титаническую работу проделали издательства «Молодая Гвардия» и «Знание», выпускающие серии книг «Жизнь замечательных людей» и «Жизнь замечательных идей». 86 лет выходит основанная Максимом Горьким серия «Жизнь замечательных людей». К 80-летию серии в 2013 году вышло более 1400 книг. Приближается к 1000 и число книг в серии «Жизнь замечательных идей». Безусловно, отнюдь не все герои этих серий гении, но и гениев в них немало.

Существуют и несомненные удаи вне этих серий. Это исследования профессора МГУ Игоря Волгина, посвящённые Ф.М. Достоевскому, исследования С.В. Чернова, рассматривающие с позиций персонологии гениальности жизнь и деятельность М.В. Ломоносова и других гениальных людей разных эпох и народов. Есть ли трудности в становлении персонологии гениальности? Конечно, есть. Главная из них в том, что гений не только личность, не только персона, но и, в совокупности со своими свершениями, явление и процесс. Персонология гениальности, в её нынешнем виде, рассматривает прецедентную составляющую гениальности, в то время как остаётся за кадром её трансцендентная составляющая.

Существует в нынешней персонологии гениальности и проблема временного диапазона. Дело в том, что историография гения начинается задолго до его рождения, ибо он есть вершина рода и заканчивается намного позже его смерти, потому что, в каком-то, и не только культегерском смысле, гений

жив, пока существует человечество. Подход гибких временных рамок уже дал некоторые результаты. Так установлено, что в роду гения какой-то из близких родственников обладал незаурядными способностями, а какой-то обязательно был эмоционально неустойчив или страдал целым букетом неврозов. Пример? Пожалуйста. Дядя Пушкина был известным литератором, а его дед, Ганнибал, страдал приступами неудержимого гнева.

Итак, приходится констатировать, что исследования в области гениальности ни в одной из перечисленных нами ранее наук не выделены в самостоятельные направления и, пока, не имеют тенденцию к отделению от этих наук и сведению их в науку генионику. Значит ли это, что создание генионики дело далёкого будущего? Но это не так. Очень бурный ход исследований по созданию искусственного интеллекта показал настоятельную потребность науки в определении тех горизонтов и пределов творческих возможностей, которых искусственный интеллект никогда не достигнет. А эти пределы определяются возможностями гения. А значит, в генионике возникла настоятельная потребность. Для нас несомненно, что генионика оформится как самостоятельная научная дисциплина, причём в обозримом будущем.

Какого пола гениальность?

Среди 826 человек, ставших нобелевскими лауреатами 43 женщины, то есть чуть больше 5%. Конечно, с большой натяжкой можно считать всех нобелевских лауреатов гениями, но это не меняет того странного, на первый взгляд, факта, что у гениальности, по преимуществу, мужское лицо. Однако, есть пара соображений, которые ставят под сомнение сексистский взгляд на проблему гениальности.

Одно из этих предположений вытекает из гипотезы ведущего исследователя гениальности проф. С.В. Чернова, заключающегося в том, что святые — это гении духа. А мы хорошо знаем, что среди святых, в том числе и равноапостольных, женщин не намного меньше чем мужчин. Второе соображение на тему гендерных свойств гениальности также имеет своей основой христианскую антропологию. И заключается оно в следующем: если Иисус Христос — абсолютный гений, то и Матерь Божия Мария гениальна уже в том, что безгрешно выносила и родила Спаса душ наших. Но человек создан по образу и подобию божьему, а значит, каждая женщина-мать гениальна уже тем, что она приносит в мир дитя.

Впрочем эти соображения не снимают с повестки дня проблему, заключающуюся в том, что существует явный перекося в мужскую сторону в признании гениальности того или иного индивидуума. Существует и генетическая теория, объясняющая неравномерность гендерного распределения гениальности. Согласно этой теории мальчики наследуют половину интеллекта матери, а девочки половину интеллекта отца. В результате сложных комбинаторных комбинаций, которые нет возможности воспроизводить в столь фрагментарных заметках, становится ясно, что наследование сверхспособностей с большей вероятностью идёт по мужской линии.

Отчасти это объясняет и теория выдвинутая биокибернетикой, согласно которой мужская часть человечества — это та его часть, которая берёт на себя риски исследования новой реальности. Риски развития человеческой популяции в новых, неизведанных направлениях, а женская часть человечества отвечает за сохранение устойчивых, стабильных, инерционных свойств социума. Впрочем, следует признать некую умозрительность и научную спекулятивность имеющихся теорий гендерной гениальности. Этот самый сложный вопрос ещё ждёт и своих точных методов и своих профессиональных исследователей.

Лики гениальности или сторон у одной медали?

Были ли гениями Моцарт и Шекспир? Ясное дело, что были, отвечает нам практически любой здравомыслящий человек. Это же маяки человечества. Моцарт — гениальный композитор. Шекспир — гениальный поэт и драматург. Хорошо. А вот чем, по-вашему, отличается Моцарт от Леонардо да Винчи, а Шекспир от Гёте? Ну, кроме того, что это разные люди, жившие в разные времена. На наш взгляд таких отличий довольно много. Так, несомненно, что эти гении отличаются широтой своих интересов. Безусловно, направленностью этих интересов.

Если Моцарт, Шекспир, Фрейд, — монофонические гении, то Леонардо, Тесла, Гёте столь же безусловно полифонические. Более того, как мы уже отмечали, Леонардо, Ломоносов — универсальные гении. В качестве аналогии, даже грубой модели, представим себе, что гений — это некий биоконтур, с собственной резонансной частотой или спектром резонансных частот, способный улавливать и усиливать сигналы определённого типа, в которых содержится, замодулирована или

зашифрована определённая информация. По некоторым гипотезам эта информация уже содержится в ноосфере. По другим, теологическим, она, эта информация изначально разлита в природе и способность воспринимать её есть, прежде всего, способность ощущать таинства существования ризы Господней, то есть природы. Способность принимать такую информацию и расшифровывать её можно называть талантом, гениальностью, способностью принять дары Святого Духа. Названия явления, в данном случае, не меняют его сути.

В таком случае монофонические гении — это узкополосные биоконтурь, полифонические — широкополосные. В литературе в этом случае принято говорить о высоких и великих гениях. Высокие гении достигают неслыханных высот в узкой области, великие гении уникальных высот во многих областях. Возможно именно факт возрастания полифонического таланта, полифонической гениальности отражён в известной русской пословице: «Талантливый человек — талантлив во всём».

Не в меньшей степени, чем широкий диапазон дарований универсальных гениев, поражает такое уникальное явление, как ранняя врождённая гениальность. Да, да, именно не выраженные способности, а врождённая гениальность. Один из самых ярких примеров — это Моцарт. Такой тип гениальности даже получил в науке «эвристика» название моцартианского. Хорошо известно, что возможности Моцарта в музыке уже в детском возрасте выходили далеко за рамки того, что принято считать талантами или способностями. Моцарт был музыкальным феноменом. И это исторический факт. К сожалению, именно о таком типе гениальности говорит другое распространённое высказывание: «Гении умирают молодыми».

Зачастую существуют и другие гении, чьё восхождение к вершинам Олимпа гениальности носит долгий, трудный, даже мучительный характер. Их творческая судьба полна взлётов и падений, сомнений, метаний, трагических событий, страхов и неуверенности в своих силах. Одним из таких гениев, на наш взгляд, был Николай Гоголь.

И, наконец, существует третий тип гениальности. Накопительный. Это последовательное, неуклонное движение от способностей к талантам, от талантов к искрам гениальности, от искр гениальности к устойчивому горению огня гениальной мысли. Ступенька за ступенькой, с маниакальным упорством такие гении движутся к только им одним видимой намеченной цели. Достигнув определённого уровня, такая гениальная личность уже никогда и на йоту не опускается ниже этого уровня.

Только выше, только вперед. И, наконец, она достигает немислимых вершин духа и мысли. Заметим, что такой гений довольно поздно начинает своё становление, но при этом скорость такого становления кажется нереальной для обычного человека. На наш взгляд таким был универсальный, чистый гений Михаила Васильевича Ломоносова.

О божественной природе гениев

Известный профессор Православной Духовной Академии Алексей Ильич Осипов как-то мудро заметил, что Царство Божие есть в каждом человеке, но обретение его в стремлении к обожению, в подражании Христу, в обретении божественных даров, одним из которых и является гениальность.

Если твёрдо стоять на позиции, что гениальность — это дар Божий, то становится неоспоримым утверждение Александра Пушкина, что «гений и злодейство несовместимы». Но понимание возрастания к гениальности, как уникального стремления образа божия к подобию божьему позволяет рассматривать саму гениальность, как немислимую близость этих двух ипостасей человека: образа божьего и подобию божьего. Такое понимание гениальности полностью объясняет такое свойство, присущее гению, как неустанное стремление к истине, правдолюбие, неуёмное желание творить.

Весьма характерно в свете таких представлений о гениальности филигранное владение универсальных гениев словом. Трудami таких гениев как Пушкин и Ломоносов не просто было произнесено мыслящее слово, логос, оставшееся в веках. Они стали создателями современного русского языка, на котором мы говорим и мыслим сегодня. Как тут не вспомнить: «Сначала было Слово и Слово было Бог». «Я есмь путь и истина, и жизнь», — говорил Христос. Но любой гений также есть путь и истина. Это ли не доказательство божественной природы гениальности.

Из божественной природы гениальности проистекает полное равнодушие подлинных гениев к материальным благам, славе, почёту и людскому мнению о себе и своих работах. Очень точно о состоянии гения сказал поэт Евгений Винокуров: «Огромный свет глаза мои слепил. Я ничего кругом не видел». Ибо никакие дары не идут в сравнение с дарами божьей благодати. В отличии от способных и талантливых людей гений видит невидимое остальным и с головой погружён в процесс богопознания. И это не столько, и не только вопрос веры, это, прежде всего, вопрос особого состояния причастности к божественной благодати. Интуитивно

чувствуя, что его творчество имеет источником благодать Творца, гений воспринимает творимое им информационное поле, как сакральное, а своё переживание вдохновения, как глубоко интимное, личностное переживание.

Ещё и отсюда почти повсеместное желание гениев, о чём мы писали ранее, зашифровать результаты своих поисков. Примеров множество. Ещё раз напомним о двух из них. Так Леонардо да Винчи писал свои записи слева направо в зеркальном отображении, при этом применял к тексту, написанному таким образом, довольно изощрённые шифры. Мишель Нострадамус зашифровывал свои предсказания в виде стихотворных катренов весьма туманного содержания. Ко многим из них ключевым шифром служили и служат астрологические загадки.

Христос неоднократно заявлял: «Моё царствие не от мира сего». Но разве народ не называет гениев небожителями. Отчасти в насмешку за их непрактичность и невниманье, как к своей одежде, так и к своей пище. Представляется, что тема связи гениальности и святости ещё станет предметом исследования теологов и богословов. Здесь же представлены лишь фрагменты философской рефлексии, не претендующие на создание полной картины, но представляющиеся нам важными для более полного понимания феномена гениальности.

Время и гений

Гениальные открытия, гениальные произведения несомненно определяют лицо времени, но и само время, в данном случае мы имеем в виду историческое время, определяет лицо гения и, более того, формирует тот миф, который мумифицирует образ гения, помещая его в наиболее удобную для этого времени и этого социума упаковку.

В 1980 году известный американский футуролог Элвин Тоффлер опубликовал книгу «Третья волна», которая моментально стала всемирным бестселлером. В этой книге Тоффлер разделил всю известную историю человечества на три этапа: аграрный, индустриальный и постиндустриальный и ввёл понятие технологической волны. Ни одна из технологических волн, раз возникнув, не исчезает, а продолжает существовать, а вернее сосуществовать, рядом с другими технологическими волнами, но при этом меняется её энергия, амплитуда и даже смысловое наполнение.

Аграрная волна была самой длительной и продолжалась тысячелетиями. Более 90% населения было занято в сельском хозяйстве и господствующей

щим принципом управления было единоличное правление, то есть фараоны, цари, государи, цезари, вожди и так далее стояли во главе людских сообществ, стран, империй, племён. Эта первая технологическая волна длилась примерно до 1000 года нашей эры.

Подавляющее большинство талантливых людей в этот период не могло возрасти до гениального состояния без участия в своей судьбе высоких покровителей. Перечень таких высоких покровителей хорошо известен от Лоренцо Великолепного до Екатерины Медичи, от китайских императоров до бухарских эмиров. Они были заказчиками гениальных произведений, они давали гениям пищу, кров и возможность реализации. Это не значит, что гении творили только по заказу, но это значит, что заказы сильных мира сего давали гениям возможность создавать независимые от заказчиков творения.

Заметим, что речь идёт о периоде, когда у гениев были имена и эти имена дошли до наших дней. А кому известны имена гениев создавших колесо, очаг, порох, компас, первый корабль, первый дом? Никому. Абсолютно никому. Вы спросите, а почему так? А потому что до определенного периода не существовало ни письменности, ни даже намёка на авторские права.

Вторая технологическая волна — индустриальная. Она состоит из четырёх этапов. Каждый этап определяется видом основного для данного этапа энергоносителя: пар, электричество, нефть, атом. Энергоносителям соответствуют определённые двигатели: паровая машина, электродвигатель, двигатель внутреннего сгорания, атомная силовая установка. Заметим, что переход от этапа к этапу связан с конкретными именами гениев науки. Закономерность в том, что научная гениальность, по преимуществу, монофонична. Так имя гения Николы Тесла основательно связано с явлением электромагнитного поля, а имя Альберта Эйнштейна с теоретической физикой. Вернее тем её разделом, который рассматривает фундаментальные свойства времени, пространства и энергии. И, наконец, третья волна, как её называет Тоффлер — постиндустриальная или вернее, как он сам её обозначил несколько позже выхода книги «Третья волна», информационная. Начало этой волны характеризовалось информационным взрывом. Основные гениальные прорывы, приведшие к коренному изменению роли информационных потоков в мире — это создание компьютеров, радиолокаторов, космической связи, сетей сотовой связи, интернета и мощных электронных баз данных. Не следует упускать из виду и прогресс программирования и того, что

принято называть «мягким железом», то есть системы математического обеспечения, включая перечни операционных систем.

Информационная волна интересует нас не сама по себе. Важно то, как в рамках этой волны, меняется запрос социума на гениальность, да и понимание того, что такое гениальность в новых исторических условиях.

Какие тенденции, ведущие к кардинальным изменениям, хотелось бы отметить. Резкое сближение, срастание и даже постоянное взаимопроникновение фундаментальных, технических и гуманитарных наук, резкая смена основных носителей информации в сторону видеорядов, сопровождающаяся гибелью эры бумаги. Стирание границ между реальным и виртуальным, включая эффекты дополненной реальности. Стирание межъязыковых границ, благодаря автоматизации перевода в оперативном режиме. Кроме того наблюдается быстрое возникновение, моментальное распространение и резкое уменьшение времени полураспада информационных трендов, в том числе связанных с наукой, искусством, литературой, медициной, философией.

К чему всё это приводит в социальном плане. К лихорадочной смене профессиональных ориентаций личностей, к потребности не в глубоком, а в широком человеке, в тотальном кризисе всех классических, пост-классических, современных и пост-современных проявлений искусства, культуры, экономики, науки, семьи, типов социального поведения.

В таких условиях должен начаться рост числа полифонических гениев, причём гениальные прорывы должны произойти в самых неожиданных областях. В лечении неизлечимых болезней, в продлении жизни, в понимании работы мозга, в понимании природы гравитации и вакуума, в осознании места теории эфира, когда-то отвергнутой наукой. Гении могут способствовать пониманию сверхспособностей человека, в понимании способности к левитации, ясновидению и прозорливости, телекинеза и телепортации.

Важно и то, что так называемые системы искусственного интеллекта, поисковые системы, искусственные нейросети на самом деле не имеют никакого отношения ни к искусству, ни к интеллекту. Они просто освободят гениев новой формации от рутинного умственного труда. Это, конечно, просто наше личное, философское видение ситуации, гипотеза, умозрительное рассуждение. Поэтому мы надеемся на снисхождение требовательного читателя.

Информационной эпохе гении нужны позарез. Именно они и только они способны адаптироваться к стремительному обновлению социума и именно они и только они способны адаптировать сам социум к стремительному обновлению реальности, к новым вызовам жизни и смерти. Но это только одна сторона медали. Есть и вторая, если так можно выразиться не аверс, но реверс. В информационную эпоху возникает феномен дополнительной реальности. Это такое явление, когда информационный объект практически не отличается от реального, но при этом его реальность условна и относительна.

Что мы имеем в виду, в том случае, когда речь идёт о гениальности? А то, что появляется в социуме череда информационных отражений гениальности, симулякров гениальности, псевдобрендов якобы гениев, у которых за внешней оболочкой нет буквально никакого содержания.

В воздухе витает абсолютно inferнальная идея, что гениальность — это чисто информационный продукт, который можно купить. В частности купить у гения и выдать за свой. Да что купить, украсть! Кстати или не кстати, но это одна из типических примет информационной эпохи. Огромный мир становится большой информационной деревней. Все знают про всех всё. Тайное становится явным буквально в считанные часы. Асанж, Сноуден — это всё не просто личности, разбалтывающие чужие секреты. Они ласточки нового миропорядка, где о дорожно-транспортном происшествии в Конго, пару миллиардов человек знают в режиме оперативного репортажа.

Похоже, что в такой ситуации у гениев с шифрованием своих достижений будут проблемы. В мире всегда существовало некоторое количество гениев, о которых мир ничего не знал при жизни и ничего так и не узнал после их смерти. Похоже, что число таких гениев будет в информационную эпоху расти. Минуточку, минуточку. Это как же так? Все всё знают, всё информационное поле, как на ладони, а число неизвестных героев будет расти? Вот именно. И этому есть целых две причины.

Первая причина это возросшая возможность оторвать творение от творца. Гениальные результаты широко известны, а имена тех, кто эти результаты получил, неизвестны, а вернее подменены другими именами или размыты дымовой завесой коллективного творчества. Как всегда русский язык великолепно предвидит эту ситуацию. «У победы сто пап и мам, а поражение всегда сирота».

Вторая причина наращивания процессов разделения гения и результатов его труда — информа-

ционный потоп. Так, например, ежемесячно в мире выходит более 30000 значимых статей с новыми результатами о работе мозга. Около миллиона статей в год. Ну и как это прочитать? Как в этом разобратся? Или вот ещё один пример. На сайте «Стихи.ру» в интернете около миллиона поэтов! Миллиона! Попробуй в этой толпе найди гения поэзии. То-то и оно, что на первый план выходят не уникальные производители гениальных знаний, а их гениальные фильтраторы и потребители, искатели жемчуга в навозных кучах. Вот они то и выйдут на первый план внимания социума.

Очень не хотелось говорить ещё об одной особенности взаимоотношений гения и времени, но придётся. Во все времена существовал закон вытеснения талантов. Как говорил поэт Валентин Берестов: «Кто злейший враг у петуха? Другой такой петух». Чебышев открыл сферическую геометрию значительно раньше Лобачевского, а результаты опубликовал на две недели позже. Что в итоге? Открытая вражда двух несомненных гениев русской, да и мировой науки.

Но вражда двух гениев — это цветочки. А вот чёрная зависть бездарей — это очень, очень серьёзно. Труды гениев воровали, замалчивали, на гениев доносили, их травили и убивали, во имя наживы, из «высших» и из «идеологических и религиозных соображений» их работы уничтожали и бездарно компилировали. Боюсь, что число затравленных гениев в постиндустриальную эпоху будет только возрастать. Позволю себе самоцитацию: «За что? Почему? Без особых причин. Посредственность хочет простых величин».

Гениальные знания, тонущие в море информационного мусора — вот символ гениальности нового времени.

Гениальность как состояние и процесс

Что, как правило, является предметом обсуждения, когда речь идёт о гении? То, что он создал, при каких обстоятельствах, какие события происходили в его жизни и как они повлияли на становление его гениальности. То, что о нём говорили его современники при его жизни и что они о нём вещали после его смерти. Ни разу мне не довелось читать исследование, пытающееся анализировать психоэмоциональное состояние самого гения при тех или иных жизненных обстоятельствах. Что делать? Может быть, мне просто не повезло?

А кто и когда задавался вопросом; «А был ли гений просто, по-человечески счастлив»? А если

был, то когда и почему? А что он ел? А на какие средства он жил? А кем были его друзья? А что они говорили и писали о нём при жизни? Считали ли они его гением? А, если и считали, то как он на это реагировал? Что они, друзья, а ещё интереснее, враги, чувствовали, видя его реакцию? И какова была его собственная самооценка? Кем он сам себя считал? Почему стал заниматься тем или иным родом деятельности и при каких обстоятельствах? А были ли у него учителя? А ученики? Он был одиночкой в своей гениальности или создал свою школу? А как он умер? При каких обстоятельствах? И какова была судьба его творческого наследия? И кто не дал сгинуть в неизвестности его имени? А его трудам? И кто исследовал его творческое наследие и кто его расшифровал, если оно было зашифровано? Кто и почему первый заявил, что перед нами наследие трудов гения? Вопросы, вопросы, вопросы.

Раскрою секрет, зачем мы так долго и так нудно тянули всю эту почемушку. Затем, что существует почти непреодолимая трудность генионики. Она заключается в том, что по мере посмертного становления образа гения, всё больше и больше социальных групп пытаются пристегнуть всё, что связано с гением, к своим социальным интересам. Особенно трудной ситуация становится тогда, когда эти группы элитарны, или наделены властью.

Одним из самых наглядных примеров такого взаимодействия сценария посмертной биографии гения с командой сиюминутных сценаристов является нам манипуляция с образом гения русской литературы А.С. Пушкина. Вначале акцентировалась его способность быть певцом имперского величия, потом из него соорудили закадычного друга крестьянки Ирины Родионовны и борца с кровавым самодержавием, затем он стал певцом свободы, после этого образцовым государственным и патриотом России и далее через броский слоган: «Пушкин — это наше всё!», окончательно превратили Пушкина в бронзовый памятник. Окончательно ли? Ох, не думаю. В том-то и особенность гения такого уровня как Пушкин, что подобно сказочному фениксу, сгорая в огне социальных страстей, он воскресает из пепла в народной памяти, живой и невредимый.

Так что, хотя ответы на все приведённые нами вопросы, в каждом отдельном случае гениальности, разные, но вот проблемы существования гения в обществе, до и после смерти, могут оказаться весьма и весьма типическими.

То, до какой степени не прост сам процесс ретаврации состояний гения в процессе его жизни,

хорошо иллюстрирует следующий фрагмент из переписки между Альбертом Эйнштейном и Чарли Чаплиным:

— *Восхищаюсь Вам, Чарли, Вас любит буквально всё человечество от мала, до велика. Ваши картины смотрят миллионы людей, и все они понимают язык Вашего искусства, считают Вас гением.*

— *Куда более меня Вы, Альберт, достойны восхищения. Практически никто на Земле не понимает Вашу теорию относительности — однако Вас знает весь мир и весь мир считает Вас гением.*

Вот такие разные состояния гениальности, такие разные гении, такой сложный и запутанный процесс их всемирного признания.

Здесь хотелось бы обратить внимание на ещё один критерий формирования рейтинга гениев. Гении довольно существенно отличаются друг от друга по ареалу признания своей гениальности. На вершине, конечно, всемирные гении, признанные всем человечеством. Их немало от Конфуция и Сократа до Пушкина и Ломоносова, от Чаплина и Эйнштейна до Моцарта и Чайковского. Но есть и гении, признанные только в Европе, или только в России, в одной какой-то стране или даже в одной какой-то этнической группе.

В любом случае такое разделение гениев чем-то напоминает иерархию христианских святых. Есть святые, которых признаёт сразу несколько христианских конфессий, а есть только и исключительно одноконфессиональные святые. Католические или православные. Наконец, существуют поместные святые, признанные на ограниченной и небольшой территории.

Вот такие разные бывают гении, но кое-что их роднит. Например, то, что многих из них при жизни постоянно и с удивительным упорством преследуют и травят, как сильные мира сего, так и обыватели. Создаётся впечатление, что существует несколько типичных сценариев, обладающих большой вероятностью воплощения событийных рядов, присущих тому состоянию духа, который и является главным индикатором гениальности.

Что же это за состояние духа? Попробуем его обозначить как восторженное и приподнятое. Довольно часто сами гении называют его, это состояние, вдохновением. «Ко мне явилась муза» — говорят поэты. Заметим по собственному опыту, что это довольно лихорадочное состояние. Именно в этом состоянии фантазийные видения гения становятся реальней всей окружающей реальности, чувство прикосновения к совершенной гармонии мира переполняет его.

Обратимся к поэтическому свидетельству такого несомненно гениального человека, как Джеймс Кларк Максвелл:

— *Что алгебра? Ужель она мерило того, что нам природа подарила? Поверьте, понимание без торга, само источник чистого восторга. Любить природу, твёрдо понимая, что рай прекраснее, чем символ рая. Пытливый ум тревожат все секреты. Отгадками душа моя согрета. Восторг вселяет в божие создание божественное зданье мироздания. Святое восприятие мыслей Бога. Вот самая широкая дорога. С толпой всезнаек нам не по пути, а солнце истины, свети, свети!* (перевод Михаила Пластова).

Ещё одно из присущностных свойств гения заключается в том, что любой гений — великий труженик. Но он труженик особого рода. Прежде всего — это труд духовного самосовершенствования.

Вот стихотворное свидетельство гениального русского поэта Николая Заболоцкого:

— *Не позволяй душе лениться, чтоб в ступе воду не толочь, ты заставляй её трудиться, и день, и ночь, и день, и ночь.*

Можно сказать, что гений работает гением круглосуточно, без перерыва на обед и сон.

Приближаясь к Царству Божьему внутри себя, гений, с каждой минутой возрастания своей гениальности, понимает, что обретаемое им царство «не от мира сего». Множество гениальных судеб свидетельствует о том, что тварный мир тяготит гения, представляется ему, как недужное препятствие на пути к свету истины. Сбегает от семьи и благополучия на Таити Поль Гоген, уходит в монастырь Фома Кемпинский, слывёт кембриджским затворником профессор колледжа Святой Троицы Джеймс Кларк Максвелл, смертельной ловушкой оказывается для Пушкина брак с красавицей Гончаровой. И что удивительно и даже парадоксально, окружающий гения социум, считает гения тунеядцем и бездельником, чудаком, тратающим время не поймёшь на что. Пожалуй, именно про гения сказано: «Он не удобен с разных сторон, да, Землю спасает, но топчет газон».

Для среднестатистического индивида гений токсичен уже тем, что он в поте лица трудится, но не хочет работать, тем, что он сам себе начальник, сам себе даёт задания и самому себе рапортует об их выполнении, в конце концов, гений всегда вольнодумец, потому что мысль его, как вольная птица, летает где хочет и как хочет. Гений опасен для любого режима, потому что он не управляем, вернее, направляем, но не начальником, а Духом Святым. А это не порядок. Ату его, гения!

Умирает, приняв яд цикуты Сократ, падает сражённый пролетарской пулей Гумилёв, погибает от голода в тюремной камере гениальный Вавилов. Если бы мы решились опубликовать мартиролог гениев, замученных социумом, нам бы не хватило всего объёма этого журнала. Но не будем о грустном. Вернёмся к сложному противостоянию работы и труда. Оно хорошо отражено в русском языке. Сравните перечень русских пословиц, посвящённых взаимоотношению этих двух понятий. «Без труда, не вынешь и рыбку из пруда». «Труд всему основа, хлеб всему голова». А что напротив? «Работа дураков любит».

Итак, повторим: гений сам себе начальник и сам себе подчиненный, ибо он Бога зрит и Богу служит. А толпа воинствующих посредственностей ненавидит и травит гения, чтобы потом поклоняться ему и пользоваться плодами его трудов. Особенно поражает неуёмное желание этноса выбросить гения за пределы обитания своего ареала. Список русских гениев, вынужденных покинуть Родину поистине огромен. Изобретатель телевидения Зворыкин, создатель вертолётки Сикорский, нобелевский лауреат, писатель Бунин, целая плеяда гениальных философов Бердяев, Франк, Шестов, создатель теории дивергенции Сорокин и несть им числа.

И пусть вас не смущает, что в этом списке в основном русские гении. Поверьте, мы имеем дело с повсеместным общемировым явлением.

Особенно тяжело приходится полифоническим и универсальным гениям. В чём только не укоряют их современники. В разбросанности и дилетантизме, в неумении и нежелании завершить начатое, в патологической склонности к вранью, в растратничестве средств и ресурсов, в нежелании приносить пользу обществу, в гордыне, мешающей поделиться результатами своего труда. Ну, не укладывается гений в прокрустово ложе «здорового смысла».

Уникальным примером является в этом смысле великий физик, гений Джеймс Кларк Максвелл. Открытие им цветной фотографии и создание первого цветного снимка называется некоторыми современниками блажью, объяснение того, что собой представляют кольца Сатурна — нелепой прихотью, избрание членом Американской Академии Наук по отделению литературы — случайным недоразумением, публикация гениальных переводов из Горация — желанием присоединиться к чужой славе. Вот уж воистину: нет пророка в своём отечестве.

О, Эверест людской зависти! О, помрачение греховного и растленного человеческого ума! Посредственность, гений — твой вечный укор. Эпигон, гений — твоя ревность к неосуществимому. Денно и ночью разглагольствует толпа бездарей

и плагиаторов о своей гениальности. Что на это скажешь? Пустая бочка громко гремит. Смирение и благоговение перед величием Божьего Промысла, скромное и глубокое молчание о своей роли и своём вкладе в создание эпохальных свершений и открытий — вот родовая примета гениальности, вот признак того, что перед нами твёрдая и уверенная поступь гения по пути к истине.

Вместо послесловия

Загадочная, таинственная, неизведанная земля гениальности. Ты ждёшь своих первопроходцев, ты манишь каждого, кто верит в чудо и умеет мечтать. Что можем сказать мы, мучительно всматривающиеся в туманные контуры твоих берегов. Пока только одно. Ты есть, ты существуешь.

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

С.П. Глянцев

ФЕНОМЕН ГЕНИАЛЬНОСТИ: К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ИДЕИ ИСКУССТВЕННОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ

Аннотация. В статье показана эволюция идеи С.С. Брюхоненко осуществить искусственное кровообращение теплокровного животного: от опытов с поддержанием жизни изолированной головы собаки (1925) до попыток оживления человека (1940–1952). Но господствовавшие в СССР в середине XX в. физиологические взгляды на танатогенез привели к тому, что эти попытки оказались безуспешными. Идею С.С. Брюхоненко, которую можно назвать гениальной, современники ее автора трансформировали в различных направлениях: Н.Н. Теребинский — в хирургию сердца под контролем зрения (1940), В.П. Демихов — в создание механического сердца (1937) и пересадку биологического сердца (1946), В.А. Неговский — в технологию оживления человека в периоде агонии или клинической смерти (1943) и в создание реаниматологии (1962). Однако многие врачи и учёные, осуществлявшие эксперименты с искусственным кровообращением, не поднимали в своих трудах нравственные и этические вопросы этой идеи и разработанных на её основе технологий поддержания жизни изолированных частей тела, пересадки жизненно-важных органов, оживления человека. Эти вопросы, ответы на которые не столь очевидны, как это может показаться на первый взгляд, впервые высказал А.Р. Беляев в своем романе «Голова профессора Доуэля» (1938). Именно нравственные и этические стороны гениальных идей являются тем фактором, который призван сдерживать их осуществление на практике, поскольку подобные технологии касаются жизни не только конкретного человека, но и всего человечества.

Ключевые слова: гениальность, история медицины, идея искусственного кровообращения, С.С. Брюхоненко (1890–1960), Н.Н. Теребинский (1880–1959), А.Р. Беляев (1884–1942), нравственные аспекты научного открытия, В.П. Демихов (1916–1998), В.А. Неговский (1909–2003), технология искусственного кровообращения, создание реаниматологии.

S.P. Glyantsev

PHENOMENON OF GENIUS: TO THE QUESTION ABOUT EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE IDEA OF ARTIFICIAL BLOOD CIRCULATION

Summary. The article shows the evolution of idea of S.S. Brukhonenko to carry out artificial blood circulation of a warm-blooded animal: from experiments with maintaining the life of an isolated head of a dog (1925) to attempts to revive a person (1940–1952). But dominant in the USSR in the middle of the twentieth century physiological views on thanatogenesis led to the fact that these attempts were unsuccessful. The idea of S.S. Bryukhonenko, which can be called genius, was transformed in various directions by contemporaries of its author: N.N. Terebinsky — in heart surgery under the control of vision (1940), V.P. Demikhov — in the creation of a mechanical heart (1937) and a transplant of a biological heart (1946), V.A. Negovsky — in the technology of revitalizing a person in the period of agony or clinical death (1943) and in the creation of resuscitation (1962). However, many doctors and scientists who carried out experiments with artificial blood circulation did not raise in their writings the moral and ethical questions of this idea and the technologies developed on its basis for maintaining the life of isolated parts of the body, transplanting vital organs, and reviving a person. These questions, the answers to which are not as obvious as it might seem at first glance, were first expressed by A.R. Belyaev in his novel “The Head of Professor Dowell” (1938). Moral and ethical aspects of genius ideas

are the factors that are designed to restrain their implementation in practice, because such technologies relate to the life of not only a specific person, but of all mankind.

Key words: *genius, the history of medicine, the idea of artificial blood circulation, S.S. Bryukhonenko (1890–1960), N.N. Terebinsky (1880–1959), A.R. Belyaev (1884–1942), the moral aspects of scientific discovery, V.P. Demikhov (1916–1998), V.A. Negovsky (1909–2003), technology of artificial blood circulation, the creation of resuscitation.*

Так гибнут замыслы с размахом,
вначале обещавшие успех,
от долгих проволочек...
William Shakespeare

Истоки гениальности непредсказуемы. Гениальным мы называем то, что непонятно, откуда взялось, и непонятно, как сделано. Поэтому высокое искусство всегда гениально. Когда медицина проходит стадии ремесла и науки, она превращается в искусство, а его носителей называют гениями.

Сегодня любой обыватель имеет представление об операциях внутри остановленного сердца. Однако лишь врачи и перенёвшие операцию больные знают, что эта технология называется «искусственное кровообращение».

Но врачи и больные даже не догадываются, что истоки гениальной идеи искусственного кровообращения надо искать в тифозных бараках времён Первой мировой и Гражданской войн.

Рождение идеи: Сергей Брюхоненко (1890–1960)

Сергей Брюхоненко окончил медицинский факультет Императорского Московского университета в канун Первой мировой войны и вскоре был призван в действующую армию. Война была тяжёлой, позиционной. Солдаты месяцами сидели в грязных окопах, о какой-либо гигиене говорить не приходилось, поэтому воюющие стороны несли огромные потери не только от оружия, но и от инфекционных заболеваний. Особенно свирепствовали тифы — брюшной, сыпной, возвратный. Слово «тиф» с греческого переводится как «дым», «туман» «помрачение сознания». Эти болезни протекают с нарушениями психики на фоне высокой температуры. Поэтому в годы Первой мировой войны большинство врачей, включая хирургов, работали инфекционистами. Не избежал этой участи и полковой врач Сергей Брюхоненко. Но применяемые в то время лекарства помогали мало, поэтому смертность больных тифом была высокой.

Мировая война закончилась, в России прогремели две революции, началась Гражданская война. Сергей поступил в Краснознамённый военный госпиталь в Лефортово (ныне — ГВКГ им. Н.Н.Бурденко МО РФ), где начал работать ассистентом на кафедре патологии и терапии 2-го Московского университета. Кафедрой заведовал профессор Фёдор Андреев, прославившийся тем, что сумел оживить изолированное сердце человека спустя сутки после того, как оно остановилось.

В начале 1920-х годов клиника, где работал Брюхоненко, приняла участие в ликвидации в Москве эпидемии сыпного тифа. По предложению Андреева Брюхоненко стал исследовать свойства крови сыпнотифозных больных и вскоре обнаружил, что различные вещества, особенно противосвертывающие, способны снижать температуру. Вводя их больным, Брюхоненко в большинстве наблюдений добивался искусственного кризиса, а у ряда больных такая реакция приводила к излечению [4].

После установления такого необычного феномена возникла идея изучить влияние различных гуморальных факторов на терморегуляцию в эксперименте. Бродячих собак в то время было много. Отловить их не составляло особого труда. Но введение лекарств в периферические сосуды означало, что они будут разбавляться в кровотоке, разрушаться в печени, и лишь малое их количество достигнет головного мозга. Что же делать? Брюхоненко нашёл выход: надо отсоединить голову животного от туловища и вводить изучаемые препараты прямо в сосуды шеи! Но как сделать так, чтобы голова при этом жила? Ведь опыты должны быть хроническими...

В литературе, в том числе — медицинской, устоялось мнение о том, что аппарат для обеспечения кровообращения в изолированной голове собаки, который получил название «автожектор», Брюхоненко придумал первый. Но это не так. В работе, опубликованной в 1928 году и посвящённой созданию автожектора, Брюхоненко перечислил 12 его прототипов. Такие аппараты для изучения функции изолированных органов физиологии стали изобретать ещё в XIX веке. Пробовали оживлять

и отделённую от туловища голову, но без противосвёртывающих препаратов опыты заканчивались летально.

У Брюхоненко всё сошлось: его врождённый талант инженера (инженером был его отец), избранный им оригинальный «самоподдерживавший ритм» автожектор и изучаемые препараты, обладавшие противосвёртывающими свойствами. Для насыщения кислородом циркулирующей вне организма крови были приспособлены раздуваемые мехом легкие другой собаки [5].

И случилось чудо: поставив перед собой цель — воздействовать на температурный центр больного лихорадкой, Брюхоненко придумал метод, при помощи которого можно было не просто прокачивать кровь через сосуды головы, а возвращать ей жизнь! Отделённая от туловища голова начинала моргать, высовывать язык, кусаться. Это была сенсация! Узнав о презентации опыта с «живой головой» в 1928 году на III Съезде физиологов СССР¹, английский писатель Бернард Шоу в шутку сказал, что он хотел бы завещать свою голову советскому учёному, чтобы тот оживил её после его смерти [4].

Но если можно оживить голову, то нельзя ли оживить весь организм? Оказалось, что можно. Брюхоненко выпускал из подопытного животного кровь, регистрировал остановку его сердца и прекращение дыхания. Медленно текли минуты, в течение которых собака не подавала признаков жизни. Затем в её сосуды вставляли канюли, подключенные к автожектору с донорской кровью и антитромбином. Аппарат включали. Через сосуды остановившегося сердца начинала течь насыщенная кислородом кровь. У казавшегося мёртвым животного сначала медленно, а потом всё быстрее сокращалось сердце. Собака делала вдох и начинала дышать, у неё появлялись рефлексы. Спустя некоторое время ожившее животное снимали с операционного стола. Лохматый пациент начинал пить, есть, ласкаться и вести жизнь обычной собаки с той лишь разницей, что ещё некоторое время назад не подавал признаков жизни! [6]

Брюхоненко понял, что стоит на пороге удивительного открытия: ведь если таким образом можно вернуть жизнь собаке, то точно так же можно оживить человека! Однако с человеком всё оказалось гораздо сложнее. Человеческий мозг оказался чувствительнее к недостатку кислорода и погибал раньше, чем начиналось оживление. Над этой проблемой Брюхоненко бился десять с лишним лет, но так ничего и не добился.

¹ Первая презентация опытов с изолированной головой была в 1926 г. на II Съезде физиологов СССР.

Ни одного доставленного в Институт неотложной помощи им. Н.В. Склифосовского умершего от болезни или погибшего в результате травмы человека ему оживить не удалось. Заметим, что минимальное время, прошедшее с момента регистрации смерти, составляло 15 минут, максимальное — 1,5 часа. У некоторых умерших начинали дрожать ресницы, розовели щёки, появлялся пульс, но всё прекращалось после того, как подключенный к оживляемому организму аппарат выключали.

В результате абсолютно гениальная и фантастическая даже для сегодняшнего времени идея зашла в тупик. И дело было не в автожекторе. В 1930-е годы в физиологии бытовало мнение о том, что после прекращения деятельности сердца и легких наступает глубокое угнетение (торможение) центральной нервной системы, которое может продолжаться в течение некоторого времени (какого точно, никто не знал). И если головной мозг, как считали учёные, каким-то образом удастся «растормозить», то проблема оживления целого организма будет решена.

Однако, хотя уже в 1940-е годы выяснилось, что это не так, только в начале 1950-х Брюхоненко переключил свое внимание на создание аппарата искусственного кровообращения для проведения операций внутри сердца и даже создал два таких прибора — для взрослых и детей. Но его время ушло: созданные им ручные аппараты конструктивно устарели и оказались никому не нужны, а среди авторов первого советского серийного аппарата искусственного кровообращения «АИК-57» фамилия Брюхоненко не значится [4].

Справедливость была восстановлена в 1960 г., когда за труды по искусственному кровообращению Брюхоненко была присуждена Ленинская премия. Но в канун её присуждения Сергей Брюхоненко скончался.

Своей гениальной идеей возможности оживления человека при помощи искусственного кровообращения, а также высказанной им в 1928 году идеей проведения операций на сердце, Сергей Брюхоненко опередил время. Но выйти за пределы его физиологической парадигмы ему не удалось.

Развитие идеи: Николай Теребинский (1880–1959)

Но это удалось сделать хирургу Николаю Теребинскому. В начале XX века одна из хирургических кафедр медицинского факультета Московского университета, которой заведовал профессор Петр Дьяконов, в числе прочих проблем

занималась хирургией сердца, а один из учеников Дьяконова, Николай Напалков, защитил первую в России диссертацию, посвящённую шву сердца и кровеносных сосудов в эксперименте.

Трудившийся на той же кафедре Теребинский, хотя и разрабатывал другие проблемы хирургии, заинтересовался возможностью проведения операций на сердце, и когда в середине 1920-х годов узнал об опытах Брюхоненко, поделился с ним своей идеей. А идея была проста: в условиях, когда жизнь организма собаки поддерживал аппарат, обеспечивающий кровообращение в её организме искусственно, нужно временно прекратить работу собачьего сердца, рассечь его стенку и выполнить вмешательство на клапанах. Реализация этой идеи открывала возможность оперировать внутри сердца под контролем зрения и тем самым спасти жизни людей, больное сердце которых не могли вылечить терапевты.

В конце 1926 г. — начале 1927 г. Сергей Брюхоненко с помощью Николая Теребинского провели серию опытов с временной остановкой биологического сердца на время, достаточное для выполнения вмешательства внутри него. Кровообращение в организме животного с остановленным сердцем в это время обеспечивал автожектор.

Результатом этих экспериментов стал вывод, сформулированный Брюхоненко в монографической статье, опубликованной им в 1928 году: *«решение проблемы искусственного кровообращения ставит на очередь проблему хирургии сердца»* [7]. Проведённое нами исследование показало, что в то время об этом никто в мире ещё не говорил [4].

Но после этих опытов научные интересы Брюхоненко и Теребинского разошлись. Брюхоненко, как это было показано выше, занялся проблемой оживления, а Теребинский принялся оперировать животных на сердце в условиях искусственного кровообращения, моделируя у собак под контролем зрения пороки клапанов сердца и устраняя их при повторных операциях.

После нескольких сотен опытов Теребинский написал и в 1940 г. издал небольшую книжку, посвящённую доступам к предсердно-желудочковым клапанам сердца [14]. В ней он описал технику применённого им искусственного кровообращения аппаратом Брюхоненко и проведённые операции по моделированию и устранению сердечных пороков.

Ни в одной другой стране такой технологии тогда не было. Первый аппарат искусственного кровообращения в США был сконструирован только в 1937 году. Поэтому эксперименты Теребинского были первыми в мире [3].

Но началась Великая Отечественная война. О хирургии пороков сердца советским хирургам пришлось на время забыть. Николай Теребинский стал ведущим хирургом крупного военного госпиталя, в котором много оперировал. Известно, что Теребинский ампутировал конечности Алексею Маресьеву, после чего выдающийся лётчик вернулся в строй, был удостоен звания Героя Советского Союза и прожил долгую жизнь.

В то же время американские хирурги, на чью землю не падали снаряды и бомбы, продолжали исследования. В 1946 году они выпустили серийный аппарат искусственного кровообращения, при помощи которого в 1953 году первые в мире стали оперировать на сердце под контролем зрения.

Повлияли ли на них работы Брюхоненко и Теребинского? Нет, не повлияли. В годы Второй мировой войны в США были разработаны свои аппараты искусственного кровообращения и технологии вмешательств внутри сердца.

Но: благодаря книге Теребинского, которую он подарил Александру Бакулеву, в 1948 году в нашей стране начались операции на сердце по закрытым методикам. В 1955 году коллеги удостоили Николая Теребинского самой высокой для советского хирурга чести: его избрали председателем Всесоюзного съезда хирургов. Но гениальный хирург в это время был уже тяжело болен и отказался от такого знака внимания.

И только в 1957 году Александр Вишневский провёл первые в стране операции внутри сердца.

Научное предвидение: Александр Беляев (1884–1942)

Существует мифологема, что роман *«Голова профессора Доуэля»* Александр Беляев написал под впечатлением демонстрации оживлённой головы собаки Сергея Брюхоненко. Но это всего лишь миф.

Впервые рассказ под таким названием увидел свет в 1925 году в нескольких номерах журнала «Всемирный следопыт». И хотя автожектор к этому времени уже был сконструирован, ни публикаций о нём, ни его презентаций к моменту выхода рассказа ещё не было. Так что во время написания рассказа его автор знать об изобретении Брюхоненко не мог.

Идея описать жизнь головы, отделённой от туловища, пришла к писателю во время его болезни, когда страдавший туберкулёзом позвоночника и закованный в гипс Беляев месяцами лежал в постели, не чувствуя своего тела, так что жизнедеятельными

оставались лишь его мозг и голова. Оставалось придумать аппарат, который поддерживал бы её жизнь, и сюжет, где главными героями выступали врач-хирург, сохранивший голову и мозг своего учителя для корыстных целей, и разоблачившая его ассистентка.

Аппараты, подобные тому, который описал Беляев, к 1920-м годам уже существовали (например, аппарат Макса Фрея и Макса Грубера, созданный в 1885 году), а сведения о них можно было найти в соответствующей литературе. Что же касается головы, отделённой от тела, то эти опыты в XIX в. проводил знаменитый французский физиолог Ш. Броун-Секар. Так что для создания рассказа Беляеву автожектор Брюхоненко был не нужен.

Действие рассказа происходит за рубежом. Его сюжет хорошо известен, так что мы его пересказывать не будем. Важно другое. С одной стороны, Беляев, вероятно, считал, что если бы осуществивший фантастический эксперимент с оживлением головы врач жил в СССР, то он обязательно должен был использовать его результаты в интересах общества, а не в личных и корыстных целях. С другой стороны, о существовании подобных технологий в СССР он не знал. Немаловажным для него была также возможность показать в личности доктора Керна пороки капиталистического общества, его антигуманное отношение к научной истине.

Через 13 лет по настоянию читателей и поклонников творчества Беляева рассказ был переделан в роман, который под тем же названием — «Голова профессора Доуэля» — был издан в 1938 году отдельной книгой [1], а в 1939 году на многочисленные вопросы о том, повлияли ли на создание романа работы Брюхоненко, Беляев отвечал отрицательно, называя свое детище «*научным предвидением*» [2].

Но в романе писатель-фантаст пошёл дальше физиологического эксперимента, описанного в рассказе: Беляев придумал, как сделать жизнь изолированной от туловища головы полноценной, предложив пересадить к ней туловище другого человека! Истоком этой идеи, со слов писателя, послужили опыты с пересадкой головы одной собаки на туловище другой горьковского профессора-фармаколога Н.П. Сеницына [15].

И хотя анализ показал, что некоторые технические моменты, добавленные или исправленные в романе, могли быть взяты из публикаций Брюхоненко (например, антитромбин Доуэля-217), гениальную идею Беляева следует считать абсолютно оригинальной, не реализованной до сих пор

и вряд ли могущей быть реализованной в ближайшем будущем.

И дело тут вовсе не в технических возможностях или хирургическом мастерстве. Доведя в романе идею поддержания жизни отделённой от туловища головы до логического конца, Беляев впервые поставил нравственные и этические вопросы трансплантации органов вообще и туловища к голове, в частности. Именно эти не решённые до сих пор вопросы являются основным препятствием реализации идеи Беляева в хирургической практике. А ведь он пошёл ещё дальше, предположив возможность реплантации туловища при неудаче первой операции.

В начале Великой Отечественной войны Александр Беляев жил под Ленинградом. Известно, что гитлеровцы, хорошо знавшие содержание этого и других его произведений, хотели захватить писателя в плен с его бумагами. Но в январе 1942 года Беляев умер.

В конце 2017 года фантастическая для XX века идея могла превратиться в реальность. Итальянский нейрохирург Серджио Канаверо объявил, что он готов пересадить туловище одного человека к голове другого. Это заявление, как и готовность россиянина Владимира Спиридонова предоставить для эксперимента свою голову, потрясло мир. Но потрясло не тем, что Канаверо безапелляционно заявил о разработанном им способе осуществить сращение у такой химеры спинного мозга, а тем, что хирург проигнорировал парамедицинские вопросы такой операции — нравственные, этические, социальные, религиозные, экономические и др.

Одни врачи и журналисты называли Канаверо гением, другие — сумасшедшим. Дело закончилось тем, что целый ряд стран, включая Италию, отказал хирургу в проведении операции, а вскоре и Владимир Спиридонов отказался от сомнительной перспективы стать первым в мире существом с пересаженным туловищем. Именно существом, потому что было совершенно непонятно, кто это будет в случае пересадки туловища женщины к голове мужчины, туловища взрослого к голове ребенка, туловища африканца к голове европейца и т. д. и т. п.

Но не случайно Канаверо говорил и писал о том, что с хирургической точки зрения препятствий к пересадке туловища одного теплокровного животного к голове другого нет. Дело в том, что эти эксперименты задолго до него проводили многие хирурги, включая уже упомянутого нами Н.П. Сеницына и нескольких американцев. Но

наибольшую известность получили эксперименты биолога Владимира Демикова, выполнившего уникальные опыты с пересадкой головы или передней половины тела одной собаки на туловище другой.

Трансформация идеи: Владимир Демиков (1916–1998)

В 1959 году мир был взбудоражен новостью, пришедшей из Германии. В декабре 1958 года в Берлине и Ляйпциге советский ученый Владимир Демиков, продемонстрировав виртуозную хирургическую технику, провёл несколько пересадок головы щенка с передними лапами на шею взрослой собаки. После пробуждения от наркоза пересаженная голова начинала жить самостоятельной жизнью: она открывала пасть, высовывала язык, лакала молоко, пробовала кусать за уши собаку-хозяина.

Но врачей, социологов, богословов, писателей, философов, не говоря уже о простых обывателях, потрясли не сами опыты, а то, что Демиков, создав своих «двухголовых монстров», посмел вторгнуться в то, что Бог создал по своему образу и подобию. В то время, как нравственные проблемы пересадок, впервые сформулированные Беляевым, оказались незамеченными ни советской, ни мировой общественностью, моральная сторона опытов Демикова была обсуждена на европейском уровне и попала в прессу.

Однако дискуссия свелась к выводу о том, что такие эксперименты могли проводиться только в Советском Союзе, а их целью было создание нового человека. На богобоязненном и высоко-нравственном Западе такого в принципе не могло быть [8]. В случае с Канаверо оказалось, что могло.

Но, к сожалению, Владимир Демиков был биологом, а не врачом. Перед Великой Отечественной войной он окончил биологический факультет Московского университета по кафедре «физиология человека и животных», был призван в Красную армию и воевал в звании старшего лейтенанта административной службы в должности врача-специалиста патологоанатомической лаборатории, где наряду с аутопсиями занимался изучением проблемы шока.

Вернувшись после демобилизации в конце 1945 года в Москву, он приступил к работе ассистентом кафедры физиологии Московского пушно-мехового института, где занялся совершенно новым для советской медицины направлением — пересадкой сердца и лёгких в эксперименте. Причём, не на сосуды шеи или бедра, как это до него делали американские и немецкие хирурги, а в грудную клетку животных, где эти органы

могли выполнять свою функцию перекачивания крови и насыщения её кислородом.

Были ли эти первые в мире эксперименты по ортотопической пересадке жизненно-важных органов гениальными? Безусловно. Окружавшим Демикова ветеринарам было совершенно непонятно, как и откуда в голове бывшего патологоанатома родилась идея пересадки живых сердца и лёгких в грудную клетку собак, как непонятно и то, каким образом эти опыты проводились? Со стороны казалось, что Демиков либо сошёл с ума, либо на него сошло озарение свыше. Но всё было гораздо прозаичнее.

Оказалось, что в 1935 году кафедра физиологии биологического факультета Воронежского университета, где до перевода в Московский университет учился Демиков, имела автожектор Брюхоненко, а сотрудники кафедры во главе с профессором Никифоровским проводили опыты по оживлению собак, аналогичные тем, которые в Москве проводил Брюхоненко. А вот следующее действительно непонятно.

В 1937 году студент-биолог 4-го курса Воронежского университета Владимир Демиков решил уменьшить автожектор до размеров биологического сердца и вставить его в грудную клетку собаки, заменив этим «пламенным мотором» собственное сердце животного. Сконструировав такое электромеханическое сердце из двух стальных насосов-желудочков и электромотора, с группой студентов-единомышленников и ассистентом кафедры по фамилии Феддер, Демиков провёл имплантацию получившегося устройства в грудную клетку животного, предварительно удалив у него его собственное сердце.

Замена была проведена так быстро, что собака с механическим сердцем ожила и подавала признаки жизни в течение 2,5 часов, после чего опыт был прекращён. Об этом в мае 1937 года Демиков рассказал на студенческой конференции, заметка о которой с восторженной реакцией на его доклад была напечатана в студенческой многотиражке.

Известно, что в Воронеже в это время был Сергей Брюхоненко, который приехал, узнав о готовящемся эксперименте. Возможно даже, что он присутствовал при этом опыте. Во всяком случае, об оживленной при помощи изобретения Демикова собаке он рассказал воронежским врачам в июне, после чего уговорил талантливого студента перевестись в Московский университет, что Демиков и сделал. Известно также, что в Москве он подрабатывал у Брюхоненко, создав модель механического сердца, с которым собака жила 5 часов [9].

Что произошло далее между учителем и учеником, мы не знаем, но их научные пути разошлись. Брюхоненко продолжал заниматься оживлением собак, приступив в 1940 году к оживлению людей, а Демихов обратился к проблеме пересадки сердца. Установлено, что в качестве дипломной работы, которую он написал перед войной, он выбрал тему пересадки сердца на сосуды шеи и даже сделал несколько опытов на кошках. Но поняв, что пересаженный на шею орган не выполняет своей насосной функции, отказался от этой идеи.

Потом началась война. Демихов выучился на патологоанатома и занялся боевой работой. А когда война окончилась, возобновил свои опыты, но стал пересаживать сердце животным уже не на шею, а в грудную клетку.

Так что, то, что сотрудникам Пушно-мехового института казалось необычным, на самом деле имело вполне конкретное объяснение. Непонятно другое. И здесь мы снова вторгаемся в невидимые простому глазу истоки и механизмы гениальности. Как в голову студенту 4-го курса могла прийти мысль создать имплантируемое механическое сердце, если никто в мире до сих пор его не создал? Как у 30-летнего врача-патологоанатома родилась идея пересадить сердце высокоорганизованного теплокровного животного в грудную клетку, если никто в мире до него этого не делал?

В 1960 году Демихов опубликовал монографию «Пересадка жизненно-важных органов в эксперименте», в которой описал все проведённые к этому времени опыты. Прочитав книгу, мы нашли в ней темы и материалы для трёх десятков диссертаций. И это в то время, когда автор ещё не был кандидатом наук! [10, 11, 12]. Нами также показано, что перевод этого уникального труда на английский язык, осуществлённый в 1962 (!) году, до сих пор широко цитируется в зарубежной литературе [16].

Судьба Демихова сложилась столь же драматично, как и судьба Брюхоненко. Опережая всех в мире своими исследованиями в 1940-е годы, в 1950-е он, истратив уйму времени на поиск биологических методов преодоления иммунологической несовместимости, не заметил, что поезд трансплантологии стал наполняться пассажирами, применявшими для достижения иммунологической толерантности не биологические, а фармакологические методики, а когда в 1960-е годы это понял, оказалось, что этот поезд ушёл далеко вперёд. И ушёл без него. А он, запланировавший в 1963 году сделать первую в мире пересадку сердца человеку, оказался со своими устаревшими идеями на обочине мировой науки.

Результат известен: в 1967 году первым в мире операцию пересадки изолированного сердца одного человеку в грудную клетку другого сделал южноафриканский хирург Кристиан Барнард.

Опыты В.П. Демихова конца 1950-х годов закончились феноменальным результатом: на шее у собаки Пират пересаженная голова прожила 29 суток. И хотя некоторые хирурги отзывались об этом достижении положительно, пересадкой туловища к голове Демихов больше не занимался.

Получается, что мало быть генератором гениальных идей. Надо ещё угадать, чтобы эти идеи родились в соответствующее им время и с соответствующими условиями для их осуществления.

Триумф идеи: Владимир Неговский (1909–2003)

С наличием таких условий больше повезло другому ученику Сергея Брюхоненко — Владимиру Неговскому. Придя в 1930-е годы после окончания медицинского института к Брюхоненко, Неговский так же, как и Демихов, не согласился с концепцией учителя о торможении центральной нервной системы во время умирания, а решил изучить процесс танатогенеза самостоятельно.

Решив пойти своим путём, Неговский написал письмо в Народный комиссариат здравоохранения СССР с просьбой организовать для него специальную научную лабораторию. Вскоре такая лаборатория была создана. И не где-нибудь, а при НИИ нейрохирургии, которым руководил профессор Николай Бурденко, будущий академик Академии наук СССР и первый президент Академии медицинских наук СССР. Изучив процесс умирания, Неговский обнаружил, что между остановкой сердца и смертью головного мозга проходит некоторое время, когда деятельность сердца можно восстановить без поражения мозга и с восстановлением его функции. Неговский назвал этот период «клинической смертью», а период, начинающийся вслед за гибелью мозга — «биологической смертью».

Оказалось, что в условиях нормотермии клиническая смерть длится 5–7 минут. После этого мозг теплокровного животного с сосудодвигательным и дыхательным центрами гибнет, и восстановить деятельность его сердца и легких уже нельзя. Именно поэтому у Брюхоненко, пытавшегося оживать доставленных каретами скорой помощи людей с остановившимся сердцем, ничего не получилось: все пострадавшие были привезены в периоде биологической смерти. Интересно, что Александр Беляев предвидел это еще в 1938 году,

назвав период между остановкой сердца и смертью мозга «смертной паузой» [1], а в 1939 году объяснил, в чём, по его мнению, могла заключаться ошибка С.С. Брюхоненко [2].

После начала Великой Отечественной войны Неговский создал специальную группу для апробации результатов своих исследований в боевых условиях. С этой группой он выезжал на фронт, где пытался оживлять умиравших тяжелораненых красноармейцев. И в 1943 году ему это удалось. Впервые в мире на Западном фронте переливанием крови в артерию под давлением по направлению к сердцу с одновременным искусственным дыханием специальным мехом он оживил бойца, сердце которого остановилось в результате кровопотери.

В том же году Неговский защитил докторскую диссертацию, в которой описал свои опыты на животных по изучению танатогенеза и обосновал свой подход к оживлению, заключающийся в том, чтобы не ждать наступления смерти (как ждал Брюхоненко), а начинать мероприятия по оживлению до её наступления, то есть в периодах агонии или клинической смерти [13].

После войны лаборатория по оживлению перешла в структуру АМН СССР, Неговский и его сотрудники разработали различные способы восстановления деятельности сердца (в частности, дефибрилляцию) и аппаратуру для искусственной вентиляции лёгких, внедрили разработанные ими методы в клиническую практику, а мероприятия по оживлению называли реанимационными.

Итогом 20-летней научной работы стало рождение в 1962 году новой медицинской науки — реаниматологии и создание реанимационных отделений во всех крупных больницах в нашей стране и за рубежом. Лаборатория по оживлению превратилась в крупный НИИ, Владимир Неговский стал лауреатом двух Государственных премий, был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР и получил почётное звание «Padre reanimazione». После его кончины Институт общей реаниматологии РАН стал носить имя академика Неговского.

Но, возможно, что всех этих успехов могло бы и не быть, если бы в 1924 году бывший полковой врач Сергей Брюхоненко не изобрёл свой автожектор.

Но не получается ли тогда, что истоки гениальности предсказуемы?

Заключение

Так по-разному сложились судьбы людей, которые жили и творили в одно и то же время, сближаясь друг с другом, и отдаляясь друг от друга, черпая от коллег гениальные идеи, изумляя и заражая окружающих своей смелостью и безрассудностью, граничащими с сумасшествием.

Но, сопоставляя и анализируя описанные в статье изобретения, понимаешь, что одно не могло бы произойти без другого, что даже расхождение во взглядах может стать началом нового направления в науке. И что гибель одной идеи со временем может дать всходы другой.

Гениальная идея искусственного кровообращения Сергея Брюхоненко, родившаяся из наблюдений над тифозными больными, привела к опытам Николая Терebinского и хирургии открытого сердца в условиях искусственного кровообращения. Бесплодные попытки Брюхоненко оживить умерших блестяще реализовал Владимир Демихов созданием основ оперативной трансплантологии и вспомогательного кровообращения (механическое сердце), а Владимир Неговский — созданием реаниматологии.

Но все эти идеи соединил в мечтах и на бумаге Александр Беляев, впервые предложивший задуматься над нравственной и этической составляющей прорывных технологий в биологии и медицине, акцентировав внимание изобретателей и их последователей на простых вопросах: что есть человек, и для чего он пришёл в этот мир?

И если человек всесильен в своих идеях, то насколько он может быть всесильен в их осуществлении? Есть ли границы этого всесилья?

Список литературы

1. *Беляев А.Р.* Голова профессора Доуэля. Л: Советский писатель, 1938.
2. *Беляев А.* О моих работах // Детская литература. 1939; 5: 23–25,
3. *Богопольский П.М., Глянцев С.П.* Николай Наумович Теребинский и его вклад в хирургию сердца (к 75-летию выхода в свет монографии «Материалы по изучению открытого доступа к атриовентрикулярным клапанам сердца») // Клиническая и экспериментальная хирургия. Журнал им. Б.В. Петровского. 2015; 3: 5–17.
4. *Богопольский П.М., Глянцев С.П., Логинов Д.Т.* Сергей Сергеевич Брюхоненко – пионер создания метода искусственного кровообращения (к 125-летию со дня рождения) // Кардиология и сердечно-сосудистая хирургия. 2016; 6: 74–82.
5. *Брюхоненко С.С.* Аппарат для искусственного кровообращения (теплокровных) // Изучение новых методов искусственного кровообращения и переливания крови / Под ред. О.А. Степпуна. М., 1928.
6. *Брюхоненко С.С.* Применение метода искусственного кровообращения для оживления организма // Сб. тр. / Ин-т эксп. физиологии и терапии. 1937; 1: 32–34.
7. *Брюхоненко С.С.* Искусственное кровообращение целого организма (собаки) с выключенным сердцем // Изучение новых методов искусственного кровообращения и переливания крови / Под ред. О.А. Степпуна. М., 1928.
8. *Глянцев С.П.* Феномен Демихова. В Первом МОЛМИ имени Сеченова (1956–1960). Первая командировка В.П. Демихова в Германию (декабрь 1958 г. — январь 1959 г.) «Круглый стол» газеты «Stuttgarter Zeitung» // Трансплантология. 2016; 1: 47–58.
9. *Глянцев С.П.* Феномен Демихова. Трансплантология Демихова. Становление трансплантолога (1916–1947 гг.) От студента-биолога до врача-патологоанатома (1937–1945). В МПМИ (1946–1947) // Трансплантология. 2013; 3: 51–60.
10. *Глянцев С.П.* Феномен Демихова. «Пересадка жизненно-важных органов в эксперименте» (1960). Гомопластическая пересадка органов: пересадка дополнительного сердца, пересадка сердца и лёгких // Трансплантология. 2017; 9(2): 153–163.
11. *Глянцев С.П.* Феномен Демихова. «Пересадка жизненно-важных органов в эксперименте» (1960). Гомопластическая пересадка органов: изолированного сердца, изолированного лёгкого, почек, головы, половин туловища и целого туловища // Трансплантология. 2017; 9(3): 268–278.
12. *Демихов В.П.* Пересадка жизненно-важных органов в эксперименте. М.: Медгиз, 1960.
13. *Неговский В.А.* Восстановление жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или в периоде клинической смерти / Под ред. В. В. Парина. М.: Медгиз, 1943.
14. *Теребинский Н.Н.* Материалы по изучению открытого доступа к атриовентрикулярным клапанам сердца. Экспериментальное исследование, М.-Л., 1940.
15. *Черемисова Д.А., Кордзая Е.Л., Глянцев С.П.* Профессор Николай Петрович Синицын (1900-1972) как хирург и трансплантолог // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2017; 19(4): 151–158.
16. *Werner A., Глянцев С.П.* Монография В.П. Демихова «Пересадка жизненно-важных органов в эксперименте» (1960) в зарубежной научной печати (к 50-летию первой пересадки сердца человеку) // Трансплантология. 2017; 9(4): 360–370.

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

С.В. Чернов

ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ ГЕНИЯ. ИСКАТЕЛИ СОВЕРШЕНСТВА. Часть III: АВИЦЕННА

Аннотация. Статья продолжает цикл работ автора, посвящённых анализу творческой жизни гениальных людей разных времён и народов, ранее опубликованных в журнале «Философская школа» под общим названием «Образ личности гения. Искатели совершенства» (№ 2, с. 72–105; № 4, с. 106–132). Новизна исследования заключается, прежде всего, в том, что здесь впервые были представлены особенности уникального во всех отношениях гения (Абу Али ибн Сины) (Авиценны), до этого никогда и никем из отечественных и зарубежных исследователей не рассматриваемые. Автор развивает представление об универсальном энциклопедизме Авиценны и представляет необычные до парадоксальности механизмы и приёмы творческой деятельности этого выдающегося мыслителя Востока. В частности, автором был проведён анализ таинственного феномена разрешения проблемы (открытия), происходившие у самих первооткрывателей во время соответствующих сновидений. В науке известны факты подобных открытий (периодическая система элементов Д.И. Менделеева, фабула комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова). Это тем более важно, что сам Ибн Сина неоднократно, как следует из его автобиографии, испытывал подобное на себе, и дал этому феномену объяснение. Не обходит автор вниманием анализ творческого наследия Ибн Сины в целом, и, в частности, его «Канон медицинской науки». Особо обращает на себя внимание представление философии Авиценны в части, развиваемой им, нравственной философии, а также проанализированный в исследовании «Трактат о любви», где сам мыслитель представляет любовь как естественный и необходимый порядок бытия любой «индивидуальной субстанции», тем самым придавая любви онтологический смысл. Автор статьи побуждает читателя окунуть новым взглядом, с нового ракурса оценить уже много раз читанное творческое наследие Абу Али ибн Сины.

Ключевые слова: образ личности гения, Абу Али ибн Сина (Авиценна), творческая жизнь гения, универсальный энциклопедизм, мыслитель-исследователь-практик, «божественное сновидение», нравственная задача человека, «Канон медицинской науки», «Трактат о любви», онтологический смысл любви.

S. V. Chernov

IMAGE OF THE IDENTITY OF THE GENIUS. SEEKERS FOR PERFECTION. Part III: AVICENNA

Summary. The article continues the author's cycle of works devoted to the analysis of the creative life of genius people of different times and nations, previously published in the journal Philosophical School under the general title «Image of the identity of the genius. Seekers of perfection» (No. 2, p. 72–105; No. 4, p. 106–132). The novelty of the research lies, first of all, in the fact that for the first time the features of the genius Abu Ali ibn Sina (Avicenna), unique in all respects, that were never considered by any of domestic and foreign researchers, were presented here. The author develops the idea of Avicenna's universal encyclopedism and presents the mechanisms and methods (unusual to paradox) of creative activity of this outstanding thinker of the East. In particular, the author analyzed the mysterious phenomenon of resolving a problem (discovery) that occurred among the discoverers themselves during their respective dreams. In science, the facts of such discoveries are known (the periodic system of elements of D.I. Mendeleev, the plot of the comedy "Woe from Wit" by A. S. Griboedov). This is all the more important because Ibn Sina himself repeatedly, as follows from his autobiography, experienced this on himself, and gave an explanation for this phenomenon. The author does not

bypass the analysis of the creative heritage of Ibn Sina as a whole, and, in particular, his “Canon of Medical Science”. Particularly noteworthy is the presentation of Avicenna’s philosophy in the part that he develops of moral philosophy, as well as analyzed in the study “Treatise on Love”, where the thinker presents love as a natural and necessary order of being of any “individual substance”, thereby giving ontological love meaning. The author of the article encourages the reader to take a new look, from a new perspective, to evaluate the creative legacy of Abu Ali ibn Sina that has already been read many times.

Key words: *image of identity of genius, Abu Ali ibn Sina (Avicenna), creative life of a genius, universal encyclopedism, thinker-researcher-practitioner, “divine dream”, a person’s moral task, “Canon of Medical Science”, “Treatise on Love”, ontological meaning of love.*

В обращении Всемирного Совета Мира 1951 года, о подготовке празднования тысячелетия (по восточному календарю) со дня рождения Абу Али ибн Сины, отмечалось, что вся деятельность этого гениального мыслителя Востока «была основана на требованиях истины и разума» [17, с. XI]. Интересно отметить, что Ибн Сина оказался единственным в истории гениальным человеком, тысячелетний юбилей которого отмечался дважды, и оба раза — по решению ЮНЕСКО: первый раз — в 1952 году по лунному восточному календарю (1333 год худжры) и второй раз — в 1980 году по солнечному григорианскому календарю.

Ещё при жизни Ибн Сина был удостоен следующих высоких титулов: *Худжатул Хакк* (Доказательство или авторитет Истины), *Шейх-ур-Раис* (Глава мудрецов, старейшин, великий мыслитель), *Пиизишки, хаками бузург* (Великий Исцелитель) и *Шараф-ул-Мулк* (Слава, гордость страны) [9, с. 13]. В Европе Ибн Сина стал известен с XII века под именем *Авиценны* и был почётно титулован как «Наставник учёных», «Князь философии», «Князь врачей».

Великий Данте в «Божественной комедии» выводит образ Авиценны наряду с Птолемеем, Евклидом, Гиппократом, Галеном.

Великому художнику эпохи Возрождения Микеланджело Буонаротти принадлежат следующие слова об этом гениальном мыслителе средневекового Востока: «Лучше ошибаться, поддерживая Галена и Авиценну, чем быть правым, поддерживая других».

В XX веке А. Гуашон определил Ибн Сину как гения, пророка, «первого ума человечества», а Гейер назвал Авиценну «носителем особой таинственной духовности», которого сегодня не только почитают, но и боятся.

С другой стороны, по мнению Гегеля, Ибн Сина только лишь переписчик чужих книг, «простой комментатор Аристотеля».

Творчество Ибн Сины привлекало к себе пристальное внимание как современных ему мыс-

лителей, так мыслителей и исследователей последующих эпох вплоть до наших дней. Его воззрения имели сторонников и последователей: Абу Убайд Джузджани, Бахманяр ал-Азербайджани, Насриддин Туси, Тахтани и др., но были у него и противники: Фахриддин Рози, Абулхамид Газали, Мухаммад аш-Шахрастани и др. На его произведения писали большие и малые комментарии, парафразы, составлялись компиляции из его трудов. Однако на протяжении веков немало было также и опровержений.

Всё это неслучайно, ведь и на Востоке и в Европе Средних веков трудно найти другого мыслителя, равному Авиценне и по объёму знаний, и по талантливости, и по разнообразию и по глубине содержания, и по объёму его интеллектуально-творческих деяний. Достаточно сказать, что переведённый на латынь «Канон врачебной науки» Авиценны по тиражам и по количеству переизданий (вплоть до конца XVII века) уступал только лишь одной Библии.

На одной из иллюстраций латинского перевода «Канона» издания 1523 года Ибн Сина изображён сидящем на троне между Галеном и Гиппократом. Центральное его положение на картине, венчающая голову корона, королевские атрибуты в руках: булава и скипетр, оканчивающийся пером, водящим по раскрытой книге, — вся эта символика, изображённая художником, обозначает центральное положение Авиценны в медицинской науке того времени и подчёркивает признание его высочайшего интеллектуально-профессионального авторитета.

Имя ибн Сины было известно и на Руси, где его звали *Ависен*. В многочисленных лечебниках и травниках Древней Руси «встречается его имя, его советы, его рецепты. Так, например, в “Прохладном Вертограде” (1616) есть ссылки на Авиценну» [17, с. XLV].

Кто же он? Откуда? Какова творческая судьба этого *Мудреца, Духовного наставника, Авторитета истины*, — этого почитаемого во

всём культурном мире мыслителя, врачевателя, учителя — этого *блистательного гения востока*?

Жизненный путь Ибн Сины, как и путь всякого гения, *парадоксален до сверхнеобычности*: талантливый и прилежный ученик — практикующий врачеватель — учитель учителей — учёный, философ, математик — государственный служащий, визирь — пленник, находящийся под угрозой смертной казни — снова визирь — заключённый в крепости Фараджан¹ — странник-дервиш — приближённый Исфаханского эмира Ала-ад-давлы — преследуемый изгнанник — писатель-мыслитель — выдающийся теоретик — практик-естествоиспытатель — изобретатель — создатель медицинской науки...

Собственный богатейший, разносторонний и парадоксальный до необычности жизненный опыт, *Авиценна-поэт* имел обыкновение выражать в стихотворных формах. Следующие строки его стихов и сегодня звучат как самобытные и не обветшавшие от времени нравственные наставления:

Десять признаков есть у души благородной,
Шесть её унижают. Быть нужно свободной
Ей от подлости, лжи и от зависти низкой,
Небрежения к близким, к несчастью и боли
народной.

Коль богат, то к друзьям проявляй свою щедрость,
Будь опорой им и звездой путеводной.

А впадёшь в нищету — будь и сильным и гордым,
Пусть лицо пожелтеет в тоске безысходной.

Краток век, каждый вздох наш быть может
последний,
Не терзайся о мире заботой бесплодной,
Смерть играет без устали в нарды: мы шашки,
Мир — доска, день и ночь,
как две кости, в руках небосвода [12, с. 9].

* * *

Воистину чудесные дела:
возносятся безмозглые тела,
Их наделила тупостью природа,
а родовая знатность вознесла [12, с. 37].

¹ *Фараджан* — крепость в *Хамадане*, где Ибн Сина в течение 4-х месяцев находился в заключении.

Жизнь. Личность. Творчество

Абу Али ал-Хусейн ибн Абдаллах ибн ал-Хасан ибн Али ибн Сина, получивший известность в средневековой Европе под именем Авиценны, родился в 980 г. близ Бухары, в селении Афшана в семье образованного и высококультурного государственного служащего Абдаллаха ибн Хасана ибн Сины. В *Жизнеописании*² Ибн Сины говорится: «Отец мой в дни Саманида Нух ибн Мансура поселился в Бухаре и занялся там работой в диване — канцелярии. Ему предоставили управление *Хармайсаном*, центром одного из бюлюков — районов в окрестностях *Бухары*. Из *Афшаны*, одного из ближних селений, он взял себе в жёны мою мать по имени Ситара — Звезда. Там же и родились сначала я, а затем и мой брат» [17, с. XIII]. «Отец был среди тех, кто откликнулся на проповедь египтян, и стал считаться исмаилитом. От них он воспринял учение о душе и разуме в том виде, в каком они излагали и понимали его сами. Таким же был и мой брат. Всякий раз, когда они беседовали, я слушал их и понимал то, что они говорили, но душа моя не принимала сказанного ими. Они и меня стали призывать присоединиться к этому учению и в своих речах упоминали философию, геометрию и индийский счёт» [1, с. 57]. Из этого фрагмента следует, что с ранних лет Ибн Сина был погружён в духовно и интеллектуально насыщенную среду и ясно просматривается то интеллектуально-познавательное напряжение, которое царило в семье Ибн Сины благодаря его отцу, что само по себе не могло не стимулировать последующие учебные и научные интересы будущего великого мыслителя.

Когда сыну пришло время активно впитывать знания, отец его позаботился, чтобы с ним занимались самые лучшие учителя того времени: Махмуди Массох, Исмаил Захид и Абу-Абдуллах Натили [3, с. 522]. При этом сам Али оказался очень упорным и невероятно способным учеником. Он приводил в изумление своих учителей, разбирая какие-либо сложные определения с таким остроумием, что учителям никогда не приходилось слышать таких ясных объяснений. Какой бы вопрос ни задавал ему учитель, у талантливого

² Дошедшее до настоящего времени *Жизнеописание* Абу Али ибн Сины состоит из двух частей. Свою автобиографию до 30-тилетнего возраста, которая составляет первую часть *Жизнеописания*, Ибн Сина составил сам лично. Дальнейшее его жизнеописание продолжил его ученик Абу Убайд ал-Шейхаурраиса, который оставался при учителе до самой его смерти. Вот что об этом пишет сам ученик: «Это то, что поведал мне аш-Шейх своими устами, а далее я сам лично наблюдал его жизнь» [1, с. 60].

ученика складывалось об этом вопросе более ясное представление, чем у самого учителя. Невероятно быстро овладев основами мусульманского права и математики, самостоятельно проштудировав множество книг по физике и метафизике, Али решил заняться медициной. «Вскоре, — пишет Ибн-Сина в автобиографии, — во мне пробудилась склонность к медицине, и я взялся за изучение посвящённых ей сочинений. Врачебная наука отнюдь не относится к разряду трудных, а потому я преуспел в ней за самый короткий срок настолько, что учиться у меня медицине начали почитаемые всеми врачи. Пока я пользовал больных, мне открылись такие дающиеся опытом способы лечения, которые нигде не были описаны... И было мне в ту пору от роду шестнадцать лет» [1, с. 58].

Итак, основными учебно-познавательными, а впоследствии и научными интересами Ибн Сины становятся философия и математика, а также медицина и естествознание. Если судить по тексту автобиографии, то у Ибн Сины очень рано, ещё в юношеском возрасте, проявился *дар врачевания*, равно как и *учительский дар*. Если бы это было не так, то врачебная наука не казалась бы ему такой лёгкой, а «почитаемые всеми врачи» не стали бы обращаться к этому юнцу за советами. Если бы это было не так, то его книги по философии, логике, медицине, психологии, этике не оказались бы такими востребованными и полезными для множества читателей в течение многих последующих столетий. Поистине, этот человек был одарён очень щедро. Как говорил древний мыслитель: «Все профессии — от человека, и только три из них — от Бога: судья, врач и учитель». Божественное Провидение щедро распорядилось относительно Ибн Сины.

Нам известны многие *гении-кометы*, творческий дар гения которых бурно и независимо проявился в определённых видах творческой деятельности в очень раннем возрасте: в поэзии — это Пушкин, Лермонтов, Блок; в математике — Паскаль, Гаусс, Ферма; в музыке — Моцарт, Бетховен, Паганини... Но вот в области естественных наук, к числу которых относится медицина, Авиценна был первым и последним *гением-кометой* во всей мировой истории человеческого гения — *к восемнадцатилетнему возрасту* Ибн Сина стал уже опытным, авторитетным, искусным врачевателем, далеко известным за пределами своего государства.

Ибн Сина относится к числу таких гениальных людей, которых Провидение и природа создают с особой тщательностью, расточая на них самые драгоценные свои дары: творческую силу ума, быстроту и ясность мысли, феноменальную память,

проницательность, нравственное благородство, духовную глубину, неимоверную трудоспособность и способность к ясному постижению «тайного мира», как «путём мышления», так и посредством «откровения», и всё это облачают в благородно-благообразную телесную оболочку. Внешний облик мыслителя, представленный на его современных портретных изображениях, можно считать аутентичным, поскольку облик этот реконструирован по сохранившемуся черепу [19, с. 8]. С картины на нас смотрит высоколобый мудрец, с умным и пронзительным взглядом чёрных, как вороново крыло, глаз; крупный прямой нос и волевой разрез губ, обрамлённых густой чёрной бородой, гармонично дополняют этот портрет. Смотря на это лицо, в котором светится духовная глубина, проникновенная мудрость и сильный характер, как не вспомнить Артура Шопенгауэра, который утверждал, что гений человека обязательно отражается на его лице.

Сам Ибн Сина относил самого себя к числу тех редких людей, которые обладают особой силой и остротой ума, способного решить любую проблему посредством *догадки*. Таким людям, по мнению Ибн Сины, не нужны учителя или наставники, поскольку этот человек «связан с действующим умом так хорошо, что ему не надо думать, словно ему откуда-то подсказывают...». Такой человек, считает Авиценна, «должен быть источником учения для человечества», и этому своему предназначению — быть учителем для человечества — Авиценна, безусловно, следовал и в своих трудах и в своих деяниях. Несомненно, имея в виду самого себя, Ибн Сина пишет в своём труде «*Дание-наме (Книга знания)*»: «Мы сами видели такого рода человека. Он изучил вещи мышлением и трудом, но при наличии силы догадки он не нуждался во многих трудах, и догадки его о многих вещах соответствовали тому, что было написано в книгах. Таким образом, ему не надо было читать много книг и трудиться над ними. Этот человек в возрасте 18–19 лет усовершенствовался в науках: философии, логике, физике, метафизике, геометрии, астрономии, музыке, медицине и в прочих сложных науках до такой степени, что не встречал себе подобного» [2, с. 201]. В этом небольшом фрагменте Авиценна по существу вскрывает тайну гениального созидательно-творческого ума, способного выстраивать «картину мира» посредством *озарения* — *умозрения* — *догадки*, т.е. тех подсказок, которые приходят гениальному человеку *свыше* — такой способности ума, которой не обладают обыкновенные (негениальные) люди.

Биография Ибн Сины изобилует многими поразительными фактами. Один из них относится к своеобразному озарению, которое может приходить к гениальным людям во время сна, когда ум гения, озабоченный решением какой-либо сложной задачи или поиском ответа на трудный вопрос, находит соответствующую разгадку в образной картине сновидений. Вот соответствующий фрагмент из *Жизнеописания* мыслителя, записанный им самим и который мы приводим здесь полностью: «Всякий раз, когда я терялся (в решении) какой-либо проблемы или не мог определить средний термин в силлогизме, я ходил в мечеть, и, совершая молитву, взывал к творцу всего, пока он не открывал мне скрытого или не облегчал трудного. К вечеру я возвращался домой, ставил перед собой светильник и занимался чтением и писанием. А когда одолевал меня сон или я ощущал слабость, то я выпивал кубок вина, дабы вернуться ко мне моя сила. Затем я вновь приступал к чтению. Когда же мною овладевала дремота, то мне воочию снились эти вопросы и сущность многих из них прояснялась во сне» [1, с. 58].

Всемирная история гениальности знает несколько подобных, описанному Ибн Синой, случаев. Самый известный из них — открытие Д.И. Менделеевым периодической системы элементов. По свидетельству проф. Иноземцева — друга Д.И. Менделеева, открытие периодической системы химических элементов было сделано им во сне: учёный якобы увидел во сне свою таблицу и записал её так, как она ему приснилась, после чего только в одном месте потребовалась поправка. Об этом Иноземцев много лет спустя сообщил философу И.И. Лапшину, не замедлившему это сообщение опубликовать [14, с. 45]. Есть также сведения, что «гениальнейшую русскую драму» *«Горе от ума»* её автор А.С. Грибоедов увидел во сне (А. Блок, 1907), о чём он сам сообщает в одном из своих писем от 17 ноября 1820 г., адресованных неизвестной женщине [10, с. 377–378]¹.

Итак, мы имеем три исторически зафиксированных факта *разрешения проблемы (открытия)*,

происходившие у самих первооткрывателей во время соответствующих сновидений. Что это — красивые легенды или фактическая реальность, явно свидетельствующая о трансцендентных истоках (эманации божественного) сложно-умственных озарений гения? Ответ на этот вопрос мы находим у самого Ибн Сины, который, как мы знаем, просто не мог пропустить без объяснений такой интереснейший феномен. Тем более что сам мыслитель, похоже, неоднократно, как следует из приведённого выше фрагмента автобиографии, испытывал подобное на себе.

В своей книге *«Толкование сновидений»* Ибн Сина объясняет указанный феномен следующим образом:

«1. Образы, которые проявляются в мире снов, суть отображения, возникшие наяву в разуме при помощи чувств. Это объясняется тем, что сила воображения, в которой отображаются образы объективных чувственных вещей, во сне не отдыхает, а бодрствует.

2. Во сне в воображении отражаются те образы и идеи, которые, благодаря мыслительной силе, запечатлелись в нём до сна и хранятся в душе.

3. Мысли и образы, возникающие во сне, — следствие изменения натуры и духовной пневмы, ибо сообразно изменению натуры внутренних органов, органов пищеварения, тока крови и других телесных факторов изменяются и действия силы воображения» [2, с. 49].

Таким образом, по Авиценне, возникновение соответствующих образов в мире снов может зависеть как от состояния организма (сфера плоти), так и от духовного состояния личности (сфера духа), духовные силы которой направлены на разрешение существующей наяву проблемы. Догадка мыслителя о «бодрствовании воображения, представления, мыслительной силы и памяти во время сновидений» вполне согласуется с современными представлениями нейрофизиологии сна, согласно которым во время сновидений у человека наблюдается особая активность мозга.

Особую роль Ибн Сина отводит «божественным сновидениям», которые автор называет «истинными» и заслуживающими внимания, поскольку они связаны, в том числе, с пророчеством. Такие сновидения «бывают двух видов: первый — человек во сне видит вещи или открывает явления, которые затем появляются и наблюдаются наяву; второй — аналоги и образы того, что человек видел во сне, увидит наяву» [там же].

На Востоке ученики считали за честь служить Учителю, заботится о нём, делить с ним его кров

¹ Об этом есть сведения в воспоминаниях Ф.В. Булгарина: «Вот каким образом родилась эта комедия. Будучи в Персии, в 1821 г., Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, знакомых, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лёг спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нём милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берёт карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план *«Горя от ума»* и сочиняет несколько сцен первого акта...» [11, с. 26–27].

и трапезу, сберегать его труды, делать эти труды доступными для многих читателей и нередко составляли биографию своего наставника. Таковым оказался для Авиценны Абуубейд Абдулвахид ибн Мухаммад Джурджани, примкнувший к нему в *Гургане* в 1012 году. Благодаря Джурджани, мы имеем сведения об «удивительных чертах» Ибн Сины, свидетельствующих о незаурядных особенностях его ума и специфике его творческой деятельности. Именно Джурджани стал первым собирателем и хранителем сочинений своего Учителя. За двадцать пять лет службы, — пишет Джурджани в *Жизнеописании* Ибн Сины, — «...я не видел, чтобы попадавшуюся ему новую книгу он просматривал всю подряд. Он отыскивал в ней трудные места и сложные проблемы и обращал внимание на то, что говорит о них автор, определяя этим уровень его учёности и степень его проницательности» [1, с. 63–64].

Об удивительной способности Учителя к освоению новых, неизвестных ему предметов мы также узнаём от Джурджани, рассказавшем следующую историю. Когда в присутствии эмира учёный-языковед Абу Мансур-ал-Джабаи, «...признав достоинства Абу-Али как философа и врача, высказал сомнение относительно его компетентности в филологии, Ибн-Сина освоил в кратчайший срок (в течение трёх лет — С.Ч.) тонкости этой науки настолько, что смог разыграть языковеда-профессионала тремя трактатами, написанными им в стиле трёх известных филологов, а затем создать и фундаментальный труд по арабскому языку» [19, с. 28–29].

В целом воспоминания Джурджани о своём Учителе позволяют представить Ибн Сину как гениального человека, чьи способности к познанию намного опережали требования и уровень науки того времени, а его творческий потенциал был недостижим даже для самых выдающихся учёных-современников как на Востоке, так и на Западе. Неудивительно, что многие труды мыслителя оставались не понятными и тёмными для современников. При изучении материалов творческой биографии Ибн Сины создаётся такое впечатление, что для большинства из окружения мыслителя он представлял собою неразгаданную тайну...

Энциклопедический универсализм

Из материалов к творческой биографии Авиценны можно видеть, что его интеллектуально-познавательной и созидательно-творческой деятельности в полной мере был присущ

энциклопедический универсализм. Но этот универсализм есть не просто многознание само по себе, как, например, у многих европейских учёных-полигисторов¹ XVI–XVIII веков, а как своеобразный *метод-стиль-принцип* познания, проистекающий не из внешних социально-средовых требований, а из внутренней духовной необходимости. Характерно, что подобный творческий феномен обнаруживается и у других гениальных людей. Два наиболее ярких тому примера — это Леонардо да Винчи в Италии эпохи Возрождения, и М.В. Ломоносов — в России XVIII столетия [подр. см: 23].

Энциклопедизм средневекового мыслителя просто поражает. Так, по словам одного из французских востоковедов, «Авиценна, бесспорно, был одним из величайших гениев и энциклопедистов, которые когда-либо существовали на земле... Одни только названия его трудов свидетельствуют о необычной научной плодовитости. Если учесть, что он прожил всего пятьдесят восемь лет, что ему пришлось много странствовать и скрываться, и что он при этом не лишал себя и земных радостей, то трудно понять, каким образом ему удалось найти время для подобной работы... После смерти Авиценны приобрёл такой огромный авторитет, что, начиная с XII века, при изучении философии и медицины его труды стали предпочитать трудам всех его предшественников» [цит. по 8, с. 51–52]. Причём, невиданному до сих пор успеху как философских, так и медицинских произведений Авиценны во многом способствовал сам их стиль — ясный, живой, образный и отчётливо-доступный.

Приведём здесь несколько наиболее ярких примеров, характеризующих универсальный энциклопедизм *Авиценны-естествоиспытателя*.

Ибн Сина раскрыл тайну глаза: в противовес общепринятым и авторитетным представлениям, он доказал, что изображение предмета даёт не хрусталик, а сетчатка глаза, что согласуется с представлениями современной психофизиологии зрения.

В «*Книге исцеления*» в рассуждении «*Об образовании гор и минералов*» Авиценна изложил стройную теорию горообразования, выяснил сложнейший вопрос о происхождении осадочных пород и окаменелостей. «Причиной образования гор Ибн Сина считал действие сточных вод, которые, прокладывая себе путь, размывали поверхность земли. Он считал также, что горы могли возникнуть

¹ Полигистор (греч. от *polys*, многие и *history*, знающий) — знающий многие науки.

и от поднятия земли благодаря сильнейшему землетрясению или отложению осадочных пород» [7, с. 27]. Ибн Сина впервые высказал «предположение о том, что некоторые области земли когда-то были дном моря» [17, с. XXXV], доказывая это тем, что во многих камнях находят части животных, живущих в воде¹.

В трудах Ибн Сины нередко встречаются рассуждения, где автор опирается на наблюдения, сделанные им в его далёком детстве. Так, например, рассматривая вопрос о природе окаменелостей, Авиценна пишет: «В детстве на берегах *Джайхуна* (ныне *река Аму-Дарья* — С.Ч.) мы видели места, покрытые глиной, которой люди моют себе голову; позже мы обнаружили, что эта глина уже закаменела, превратившись в рыхлый камень — и это примерно в течение двадцати трёх лет» [5, с. 276]. Из этого следует, что размышления взрослого мыслителя, опыты умудрённого исследователя, и далёкие воспоминания детства составляли в уме гениального Авиценны *единое целое*, интегрируясь его способностью к *универсальной апперцепции*. В сознании мыслителя складывалась целостно-неразделимая система *образов-идей-умозрений*, что и служило основой и источником для генерации Ибн Синой многих оригинальных гениальных идей, намного опережающих уровень актуальных знаний той далёкой эпохи.

Сказанным не ограничивается вклад Авиценны в развитие естествознания, поскольку он явился автором многих работ в таких областях научного знания, как химия, образование металлов, ботаника и, конечно же, медицина. В частности, «выдвинутая Ибн Синой догадка о распространении некоторых болезней через воду, в которой содержатся “мельчайшие животные”, предвосхитила на восемь веков учение Пастера о роли микробов как возбудителей инфекционных заболеваний» [7, с. 27].

Потомки помнят Ибн Сину не только как искусного врачевателя, изобретательного естествоиспытателя и одного из выдающихся создателей медицинской науки, но потомки знают также и *Авиценну-философа*.

Если авторитет Авиценны в области медицины непререкаем, поскольку историческое значение его трудов в этой отрасли знания «заключается... в том, что он, подытожив достижения античной и раннесредневековой медицины, предпринял серьёзную попытку создать научную семиотику, диагностику и теорию лечения» [3, с. 36], то его

философские труды некоторые исследователи рассматривают, вслед за Гегелем, только лишь как интерпретацию философских сочинений древнегреческих философов и, прежде всего, Аристотеля. Однако с этим утверждением трудно согласиться.

С одной стороны, философия того же Аристотеля действительно стала известна на Востоке в том числе благодаря философским трудам Авиценны, но, с другой стороны, обращение к философским трудам Авиценны позволяет найти в них не только интерпретацию философских категорий и понятий, но также добротный слог, логически выверенное содержание и множество глубоких мыслей, которых не только не было, но просто не могло быть в сочинениях античных философов. Труды Авиценны по философии — это не просто интерпретация, пересказ или компиляция, в этих трудах автор выступает, прежде всего, как *оригинальный, вполне самостоятельный и творческий мыслитель*.

Вот всего лишь несколько показательных примеров.

Развивая тему обогащения приёмов и путей познания, Авиценна различает *четыре степени постижения истины*: 1) постижение чувствами, 2) постижение воображением, как у Аристотеля; 3) мыслительная оценочная способность, чего не было у Аристотеля и появилось только у Авиценны и 4) образование общих понятий — универсалий [17, с. XXXVII].

А вот, например, как Авиценна предельно содержательно и логически выверенно раскрывает понятие «*милосердие*»: «Доброе и полезное, — пишет наш мыслитель, — переходящее от одного к другому, бывают двоякими: по расчёту и по благодетельству. По расчёту что-то даётся и что-то получается; получаемая вещь не всегда бывает зримой, потому что она может быть добрым именем, радостью, простотой и вообще чем-либо, чего он желает. Всё, где есть обмен, в действительности есть и расчёт, хотя простонародье под расчётом понимает взаимный обмен товарами, а похвалу и благодарность не признаёт предметом обмена. Но разумный человек знает, что всякая вещь, если она является желанной, является и полезной. Милосердие же не руководствуется обменом и наградой и не совершается в обмен на какой-нибудь поступок, а состоит в том, что из какой-нибудь вещи добро происходит благодаря бескорыстной воле; таково действие необходимо-сущего. Стало быть, его действие есть абсолютное милосердие» [2, с. 143].

Ещё одно, чего не было в философии Аристотеля. Ибн Сина вводит и широко использует

¹ Через несколько столетий после Авиценны этот факт привлёк внимание Леонардо да Винчи и заставил последнего прийти к тем же самым выводам.

такой способ определения, как *описание*. «Если, — писал Авиценна, — вещь определяется при помощи высказывания, содержащего всю совокупность её случайных и существенных признаков, то это означает, что осуществлено её описание». При этом наш мыслитель «...различает два вида описания: 1) описание, в котором за основу принимается род, — например, человек есть животное, ходящее на двух ногах, с плоскими ногтями, смеющийся от природы; 2) описание через собственный и акцидентальный признаки, например, треугольник — это фигура, имеющая три угла, равные двум прямым углам» [там же, с. 17].

Размышляя о судьбе философского наследия Авиценны, А.В. Сагадеев увидел влияние его философии на новую философию XVII столетия, а именно через еврейского философа Моисея Маймонида (1135–1204) — к Бенедикту Спинозе (1632–1677). Сагадеев выделяет следующие «предположительные параллели в основополагающих онтологических концепциях» указанных мыслителей, которые сведены здесь в таблицу (см.: табл. 1) [19, с. 218–219].

В нашу задачу здесь не входит обсуждение системы связей философии Авиценны и философии Спинозы, оставим эту задачу философам-специалистам, но скажем главное: между гениальным мыслителем Авиценной и гениальным мыслителем Спинозой, вне всякого сомнения, существует *более значимая трансцендентная связь*, заключающаяся в том, что оба они относятся к «*республике гениев*», в которой, по словам Артура Шопенгауэра, «...дело обстоит следующим образом: один великан окликает другого через пустое пространство веков; а мир карликов, проползающих под ними, не слышит ничего, кроме гула, и ничего не понимает,

кроме того, что вообще что-то происходит. А с другой стороны, этот мир карликов занимается, там, внизу, непрерывными дурачествами и производит много шума, носится с тем, что намеренно обронили великаны, провозглашает героев, которые сами — карлики и т.п.; но всё это не мешает тем духовным великанам, и они продолжают свою высокую беседу духов» [24, с. 181].

Из всемирной истории человеческого гения нам известно, что отдельные гениальные люди были неоднократно «замечены» в подобных «духовных беседах», о которых рассказывает Шопенгауэр. Так, например, Лев Толстой был глубоко убежден в духовном родстве между ним самим и Блезом Паскалем, и глубоко поражался тому, что мысли самого Паскаля есть то же самое, что и мысли самого Л. Толстого. Так что *духовно-эйдетическая связь* гениального Абу Али ибн Сины и гениального Бенедикта Спинозы есть связь фактически неоспоримая.

Итак, подводя итог сказанному, отметим, что в своих философских трудах Абу Али ибн Сина выступает не просто как интерпретатор или пересказчик содержания античной философии, но, в первую голову, как *самостоятельный, оригинальный и творческий мыслитель*. Если бы последнее было неверным, то тогда мы бы не имели такого значительного количества исследований философии Авиценны, как среди зарубежных, так и среди отечественных авторов, которые исчисляются даже не десятками, а сотнями. И ещё одно. Оригинальность философских, естественнонаучных, медицинских, поэтических и пр. сочинений Авиценны подтверждает ещё одну *непреложную истину*: чем бы гений ни занимался, какую бы идею он ни развивал, в каких бы направлениях

Таблица 1.

Предположительные параллели в основополагающих онтологических концепциях Абу Али ибн Сины и Бенедикта Спинозы (по А.В. Сагадееву, 1980)

Система онтологических понятий Абу Али ибн Сины	Система онтологических понятий Бенедикта Спинозы
Бытийно-необходимое-само-по-себе	Субстанция
Бытийно-необходимое-благодаря-другому	Модусы
Бытийно-возможное-само-по-себе	Единичные вещи
Перворазум и первоматерия	Идея Бога и промежуточный бесконечный модус, облик всей Вселенной
Запад, материя в ее ближайшем определении	Атрибут протяженности
Восток, разум Вселенной	Атрибут мышления
Деятельный разум	Абсолютно бесконечный интеллект
Душа Вселенной	Движение и покой

он ни трудился, его созидательно-творческая деятельность будет иметь исключительно самобытный и до парадоксальности оригинальный характер. На то он и гений!

Авиценна-писатель

Абу Али ибн Сина оставил после себя огромное творческое наследие, оформленное в его сочинениях, «разнообразных и по форме, и по содержанию...», написанных в подавляющем большинстве на арабском языке, который в его среде играл такую же роль, какую играла латынь у книжников средневековой Европы... В его творческом наследии мы находим не только естественнонаучные и философские трактаты, но и стихи, причём часть последних тяготеет к научно-популярному жанру — таковы поэмы о логике, о медицине и о душе; аллегорические же произведения Ибн-Сины, посвящённые онтологическим и гносеологическим вопросам, воспринимаются как стихотворения в прозе, и их, действительно, называют то «трактатами», то «повестями» [19, с. 31–34]. Творческое наследие Ибн Сины действительно огромно, но с трудом поддаётся количественной оценке, на что есть ряд причин, о которых будет сказано ниже.

Ученик и сподвижник Ибн Сины Абу Убайд Джузджани даёт в *«Жизнеописании»* следующий список книг Учителя.

1. «Китаб ал-маджму» («Сводная книга») в одном томе;
2. «Китаб ал-Хасил ва-л-махсул» («Книга итога и результата») в двадцати томах;
3. «ал-Инсаф» («Справедливость») в двадцати томах;
4. «ал-Бирр ва-л-исм» («Благодеяние и грех») в двух томах;
5. «аш-Шифа» («Исцеление») в восемнадцати томах;
6. «ал-Капун» («Канон врачебной науки») в четырнадцати томах;
7. «ал-Арсад ал-куллия» («Общие наблюдения») в одном томе;
8. «Китаб ан-Наджат» («Книга спасения») в трех томах;
9. «ал-Хидая» («Руководство») в одном томе;
10. «ал-Ишарат» («Указания и наставления») в одном томе;
11. «Китаб-ал-Мухтасар ал-авсат» («Книга среднего сокращения») в одном томе;
12. «ал-Алаи» (Ала-уд-динова книга) в одном томе;

13. «ал-Куландж» («Колики») одним томе;
14. «Лисан-ул-араб» («Арабский язык») в десяти томах;
15. «ал-Адвият-ал-Калбийя» («Сердечные лекарства») в одном томе;
16. «ал-Муджаз» («Компендиум») в одном томе;
17. «Ба’ду ма мин-хикмат-ил-машрикийя» («Некоторые положения восточной мудрости»¹) в одном томе;
17. «Байап зават ил-джиха» («Объяснение того, что обладает направлением») в одном томе;
19. «Китаб-ал-ма’ад» («Книга восхождения») в одном томе;
20. «Китаб-ал-мабда ва-л-ма’ад» («Книга нисхождения и восхождения») в одном томе;
21. «Китаб-ал-мубахисат» («Книга споров») в одном томе.

Кроме этого Джузджани перечисляет ещё 20 трактатов, а также несколько книг-комментариев, составленных мыслителем в качестве приложений к основным его трудам.

Следует здесь указать ещё несколько сочинений Авиценны, которые отсутствуют в приведённом списке. Прежде всего — это *«Книга знания»* («ал-Китаб-ул-Алаи»), известная также под названием *«Даниш-намэ»* — самое крупное философское произведение Ибн Сины, написанное им на родном языке фарси, включающая в себя разделы логики, метафизики и физики; а также медицинско-дидактический труд в стихах *«Поэма о медицине»* (свободный перевод от «Урджуса фи-т-тибб»), где излагаются основные принципы медицинской науки. Здесь автор уделяет большое внимание предотвращению болезней, даёт советы, которые не потеряли значимости и в наше время, пишет о гигиене, еде, об обращении с больными, обращается к вопросам диагностики. Так, около 10 стихотворных фрагментов поэмы посвящены пульсу, а вот и пример:

Пульс равномерный, чёткий — вот основа
Того, что сердце молодо, здорово.
Вмиг вызывает пульса колебанье
Болезнь любая или недомоганье.
По нарушению сердцебиенья
Недуг распознаётся без сомненья.

Названную поэму Ибн Сина написал будучи ещё в очень молодом возрасте, но в ней поражает, прежде всего то, что поэтический дар юноши

¹ Возможный перевод: «Некоторые положения философии озарения».

соединился здесь с уже вполне зрелыми и системными знаниями опытного врача-практика.

В научных источниках встречаются различные сведения о количестве сочинений Авиценны, причём значения, приводимые разными авторами очень сильно разнятся. Бейхаки (1935) полагает, что Ибн Сина написал всего 38 произведений; по Ибн-ул Кифти (1903) — 48; по Ибн Усайбиа (1882) — 45; по Шарафуддин Соми — 76; по Ибн Халикону — 82; по А.М. Богоутдинову (1953) — 300; по Саиду Нафиси (1333) — 456 [2, с. 395–396].

Такая большая разница в количественной оценке произведений ибн Сины между древними и современными исследователями может объясняться, на наш взгляд, различными подходами в идентификации и классификации рукописей мыслителя. Ведь один и тот же текст можно с равным успехом относить как к одному произведению, так и считать отдельные структурированные части одного и того же текста за самостоятельные произведения, а древность текстов усложняет процесс их идентификации. Кроме того, часть текстов была утеряна как при жизни автора, так и в течение последующих веков. Так, например, известно, что в 1000–1001 гг., будучи ещё в Бухаре, Ибн Сина написал свои первые крупные труды по философии и этике — «Собрание» («Аль-Маджмуъ»); «Итог и результат» («ал-Хасил ва-л-Махсул») в 20-ти главах, а также «Книгу благодеяния и греха» («Китаб-ул-бирр ва-л-исм»); однако эти труды до наших дней не сохранились [7, с. 23].

А.В. Сагадеев полагает наиболее реальным и правдоподобным библиографический список трудов Авиценны, составленный Г.Ш. Анавати и насчитывающий 276 названий [19] но при этом отмечает следующие трудности в определении конкретного числа сочинений Авиценны: «Дело в том, что многие произведения философа безвозвратно утрачены, а попытки составить перечень его работ по одним их названиям сталкиваются с большими трудностями: одни и те же сочинения часто фигурируют под разными названиями, либо, напротив, под одним и тем же названием скрываются разные произведения. Иногда же обе эти трудности возникают одновременно — например, существует, по меньшей мере, три разных сочинения с одинаковым названием “О душе”, и при этом одно из них выступает также под названием «Исследование о душевных силах», а другое — под названием “Десять глав”. Некоторые трактаты к тому же оказываются извлечениями из других произведений. <...> Мы встречаемся, например, и с трудами, написанными Ибн Синой собственноручно,

и с работами, продиктованными им ученикам, и с ответами на чьи-то вопросы, изложенными в письменной форме самим философом, и с устными ответами, записанными его собеседником, и с записями проводившихся им дискуссий, и с его идеями, воспроизведёнными другими авторами по воспоминаниям о беседах с ним, и с сочинениями созданными его учеником на основе как личных бесед с учителем, так и собственного толкования его произведений...» [там же, с. 32–33].

Таким образом, количественная оценка трудов Ибн Сины в любом случае будет иметь приближённо-гипотетический характер. Однако, это не самое главное. Главное же заключается в том, что если бы Ибн Сина написал *лишь только одно своё сочинение* — «Канон медицинской науки» («Китаб ал-канун фи-т-тибб»), то этого с избытком хватило бы, чтобы назвать нашего мыслителя *именем Гения*.

«Канон медицинской науки»

Первый перевод *Канона* на латинский язык относится к XII веку и принадлежит Герарду Кремонскому [2, с. 396]. Вплоть до второй половины XVII века *Канон* был настольной книгой врачей и служил учебным пособием по медицине практически во всех европейских университетах. «Сотни лет врачи всех стран учились по этой книге, равнялись на неё, пользовались ею как неисчерпаемым источником знаний. *Канон* учил пониманию того, что такое болезнь, здоровье, медицинское искусство. По *Канону* учились не только распознаванию, лечению и предупреждению болезней, но и теории медицины, самому подходу к больному человеку» [17, с. XLIII]

Книга огромна не только по своему теоретическому и практическому значению, но и по объёму — латинское издание 1654 года насчитывает более 1200 страниц убогистого текста [там же, с. XLV]. Первое печатное издание *Канона* было осуществлено в 1473 году в Милане, а в 1593 году в *типографии Медичи* Вечного города *Рима* был издан его арабский первоисточник. Самый полный перевод *Канона* на латинский язык принадлежит Племию. Его издали в университетском городе *Лувене* в 1658 году. В XV веке *Канон* держал 16 печатных изданий, причём, одно из них на древнееврейском языке, в XVI веке он переиздавался 20 раз, и ещё несколько изданий было осуществлено в XVII веке. При этом существовали также бесчисленные комментарии к нему на латыни, древнееврейском и др. языках [16, с. 59]. Первый перевод *Канона* на русский язык был подготовлен

и издан Институтом востоковедения Академии Наук Узбекской ССР в Ташкенте в 1954–1961 годах в пяти книгах, каждая из которых объёмом 45,0 ÷ 60,0 п.л.

Цель своего труда Ибн Сина формулирует в *Предисловии* к нему: «...один из моих преданных друзей, которому я обязан помогать, насколько позволяют мои способности, попросил меня составить книгу о врачевании, содержащую общие и частные законы медицины, в коей подробность толкования соединились бы с немногословием и должная ясность изложения большинства вопросов стояла бы наряду с краткостью» [4, с. 1].

Далее, здесь же в *Предисловии*, автор определяет свой подход к построению содержания *Канона*: от общего — к частному, и, наконец, определяет полное содержание и структуру своего грандиозного труда: «Теперь же я составляю эту Книгу [Канон] и разделю её на пять книг таким образом:

«*Книга первая*: об общих вопросах врачебной науки. *Книга вторая*: о простых лекарствах. *Книга третья*: об отдельных заболеваниях, внешних и внутренних, поражающих различные органы человека от темени до стопы. *Книга четвёртая*: об отдельных заболеваниях, которые, возникая, не ограничиваются каким-либо одним органом, и о предании красоты. *Книга пятая*: о составлении лекарств, то есть фармакопее. В первой книге четыре части. Часть первая — об определении понятия медицины и о естественных явлениях, составляющих предмет этой науки. Часть вторая — о болезнях, об [их] общих причинах и проявлениях. Часть третья — о сохранении здоровья. Часть четвёртая — об общих способах лечения» [там же, с. 2].

Задача, поставленная *мыслителем-исследователем-практиком*, была выполнена сполна. Все пять книг были написаны и составили важнейший этап в развитии всемирной медицинской науки, сохраняя практически в течение семи веков пальму первенства среди других трудов по медицине, написанных иными авторами. Более того, из разделов *Канона*, касающиеся как поправки и возвращения здоровья, так и его профилактики, до сих пор, несмотря на прошедшие десять веков, не утратили своего значения. Причём, автор выбрал такую удачную форму подачи материала, напоминающую систему пчелиных сот, где каждый фрагмент — это законченная часть целого, что и сегодня этот труд читается легко, свободно, без напряжения, привлекает внимание читателя и вызывает самый живой интерес.

Сохранение творческого наследия Авиценны в его нынешней актуальности и действительности, имеет место в той связи, что великий врачеватель ставил себе не частно-специальную,

а *фундаментальную задачу*: «...познать состояние тела человека, поскольку оно здорово или утратит здоровье и вернуть его, если оно утрачено» [там же, с. 5]. При этом, главный *принцип* Авиценны как теоретика медицины и как практика врачевания — это *принцип детерминизма*: «Медицина рассматривает тело человека, поскольку оно здорово или утрачивает здоровье. Познание всякой вещи, если она возникает, достигается и бывает совершенным через познание её причин, если они имеются; поэтому в медицине следует знать причины здоровья и болезни. Причины эти бывают явные, а бывают и скрытые, постигаемые не чувством, а умозаключением на основании проявлений; поэтому в медицине необходимо также знать и явления, которые происходят при здоровье и при болезни. В истинных науках¹ изъяснено, что познание вещи приобретается через познание её причин и начал, если они ей присущи, а если их нет, то через познание её случайных и обязательных существенных признаков» [там же, с. 6].

В этом произведении уникально всё без исключения. Обращает на себя внимание не только фундаментальность и глубина содержания, но и стиль подачи материала — системность указаний и наставлений определяет его целостность, что выгодно отличает этот труд от сочинений предшественников, лишённых монолитности *Канона*: «От греков мы имеем, — пишет Г. Лей, — лишь сборники, фрагменты, компиляции. “Канон” — произведение, отлитое из одного куска» [15, с. 16].

Современные авторы А. Иванов и Н. Латыпов (2018), работавшие над переводом *Канона*, обратили внимание на поразительное сходство писательского стиля Авиценны и стиля подачи материала другим гениальным автором — И. Кеплером, который (по G. Holton) «позволяет себе быть настолько очарованным красотой и многообразием мира в целом, что уже не может постоянно ограничивать своё внимание только теми проблемами, которые действительно могут быть решены... Обладая богатым воображением он часто проводит аналогии из жизни — удивительные или самые обычные» [25, р. 18]. Эти слова в полной мере «можно отнести и к Авиценне, который время от времени проводит интересные сравнения из жизни, даже порой немного поэтизируя повествование» [13], а порой отсылает читателя и к воспоминаниям своего детства, и к результатам самонаблюдения и самоанализа.

Такие особенности стиля не только подогревают живой интерес читателя и благотворно влияют

¹ Т.е., науках философских.

на освоение материала, но и заставляют читателя ставить себе вопросы, задумываться и размышлять. Именно этим последним *труды истинного мыслителя* отличаются от сочинений множества других авторов, прочитав которые тут же забываешь не только о том, о чём же ты читал, но и об имени этого автора. Кроме того такое чтение очень вредит духовному и нравственному здоровью. Вновь на память приходят слова Микеланджело Буонарроти о том, что лучше читать Авиценну и Галена, чем кого-либо другого... И эти слова великого художника и скульптора эпохи итальянского Возрождения применимы не только к Авиценне, но и вообще к любому *гениальному автору-мыслителю*, чтение которых духовно облагораживает человека.

Нравственная философия в трудах Авиценны

Значительный вклад Авиценна внёс в развитие этики, основы которой изложены в его трактатах: «*Об этике*» («ар-Рисала фи-л-ахлак»), «*Благочестие и грех*» («Ал-Бирр ва-л-исм»), «*Наука об этике*» («Илм ал-ахлак»), а также представлены некоторыми экскурсами на эту тему в «*Книге исцеления*» («Китаб баш-Шифа»). Как следует из названных сочинений, человек по природе наделён стремлением к благу, в идеале — к *Абсолютному высшему благу*; поэтому главная *жизненная и нравственная задача человека* в его непрекращающемся *совершенствовании и познании необходимо-сущего — Истины — Бога*, который по Авиценне, есть *совершеннейшее нравственное совершенство*. И потому, «Бог, как существо нравственно совершенное становится олицетворённым законом нравственности» [20, с. 11–12], и, соответственно, конечной целью духовного развития человека.

В своей нравственной философии Ибн Сина выступает не только как проницательный теоретик, но и как умудрённый житейским опытом практик. Важную часть творчества Авиценны составляли «импровизированные уроки нравственности», которые можно встретить не только собственно в произведениях, посвящённых этике, но и других его философских и медицинских трудах. При этом мыслитель выстраивает «образ личности» человека, обращаясь к его поступкам и его отношению к жизненным ценностям. Замечательный пример такого *урока нравственности*, выстроенного в форме диалектического диалога, мы встречаем в его трактате «*Фирузнома*»:

Спросил: Что лучше всего делать в молодости, а что — под старость?

Сказал: В молодости приобретать знания, а в старости их применять.

Спросил: Что унижает человека перед людьми?

Сказал: Рассказ о своих способностях.

Спросил: От чего зависит успех в делах — от упорства нашего или предопределения судьбы?

Сказал: Упорство наше — есть причина предопределения.

Спросил: Кто самый щедрый?

Сказал: Тот, кто, одарив кого-то, радуется.

Спросил: Может ли добродетель превратиться в порок?

Сказал: Когда, совершив добро, упрекают.

Спросил: Что украшает знания?

Сказал: Правдивость.

Спросил: Какой порок самый вредный?

Сказал: Тот, что скрыт.

Спросил: Какое время в жизни считается потерянным?

Сказал: То, когда человек мог совершить добро, но не совершил его.

Спросил: Какое повеление нельзя оставить без внимания?

Сказал: Повеление сердца, мудрецов и родителей.

Спросил: Что это за такие семена, которые сеешь в одном месте, а собираешь в других местах?

Сказал: Это добро, которое делаешь добрым и разумным людям.

Спросил: Кто в этом мире самый несчастный?

Сказал: Нищий духом.

Спросил: Что следует делать, чтобы избежать помощи врача?

Сказал: Мало есть и меньше говорить, спать в меру и не общаться с каждым.

Спросил: Кто самый мудрый среди людей?

Сказал: Тот, кто много знает и мало говорит.

Спросил: С чем связана неудача?

Сказал: С поспешностью.

Спросил: Что губит благородство?

Сказал: Жадность.

Спросил: Что лучше всего в этом мире?

Сказал: Скромность без унижения, великодушие не из-за наград.

Спросил: Что составляет основу скромности?

Сказал: Чистосердечность, уступить место людям моложе себя и ровесникам и отказаться от лицемерия.

Спросил: От каких недостатков нельзя избавиться, хотя вначале они кажутся незначительными?

Сказал: Шутовство, сквернословие

и безалаберное отношение к делам.

Спросил: Что дает добрую жизнь?

Сказал: Три вещи — воздержанность, терпение и непритязательность.

Спросил: Кто в этом мире самый чуждый?

Сказал: Невежда.

Спросил: Отчего возникает раскаяние у мудрецов?

Сказал: От поспешности в работе.

Спросил: Есть ли такая вещь, которую мы никогда сполна не сможем обрести?

Сказал: Их четыре — здоровье, правда, счастье и искренний друг [6, с. 172–177].

«Трактат о любви»

В творческом наследии Авиценны обращает на себя внимание такое исключительно оригинальное произведение, как *«Трактат о любви»*, где мыслитель представляет любовь как естественный и необходимый порядок бытия любой «индивидуальной субстанции», тем самым *придавая любви онтологический смысл*. Автор рассматривает любовь как *всеобщий принцип*, проистекающий из «индивидуальной субстанции Чистого Блага». И, соответственно, наделяет любовью «каждую индивидуальную субстанцию», «неживые простые субстанции», все существующие вещи, «животные субстанции», «божественные души». Именно благодаря человеческой любви происходит восхождение души до уровня божественной любви и происходит единение человека с божеством. Причём, на противоположном от любви полюсе Авиценна размещает «всякое зло», проистекающее и, соответственно, связанное «с первоматерией и небытием» [22, с. 48].

В *«Трактате о любви»* Ибн Сина впервые представляет стройную картину мира не через эманацию, а через концепцию теофаний — «самопроявлений божественного начала» [19, с. 65]: «Бог через Любовь к человеку проявляет свою великую Красоту, человек же через Любовь к Красоте поднимается самосовершенствованием до единения с Богом» [21, с. 401]. Ибн Сина рассматривает любовь «...в качестве космического феномена, пронизывающего собой всё пространство мироздания: все эти природные и космические субстанции, от образованных из первичных элементов до высших субстанций абсолютного духа, — все они в какой-то мере сопричастны воздействию любви» [18, с. 44].

С точки зрения американского учёного А. Деноми (1947) мистическая философия Ибн Сины, изложенная им в *«Трактате о любви»*

оказала своё влияние на поэзию европейских трубадуров, а через них на Данте. В свою очередь, немецкий учёный Г. фон Грюнебаум считает огромным философским открытием Ибн Сины установление им иерархической гармонии высших и низших частей души. «Нравственный долг Ибн Сины, — пишет фон Грюнебаум, — не подавление низших (животных) частей души, а слияние их с высшими в борьбе души за своё высшее совершенство» [цит. по 21, с. 402]. А источником указанного восхождения души от низших ступеней к ступеням высшим является ни что иное, как любовь.

Первый раздел *Трактата*, озаглавленный «О силе любви, текущей в каждой индивидуальной субстанции», посвящён обоснованию следующего тезиса произведения, сформулированном автором уже в первом абзаце: «...истинные существующие вещи являются либо такими, которые предрасположены к крайнему совершенству, либо такими, которые можно характеризовать как колеблющиеся между недостатком, чем либо вызванным, и совершенством, существующим от природы. Стало быть, существующие вещи в совокупности своей не свободны от некоей связи с совершенством, и их связь с ним сопровождается врождённой любовью и вождением к тому, что может соединить его с его совершенством» [22, с. 48].

Выводом из первого раздела трактата звучат следующие слова автора: «...у всех существующих вещей либо любовь является причиной их бытия, либо любовь и бытие в них тождественны. Очевидно, следовательно, что ни одна индивидуальная субстанция не лишена любви...» [там же, с. 50]. Поскольку, по Авиценне, любовь есть всеобщий принцип определяющий существование, постольку бытие любой вещи невозможно в отсутствии любви. Это и есть главная идея мыслителя, которую он последовательно проводит через весь свой озаглавленный труд.

Можно сожалеть, что Авиценна в то своё время ещё не мог знать закона всемирного тяготения, открытого Ньютоном, ведь этот закон, если хорошенько вдуматься, с точки зрения учения Авиценны о любви, мог бы служить не просто весомым аргументом, но и настоящим натурфилософским доказательством в пользу правомерности всех тех представлений о любви, которые великий мыслитель и провидец высказывал в своём *«Трактате о любви»*. Ведь Ибн Сина, по сути, рассматривает любовь как *взаимное притяжение, тяготение*: «...все существующие вещи, управляемые высшим принципом, обладают естественным вождением и врождённой любовью» [там же, с. 48].

В целом, рассуждения Авиценны в «Трактате о любви» можно подытожить следующим образом: всё существующее обладает любовью, исходящей из высшего, вершинного, божественного порядка бытия, причём, даже самое низшее из существующего, закономерно, посредством любви, стремится к совершенству. «Каждая индивидуальная субстанция, — настаивает Авиценна, — управляемая [Аллахом] от природы стремится к своему совершенству» [там же, с. 47], причём, без любви любящая вещь проваливается в небытие, с которым связано «всякое зло».

Для Авиценны понятия добра и зла не только выражают нравственно-этические взаимоотношения индивидов. Наш мыслитель рассматривает категории добра и зла в онтологическом смысле, отождествляя добро с бытием, существованием, а зло — с небытием: «...основа зла есть небытие» [2, с. 167] Если *добро* для Авиценны — это то, что достигает особого совершенства и связано с естественным порядком бытия, то *зло* — это то, что «достигло крайности недостатка», диаметрально противоположного совершенству, и «имеет своей целью достижение абсолютного небытия и исчезновение всех своих связей» [22, с. 48].

Таким образом, любовь, по Авиценне, освещена светом божественной благодати, она обеспечивает целостность бытия всем живым существам и неживым предметам и является врождённым источником духовного стремления человека к совершенству. Говоря иначе, *любовь* выступает у Авиценны в качестве *всеобщего принципа, универсальной идеи*, имеющей источником «*необходимо-сущее*», то есть Бога.

Эпитафия

Опираясь на *Жизнеописание* Ибн Сины, оставленное Джусджани, и на другие исторические источники [9], последние годы жизни Ибн Сины видятся следующим образом. В 1030 г. Абу Сахл Хамадуни — наместник султана Масуда Газневидского напал на город *Исфахан*, захватил его и подверг ограблению, «...воины разграбили имущество аш-Шейха», уничтожив при этом многие произведения, трактаты и воспоминания мыслителя. Сам же Ибн Сина вместе с Ала ад-Даулой бежал из Исфахана. Оставшуюся жизнь Ибн Сина

находился при Ала ад-Даула и повсюду сопровождал его. «...Ала-уд-Даула отправился в Хамадан и аш-Шейх поехал с ним. В пути возвратилась к нему болезнь, так что, он уже знал, что силы его истощились и, что их не хватит ему для устранения болезни. Он перестал заниматься своим лечением и стал поговаривать: "Тот, кто управлял моим телом, стал бессилён управлять им, и теперь лечение не принесёт пользы". В таком (состоянии) он пребывал ещё несколько дней, а затем перенёсся к господину своему» [1, с. 66]. Это случилось в день Пятницы первой недели рамазана 428 года (24 июня 1037 г.).

«Всё, что было у него... он раздал бедным, отпустил своих рабов на свободу и, как сообщают источники, умирая в полном сознании, прочёл стихи:

Мы умираем и с собой уносим лишь одно:
Сознание, что мы ничего не узнали» [17, с. XXVI].

Народное предание гласит, что почувствовав приближение смерти, Ибн Сина решил сразиться с нею. Он приготовил сорок особых снадобий в сорока особых сосудах и, призвав своего ученика, повелел ему испытать их на своём бездыханном теле, взяв с ученика слово, что тот применит все эти снадобья в строгой последовательности.

Когда Ибн Сина умер, ученик приступил к исполнению воли учителя. Каждое из лекарств имело чудесное действие, ясно видимое в изменениях, которые они производили на теле умершего. Постепенно, после применения каждого из снадобий, тело Ибн Сины теряло старческую дряблость, молодело, приобретало живительную гибкость.

Ученику осталось применить лишь последнее лекарство. Но изменения, которые происходили на его глазах, — превращение старческого тела в тело прекрасного юноши, — показались ученику столь чудесными и необычными, столь поразили и взволновали его, что он не смог справиться с охватившим его волнением. Последний сосуд с чудесным составом выскользнул из рук ученика и разбился...

Однако, *сосуд мудрости*, наполняемый мыслителем в течение всей его бурной до необычности творческой жизни, остаётся таким же чистым и благоуханным и до сего дня сохраняет свою неувядающую жизненную свежесть...

Список литературы

1. *Абу Али ибн Сина*. Жизнеописание // Абу Али ибн Сина. Избранные произведения: т. I. — Душанбе: Ирфон, 1980. — С.55–66.
2. *Абу Али Ибн Сина*. Избранные произведения. Том первый. — Душанбе: Издательство «Ирфон», 1980.
3. *Абу Али Ибн Сина*. Избранные философские труды. — М.: Издательство «Наука», 1980.
4. *Абу Али ибн Сина (Авиценна)*. Канон врачебной науки. Книга I. — Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1954.
5. *Абу Али ибн Сина*. Об образовании гор и минералов // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX-XIV вв. М.: Изд. Социально-экономической литературы, 1961.
6. *Абу Али Ибн Сина*. Фирузнома // Нуралиев Ю. Медицинские трактаты Авиценны. — Душанбе, 1982. — С.172–177.
7. *Баратов М.Б.* Великий учёный-энциклопедист и мыслитель Востока // Общественные науки в Узбекистане. — 1979. — № 2. — С.23–29.
8. *Болтаев М.Н.* Абу Али ибн Сина — великий мыслитель, учёный энциклопедист средневекового Востока. — М.: Сампо, 2002. — 400 с.
9. Гавхарит Худжатул-хакк, Тегеран, 1954.
10. *Грибоедов А.С.* Избранное. — М.: «Художественная литература», 1978.
11. Грибоедов в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1929.
12. *Ибн Сина*. Избранное: Пер с арабского и таджикско-персидского. — Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1981. — 112 с.
13. *Иванов А., Латыпов Н.* Авиценна. Канон биохакинга. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2018.
14. *Кедров Б.М.* О теории научного открытия // Научное творчество / Под ред: С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского. — М.: Издательство «НАУКА», 1969. — С. 23–94.
15. *Лей Г.* Очерки истории средневекового материализма. М., 1962.
16. *Монтгомери Уотт У.* Влияние ислама на средневековую Европу. — М.: Издательство «Наука», 1976.
17. *Петров Б.Д.* Ибн Сина — творец «Канона» // Абу Али ибн Сина. (Авиценна). Канон врачебной науки. Кн. 1. — Ташкент: Издательство Академии наук Узбекской ССР, 1954. — С. XI.
18. *Рахимов М.Х.* Антропология Абу Али ибн Сины (Авиценны). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора философских наук (09.00.03 — история философии). — Душанбе: Тадж. гос. мед. университет, 2005. — 50 с.
19. *Сагадеев А.В.* Ибн-Сина (Авиценна). М. «Наука», 1980.
20. *Садыков Р.Г.* Человек и мир в философии Ибн Сины. СПб., 2000.
21. *Салдадзе Л.Г.* Ибн Сина (Авиценна): Страницы великой жизни. — Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1985. — 464 с.
22. *Серебряков С.Б.* Трактат ибн Сины (Авиценны) о любви. — Тбилиси: Мецниереба, 1976.
23. *Чернов С.В.* История гениальности в России. Книга первая: Университет всея Руси. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального образования, 2017. — 422 с. — (Серия «Ломоносовский проект»).
24. *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия / Пер. с нем.; Под ред. А. Чанышева. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 2001. — 352 с.
25. *Holton G.* Thematic Origins of Scientific Thought. Kepler to Einstein. Cambridge, Mass., 1973.

ПРИЗВАННЫЕ К ТВОРЧЕСТВУ

Н.М. Чернова

НЕИСТОВЫЙ ГЕНИЙ БАЛЬЗАКА

Аннотация. Давным-давно я читала книгу Стефана Цвейга «Бальзак». Очень впечатлило. Даже как-то запало в душу. О гении Бальзака я тогда и не задумывалась. Прочитав очерк С.В. Чернова о Бальзаке, который автор подготовил для своей новой монографии, я согласилась с автором. Так идти к своей цели мог только гений! Его пример — другим наука. И сразу строки родились: Прочитала очерк о Бальзаке, И сказала автору я так — Поучаствовать хочу в словесной «драке»: Очень мне понравился Бальзак. Он достоин, чтоб его читали, И достоин всем трудом своим — Многое вы в жизни потеряли, Если вы не восхищались им... И ниже приводится итог моих поэтических размышлений.

Ключевые слова: гений, Бальзак, безмерный труд, без усталости вперёд, поиски Абсолюта, жажда творчества, воля к гениальности, свершения, Бальзак-человек, художник-гений.

N.M. Chernova

FURIOUS GENIUS OF BALZAC

Summary. Once upon a time I read Stefan Zweig's book about Balzac. Very impressed. Sunk into the soul. Then I did not think about the genius of Balzac. I have read the essay by S. V. Chernov about Balzac, which the author prepared for his new monograph, and agreed with him. So only genius could go to his goal! His example is science for other. And immediately the lines were born: I read an essay about Balzac, And I said to the author like that — I want to participate in a verbal «fight»: I really liked Balzac. He is worthy of being read, And is worthy of all his hard work — You have lost a lot in your life, If you did not admire him ... And the result of my poetic thoughts is given below.

Keywords: genius, Balzac, immense work, tirelessly forward, the search for the Absolute, the thirst for creativity, the will to genius, accomplishment, Balzac-man, artist-genius.

Быстро скользит по бумаге
Острое птичье перо,
Свечи сгорели, оплыли,
Двум только вот повезло.

Не замечает рассвета,
Не замечает часов.
Растёт и растёт всё стопка,
Исписанных им, листов.

Скорее, скорее, скорее...
Без усталости всё вперёд...
Так быстро никто не пишет!
И стопка листов всё растёт.

Безмерный и неустанный,
Без передышек труд:
Писать, исправлять, переделывать...
А стопки растут и растут.

Писать! День и ночь писать! —
Только бы не уснуть! —
Сила и жажда творчества
Освещают Бальзаку путь.

В поисках Абсолюта
С пути свернуть не дадут
Воля его к гениальности
И непомерный труд.

Искать, открывать, исследовать,
Преображать, созидать,
Перо годами оттачивать —
И миру гения дать!..

В своих заслужил свершениях
Бальзак-человек и художник-гений
Безмерного преклонения
Грядущих за ним поколений.

ТЕМА ГЕНИАЛЬНОСТИ В ПРОСВЕЩЕНИИ: ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ТАЙНА ГЕНИЯ — ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА»

Н.Г.Герасимов

ГЕНЕЗИС ГЕНИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу прошедших в 2019 году в городе Подольске публичных лекций профессора Сергея Васильевича Чернова, в основу которых были положены результаты фундаментального исследования автором явления гениальности. Название статьи достаточно точно отражает характер плодов работы профессора, ведь ему удалось наглядно осветить ключевые вопросы зарождения, происхождения, становления гениальности с яркими примерами и убедительными доказательствами, а также доступно передать суть исследований слушателям. Стоит особо отметить, что труды исследователя вовсе не являются добычей бесполезных архаичных истин, как может на первый взгляд показаться избалованному массовой культурой скучающему читателю или слушателю. Напротив, исследование являет на свет настолько злободневные проблемы и перекосы нравственности, духовности и образования, что делает научные и творческие усилия С.В. Чернова остроактуальными в исторической перспективе на многие годы вперёд.

Вдохновляясь результатами многолетних исследований профессора и учитывая острую социальную проблематику, в настоящей статье высказываются мысли по возрождению и совершенствованию отечественного образования.

Ключевые слова: гении и гениальность, С.В. Чернов, исследование гениальности, авторский цикл лекций, идеалы, ложные ориентиры, общество, молодёжь, переоценка ценностей, образование.

N.G. Gerasimov

GENESIS OF GENIUS

Summary. The article is devoted to the analysis of the public lectures of Professor Sergei V. Chernov in 2019 in the city of Podolsk, based on the results of a fundamental study by the author of the phenomenon of genius. The title of the article accurately reflects the nature of the fruits of the professor's work, because he was able to visually highlight the key issues of the origin and formation of genius with vivid examples and convincing evidence, and it is also possible to convey the essence of research to listeners. It is worth noting that the works of the researcher are not at all prey to useless archaic truths, as a bored reader or listener might seem at first glance spoiled by mass culture. On the contrary, research brings to light so urgent problems and distortions of morality, spirituality and education, which makes scientific and creative efforts of S. V. Chernov urgent in the historical perspective for many years to come.

Inspired by the results of many years of research by the professor and given the acute social issues, this article expresses thoughts on the revival and improvement of domestic education.

Key words: geniuses and genius, S. V. Chernov, the study of genius, the author's cycle of lectures, ideals, false guidelines, society, youth, reappraisal of values, education.

Чем всю жизнь проклиная темноту,
лучше зажечь маленькую свечку.

Конфуций

С марта по июнь 2019 года на базе Музея-усадьбы Ивановское города Подольска профессор Сергей Васильевич Чернов представил авторский цикл лекций **«Тайна гения — тайна человека: парадоксы гениальности»**.

Мало кого великие тайны оставляют равнодушными, и загадка гениальности не является исключением. Многие из нас задумывались: *«Могу ли я стать гением?»*. Но мало кто проникал в суть понятия «гениальность», анализировал её источники, принципы и атрибуты. Не каждый внимательно проследил жизненный путь гениальных людей прошедших столетий.

Загадка гениальности вне времени, вне политики. Умирают и рождаются культуры, но эта тайна продолжает волновать и притягивать пытливые умы всех возрастов. Возможно, именно поэтому каминный зал музея-усадьбы из лекции в лекцию объединял в своих стенах совершенно разных слушателей: студент юридического факультета, гештальт-терапевт, свадебный фотограф, сотрудник музея-усадьбы, журналист, педагог на заслуженной пенсии и многих других. Можно было наблюдать редкий пример одновременного вдумчивого интереса столь разновозрастных, непохожих людей. А интерес этот был вполне закономерен и объясним. С.В. Чернов ярко и увлекательно представил вниманию слушателей свой авторский курс лекций, посвящённый гениальности. Оригинальный, глубокий и поистине интересный!

Напутствием автора в преддверии первой вводной лекции прозвучало: «Гениальность — это не простое понятие. Его нельзя объяснить в двух словах. Его нужно раскрывать. Его нужно объяснять. Его нужно содержательно показывать».

И это, несомненно, удалось! Посещение цикла лекций живо и доступно приблизило слушателей к пониманию и осознанию феномена Гения... И вот почему это стало возможным.

Во-первых, причина в самой личности профессора С.В. Чернова. На каждой лекции он являл пример потрясающего ораторского искусства. Вдохновенная и искусная речь, убедительные аргументы, очень точно подобранные цитаты великих, отлично дополняющая выступление демонстрация слайдов — слушать профессора хотелось дольше регламентированных трёх академических часов. Хотя и в этом временном ограничении вновь проявлялась мудрость лектора, ведь за это время

концентрация и фокус внимания слушателей ни капли не терялись. В конце лекции, получив ответы на свои вопросы (стоит сказать, что профессор отвечал на абсолютно все вопросы слушателей), я уходил вдохновлённый и с новыми силами! Далеко не всегда моё высшее учебное заведение дарило такие увлекательные учебные будни. На одной из лекций я выразил сожаление о том, что по стечению обстоятельств никто из приглашённых мною друзей и коллег не смог присоединиться к участию, на что профессор уверенно и с улыбкой ответил: «Даже если придёт только один слушатель — лекция состоится. Если же мои слова найдут отклик в сознании и сердце хотя бы одного ученика, то моя деятельность имеет смысл и значение». Рефлексируя, я не могу не согласиться со словами Сократа: «Все профессии от людей, и только три от Бога: Учитель, Судья и Врач». Сергей Васильевич, несомненно, получил от Бога высокую миссию Учителя!

Во-вторых, большинство того, что сегодня пишут о гениальности — это по большей части низкопробные сенсации и дилетантские расследования. Проф. С.В. Чернов же провёл действительно глубочайшее, всестороннее и объективное исследование ярчайших примеров гениальности (Св. ап. Павел [7]; Андрей Рублёв [6]; Леонардо да Винчи [там же]; Блез Паскаль [11], Бенедикт Спиноза [6, 11], М.В. Ломоносов [4, 9, 11]; Артур Шопенгауэр [1, 5, 10]; А.С. Пушкин, Оноре де Бальзак [6], Н.А. Бердяев [2, 5, 6, 8], и мн. др.), а также выявил суть явления гениальности, раскрыв его содержание и заставив слушателей пересмотреть свои взгляды. Обращение же лектора к фактам творческой жизни гениев, к их деяниям и произведениям, дали дополнительную пищу для ума, увлекли слушателей и призвали к самостоятельному исследованию. Налицо познавательный-воспитательный смысл и значение этих лекций.

Автор цикла лекций дал, на мой взгляд, одновременно оригинальное и точное определение гениальности: «Гениальность — есть созидание благого, возвышенного, прекрасного. Гений создаёт принципиально новые, оригинальные творения, порождает универсальные гениальные идеи, создаёт такие продукты индивидуальной творческой деятельности, которые со временем приобретают значение идеалов, составляют непреходящую в веках ценность и способствуют преображению человеческого духа в идеях любви, истины, красоты» [2, с. 40–41]. Это определение приближает нас к пониманию гениальности, как бы предопределяя её суть и содержание, а также заставляет по-новому

взглянуть на это понятие. А что же сегодня гениальность?

В современном значении понятия «человек гениальный», «человек великий» стали тождественны понятиям «человек известный, популярный». На первый взгляд ничего, казалось бы, страшного. Но вдруг пронзает страшное осознание того, что это трагедия современного общества, особенно молодого поколения. Нам не просто предложили альтернативу, а вероломно подменили, подбросили неверные, ложные идеалы и ориентиры. Раньше только ТВ и СМИ, а теперь уже кинематограф, театр, музыканты, актёры, художники — все «транслируют» этот обман. Безобразное выдают за великое, гениальное, творческое. Вместо ориентиров нравственных и духовных — ориентиры популярные: бесстыжие скандалисты, психически больные, алкоголе- и наркозависимые люди. Да, о них знает страна, знает весь мир. Но как произошло, что они и стали «героями нашего времени»? Они явили собой тот образ и «вершину», к которой стремятся, которой подражают. Лектор предупреждает от таких ориентиров, заставляет проанализировать и при необходимости пересмотреть их. Невольно вспоминаются слова И. Ньютона: «Мы велики не потому, что выросли, а потому, что стоим на плечах гигантов». И С.В. Чернов рассказывает нам о гигантах. О тех, кого действительно можно ставить в пример. И в какой-то момент это великое откровение. Уверен, что всем, а особенно молодым слушателям, необходимо посетить лекции уже ради одного только этого осознания.

Хорошим подспорьем может стать выбор нескольких действительно великих, достойных людей в качестве духовно-нравственного примера. Идеал — не достижим. Но постоянное стремление к нему определяет действительность нашей жизни, её характер и качество.

Проф. С.В. Чернов подтвердил, что человек есть целостное единство трёх ипостасей: телесное — душевное — духовное, которые являются как бы ступенями от низшего в высшему, но рассматривать их нужно только в неразрывном единстве — в целостном единстве начал, относящихся к различным порядкам бытия. Особо интересными мне показались последующие выводы профессора: «Через высшее можно понять низшее. Через низшее понять высшее нельзя». Следовательно, можно сказать, что эти категории соотносятся как общее и частное. То есть высшее вбирает в себя низшее, но к этому последнему не сводится, а вот низшее является как бы составляющей высшего. Этот вывод отвечает на многие вопросы и возражения слушателей о фактах порой

странного, атипичного, необычного, странного поведения и поступков гениев. Как говорили римляне: «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо». Да, в гениях проявлялось низшее, как оно имеет место быть в любом человеке. Но высшее духовное начало в них преобладало, как бы искупая всё. В нестерпимо жарком горении гениального творческого огня зёрна высокого творчества освобождаются от плевел низких побуждений.

Также не менее актуальным и полезным мне показался вывод лектора о необходимости проводить чёткую грань между понятиями «саморазвитие» и «самоутверждение». Тоже ценнейшая и полезнейшая пища для ума, особенно подрастающего. Вновь на первый взгляд понятия тождественные, идущие рука об руку. Но С.В. Чернов доказал, что это не просто разные, но и порой взаимоисключающие понятия: «Самоутверждение, как правило, происходит через материальные вещи и не имеет конца. Неутолимая жажда новинок моды и техники (автомобили, гаджеты и прочее) может настолько поглотить жизнь человека, обеспечив преобладание низшего (жажда потребления) над высшим (жажда творчества), что о саморазвитии уже и речи быть не может. Только накопление денег и мнимое увеличение социального статуса через приобретаемые материальные блага. И вновь мы обнаруживаем ложную цель». А где знания, духовность, нравственность и, хочется верить, гениальность? Только в плоскости саморазвития, что становится очевидным. А если оперировать категориями исследования Сергея Васильевича, то, например, в «воле к гениальности», что является одним из трёх её существенных признаков: воля к гениальности — творческий дар — призвание-назначение.

Обращает на себя внимание и, можно сказать, вызывает восхищение сам метод, который Сергей Васильевич использует в своих исследованиях и называет его, вслед за А.Ф. Лосевым, триадической диалектикой [10, с. 62]. Хочется отдельно остановиться на этом удивительном, носящем очень символический характер исследовательском подходе. Большинство базовых понятий в исследовании профессора составляются в следующие неразрывно-целостные триады: духовное — душевное — телесное; любовь — истина — красота; благое — возвышенное — прекрасное; гений — святой — пророк; озарение — благодать — прозрение; воля к гениальности — воля к усреднению — воля к бездарности и др. [подр. см.: 1, 2]. Эти связки-триады почти совершенны, так как какое-либо изъятие или дополнение очевидно нарушит заложенный баланс.

Настоящие мурашки пробежали по коже, когда Сергей Васильевич напомнил слушателям о сущности Любви, одного из главных понятий введённого им триединства, стоя на её страже, и искусно приводя слова Св. ап. Павла: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13: 1–8). В этом же вся мудрость жизни!

Я также полностью согласен с Сергеем Васильевичем, что Красоту и Прекрасное можно и нужно отличать от безобразного, в чём может помочь введённый лектором критерий наличия смысла. Ведь Благое — Возвышенное — Прекрасное ведут к приращению бытия, тогда как деструктивное — низкое — безобразное умаляют бытие и ведут к небытию, к меону.

По окончании курса лекций я убедился в истинности вдохновляющей мысли — в каждом в потенции заложена гениальность. Более того, по словам Сергея Васильевича: «Гениальность может проявиться и в четыре года, и в двадцать лет, и в пятьдесят, и на закате жизни». Она, являясь врождённым «компасом духовности», во многом помогает нам оставаться людьми в этом безумном современном мире. А имеющуюся у нас альтернативу прекрасно иллюстрируют слова апостола Павла: «Каждому раздаётся духовное без меры. И каждый выбирает — либо черпать из этого источника, либо закрыть его». Говоря словами лектора — либо «воля к гениальности», либо «воля к бездарности». Выбор за нами.

В лекциях проф. С.В. Чернова красной нитью проходит мысль о том, что каждый человек может проявить волю к гениальности, преодолев массу жизненных преград и препятствий, как то — меркантильные интересы, прагматический рационализм, махровый конформизм [подр. см.: 2, 3, 5, 8]. На вопрос «могу ли я стать гениальным?» вряд ли можно ответить однозначно, ведь гениальность — это категория историческая. Да, гениальность подвластна всем. Да, это тяжёлый путь. Да, этот путь требует отказа от многих и многих удовольствий. Да, лучше начинать его с «младых ногтей». Но нельзя отбирать эту надежду у человека. Именно эта надежда может привести человека если не к гениальности, как таковой, то к переосмыслению жизненного пути, что само по себе

есть величайшее благо для человека как существа духовного. А если человек станет счастливым, то и люди рядом с ними будут счастливы. И я убеждён в том, что профессор, обладая этими ценнейшими знаниями о гениальности, этой квинтэссенцией своих многолетних исследований — должен постараться, чтобы большинство людей услышали этот цикл лекций. Это несомненная ценность и польза для людей! Люди нуждаются в таких знаниях!

Новый взгляд на образование

Вдохновившись работой профессора С.В. Чернова нельзя не отметить реальной практической ценности проведённого им исследования и выводов [12], которые могут повлиять на систему сложившихся сегодня прагматических ценностей.

Ни для кого не секрет, что чем более раннее влияние оказывается на человека, тем более действенным является такое влияние. Согласно последним исследованиям, как положительные, так и отрицательные эмоции, переживания матери могут оказывать прямое воздействие на будущего ребёнка даже на самых начальных сроках беременности. В последующем с течением времени, всё более костными и менее гибкими становятся психика и интеллект. Только в голливудских фильмах воспитанный обезьянами в джунглях малыш Тарзан вырос и стал высоким, атлетичным, высоконравственным мужчиной, который взаимно влюбился в красивую девушку, женился на ней, после чего уехал с ней жить в крупный город. В действительности воспитанный обезьянами в течение нескольких лет ребёнок, если бы конечно выжил, не смог бы полноценно ходить на двух ногах, а также воспринимать и воспроизводить человеческую речь, какие бы профессионалы с ним не занимались. Этот человек был бы только биологически жив, а социально и духовно был бы мёртв.

Следовательно, образовательная система государства является не просто важнейшим, а своевременным и незаменимым этапом нравственного, духовного и физического становления детей нашего Отечества. Образовательная система должна осознавать свою ответственность за то, какое влияние она оказывает на детей, подростков, юношей в стенах своих учебных заведений. Многие называют школьные и студенческие годы золотым временем. И оно должно быть таковым! Только я бы сравнил это «золотое время» не с драгоценным металлом, а с правилом «золотого часа» реанимации,

когда есть небольшой промежуток времени, от неотложных действий в котором зависит вся дальнейшая жизнь человека — будет ли он вообще жить, а также как долго и насколько качественно. И в этот краткий миг на помощь приходят профессионалы, несущие уголовную ответственность в случае своей ошибки. А раз так много общего, то не только медицина, но и образование должно считаться не просто важным, а жизненно необходимым социальным институтом, с высшей степенью персональной ответственности за ошибки, влекущие какой-либо ущерб. При этом мне, как юристу, хорошо известно о наличии ответственности не только за преступные действия, но и за преступное бездействие, тогда как о последней категории при оценке ошибок системы образования в нашей стране вспоминать не принято.

А что же у нас принято? Ну, например, говорить «всё новое — это давно забытое старое». И хорошо бы, если бы мы в новом вновь обретали это самое проверенное, действенное, мудрое старое. Но на деле, как правило, новое всё проверенное старое отменяет без оснований. Буквально один штрих современного положения вещей на стыке, опять же, образования и медицины. Уже пару десятилетий врачи трубят о том, что малоподвижный образ жизни нас если не убивает, то точно калечит. Начинается этот процесс, как вы уже догадались, с самого детства и расцветает в школе, а после в среднем и высшем учебном заведении. Подсчитано, что в школе ребёнок (с учётом занятий и приемов пищи) может находиться в сидячем положении от 4 до 7 часов. А дома? Домашнее задание ещё на 3–4 часа. В итоге из 16 часов бодрствования ребёнок может до двух третей времени находиться в противоестественном и вредном для себя обездвиженном положении. А может, не существует никакой альтернативы? Но даже любопытный дилетант быстро найдёт труды доктора В. Ф. Базарного, много лет занимающегося исследованием данного вопроса. И он нашёл «лекарство», которое, оказывается, было давно открыто нашими мудрыми предками — конторка. Кто же любил работать за конторкой? Те самые гении, о которых упоминал С. В. Чернов! А. С. Пушкин, М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев! Петр Первый любил работать за конторкой. Известные нам писатели создавали с помощью неё свои произведения — Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов и Э. Хемингуэй. С 80-х годов XX столетия лекарство есть (конторка и методика работы), по поручению Минздрава РФ оно неоднократно проверено и одобрено многими авторитетными НИИ, рекомендовано к внедрению

во все детские сады и школы страны, но... Много ли вы видели конторок в школах и ВУЗах? В известных мне я не видел ни одной.

Какие же напрашиваются выводы? Государственный механизм очень громоздкий и неповоротливый, с ним костенеет и система образования. И это можно и нужно срочно исправлять, чутко прислушиваясь к тревожным звоночкам. Благо, о серьёзных проблемах в нашем образовании уже давно воют настоящие сирены, не услышать которые нельзя даже накрепко зажав уши, и невозможно не увидеть, даже плотно зажмурив глаза.

Стоит ли при этом говорить о важности духовного и нравственного воспитания молодого поколения? Это аксиома. Кого сегодня удивит тем, что мы являемся обществом потребления? Та же аксиома, с которой никто не поспорит. А значит, пора переходить от слов к действию. И важным шагом в период «золотых лет» обучения в общеобразовательной школе, а затем в среднем и высшем учебном заведении может стать чтение курса лекций профессора С. В. Чернова в рамках основного или дополнительного предмета. Именован предмет можно «Историей гениальности», которая нисколько не уступает предметам «Древнейшая история», «История России», «Современная история», «История правовых и политических учений» и другим. Ведь об истории наших военных достижений написано достаточно, а вот нравственных и духовных ориентиров для молодёжи явно недостаёт.

Этот пробел может прекрасно компенсировать настоящий курс лекций. Первая книга С. В. Чернова «История гениальности в России: Университет всея Руси» [4] уже издана, а в настоящее время автор работает над продолжением этих актуальных, содержательных и интереснейших монографий. Воздействие курса будет основано на простейшем принципе психологии. Можно сколько угодно поучать ребёнка, запрещать ему что-либо, но ребёнок обязательно повторит за известным ему примером. В рамках же курса С. В. Чернова слушатель может познакомиться с жизнью и творчеством гениальных людей, например, М. В. Ломоносова, что наверняка вдохновит слушателя на подобную активную, смелую, разностороннюю жизненную позицию. В свою очередь, предложенная автором лекций концепция понимания стремления подлинного гения к истинам высшего (духовного) порядка бытия и к высоким нравственным ценностям позволит ученикам (независимо от их возраста и образовательного ценза) избрать верные ориентиры и выстроить

здоровую систему жизненных приоритетов и приблизиться к пониманию истинных смыслов человеческого бытия.

Выводы

Цикл лекций С.В. Чернова *«Тайна гения — тайна человека»* действительно приоткрывает завесу тайны, приблизив нас к пониманию образа личности гения и сущности гениальности. И, самое главное, помогает задуматься над собственной жизнью, ориентирами и, возможно, произвести глубочайшую переоценку ценностей.

Посещение лекций увлекло автора настоящей статьи к дальнейшему исследованию вопросов гениальности по трудам Сергея Васильевича Чернова, которые включают в себя не только статьи в периодических изданиях, но и монографии, ссылки на которые приведены в списке литературы [1–12]. В. Маяковский писал:

Поэзия — та же добыча радия.
В грамм добыча, в год труды.
Изводишь единого слова ради
Тысячи тонн словесной руды.

Сергей Васильевич добывает для нас настоящий «философский радий». Вспоминая слова Конфуция в фабуле настоящей статьи, можно с уверенностью сказать, что проф. С.В. Чернов, осознавая «темноту, туман», которые застлали наше посткультурное общество, не пытается просто «клясть», а зажигает в этой мгле свечи творческих устремлений, воли к гениальности, духовности и нравственности наших сердец!

Несомненно, ни одна статья не сможет заменить посещения всего цикла лекций проф. С.В. Чернова, в этой связи рекомендую людям абсолютно всех профессий и возрастов найти время и возможность посетить эти лекции в полном объёме. Вы не пожалеете!

Список литературы

1. *Чернов С.В.* Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. — 2011. — № 1(28). — С. 34–44.
2. *Чернов С.В.* Идеально-смысловой критерий гениальности // Философская школа. — 2017. — № 1. — С. 32–43.
3. *Чернов С.В.* Идеи к разработке проблемы гениальности. Монография // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. — 2016. — № 7. — С. 7–96.
4. *Чернов С.В.* История гениальности в России. Книга первая: Университет всея Руси. Монография. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2017. — 422 с. — (Серия «Ломоносовский проект»).
5. *Чернов С.В.* Новый взгляд на природу гениальности // Психология и психотехника. — 2015. — № 2(77). — С. 159–174.
6. *Чернов С.В.* Образ личности гения. Искатели совершенства // Философская школа. — 2017. — № 2. — С. 72–105. DOI: 10.24411/2541-7673-2017-00020.
7. *Чернов С.В.* Образ религиозного гения-творца: Св. Апостол Павел // Философская школа. — 2019. — № 8, — С. 11–21. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10814.
8. *Чернов С.В.* О творческом назначении человека // Философия и культура. — 2011. — № 1(37). — С. 41–49.
9. *Чернов С.В.* «Самобытный сподвижник просвещения»: Опыт исследования творческого наследия М.В. Ломоносова // Педагогика и просвещение. — 2013. — № 3. — С. 202–224.
10. *Чернов С.В.* Триадиическая диалектика гениальности // Философская школа. — 2018. — № 6. — С. 61–73. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10643.
11. *Чернов С.В.* Характерология гениальности: Феномен поступка // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. — 2014. — № 3. — С. 279–323.
12. *Чернов С.В.* Человек и образование в эпоху глобальных перемен // Научные труды Института Непрерывного профессионального образования. — 2016. — № 6(6). — С. 9–20.

ТЕМА ГЕНИАЛЬНОСТИ В ПРОСВЕЩЕНИИ: ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ТАЙНА ГЕНИЯ — ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА»

С.В. Дудин, О.Г. Почекина, Н.Г. Чекрѣкчиева

ЭТО СВЕТЛОЕ ИМЯ — ГЕНИЙ

Аннотация. Статья представляет собой содержательно-смысловой анализ авторского цикла лекций профессора Сергея Васильевича Чернова «Тайна гения — тайна человека: парадоксы гениальности». Лекции проводились в Федеральном музее профессионального образования (филиал) Московского политехнического университета в г. Подольске, в Каминном зале музея-усадьбы Ивановское в марте-июне 2019 года. Содержание лекций было выстроено на результатах оригинального авторского исследования гениальности, уникальность которого определяется системным подходом, интегрирующем в себе культурно-исторические, философско-антропологические, и психолого-феноменологические подходы познания человеческого гения [напр.: 5, 6, 8]. В лекциях освещались культурно-воспитательное, философско-мировоззренческое, познавательное-просветительское значение исследования гениальности и важность проведения подобных просветительских циклов, в особенности в настоящую эпоху культурного излома. Участники встречи получили редчайшую возможность поразмышлять о высоком предназначении человека, о том, какая ответственность перед обществом и собой возлагается на людей, творчески одаренных, как важно созидать, а не разрушать, о вечных вопросах человеческого бытия, которые заставили каждого из участников лекций понять важность и значимость доверительного разговора о гениальности в наши дни. И хотя лекции носили очень серьезный философский и научный характер, лектору за счёт редкого ораторского искусства, высокого педагогического мастерства и умения владеть аудиторией, удалось донести до слушателей все те идеи необходимости духовного роста, творческого совершенствования, нравственного развития, которые непосредственно проистекают из исследований автора лекций о гениальности. В ходе лекций возникла идея об организации в городе Подольске на базе Федерального музея профессионального образования Школы Творчества, призванной стать объединением лиц, нацеленных на духовное развитие, творческий рост и нравственное совершенствование.

Ключевые слова: тайна гения, С.В. Чернов, парадоксы гениальности, творчество, образ личности гения, совершенствование личности, смысл человеческого бытия, творческий дар и назначение гения, воля к гениальности, Школа Творчества.

S. V. Dudin, O. G. Pochekina, N. G. Chekrkchieva

THIS LIGHT NAME IS A GENIUS

Summary. The article is a meaningful analysis of the author's lecture series by Professor Sergei V. Chernov "Secret of genius — secret of man: paradoxes of genius". Lectures were held at the Federal Museum of Professional Education (branch) of the Moscow Polytechnic University in Podolsk, in the Fireplace Hall of the Ivanovo Museum-Estate in March-June 2019. The content of the lectures was built on the results of an original author's study of genius, the uniqueness of which is determined by a systematic approach that integrates cultural, historical, philosophical and anthropological, and psychological and phenomenological approaches to

cognition of human genius. The lectures highlighted the cultural-educational, philosophical-worldview, cognitive-educational significance of the study of genius and the importance of conducting such educational cycles, especially in the present era of cultural breakdown [5, 6, 8]. The meeting participants received the rare opportunity to reflect on the high destiny of a person, on what responsibility to society and themselves lies with people who are gifted, how important it is to create, not destroy, about the eternal issues of human life, which made each of the participants in the lectures understand the importance and the significance of a confidential conversation about genius these days. And although the lectures were very serious philosophical and scientific in nature, the lecturer, due to his rare oratory, high pedagogical skills and ability to own an audience, managed to convey to the audience all those ideas of the need for spiritual growth, creative improvement, moral development that directly stem from the studies of the author of the lectures about genius. During the lectures, the idea arose of organizing a School of Creativity in the city of Podolsk on the basis of the Federal Museum of Professional Education, designed to become an association of individuals aimed at spiritual development, creative growth and moral improvement.

Key words: *secret of genius, S. V. Chernov, the paradoxes of genius, creativity, the image of the personality of a genius, the improvement of personality, the meaning of human life, the creative gift and purpose of genius, the will to genius, School of Creativity.*

Цикл лекций «Тайна гения — тайна человека» Сергей Васильевич Чернов начал с того, что выделил *три парадокса гениальности*.

Первый парадокс заключается в том, что *за гениальность нередко принимают то, чем она в действительности не является*.

В реальности это проявляется в следующих двух аспектах. *Первый аспект:* имя гения присваивается любому человеку, который либо имеет широкую общественную известность, либо отличается наиболее высокими достижениями в какой-либо сфере человеческой деятельности. При этом истинные гении нередко предаются забвению. Всему виной — общественная культивация успеха, которая сводится к формуле: «Если ты знаменит и успешен, то ты — гений».

К примеру, в списке «*Ста гениев современности*», опубликованном консалтинговой компанией Synestics (рейтинг сформирован на основе опроса четырёх тысяч человек, проведённого летом 2007 года в Великобритании), первую строчку занимает Альберт Хоффман (химик, Швейцария) — изобретатель сильнейшего наркотического вещества ЛСД, а третью — биржевой спекулянт Джордж Сорос (миллиардер, США). Наряду с несомненно талантливыми людьми, например Григорий Яковлевич Перельман (математик, Россия), Авраам Ноам Хомский (философ, лингвист, США), Стивен Хокинг (физик, Великобритания), в этот список были включены международный террорист Усама бен Ладен (Саудовская Аравия), американский боксёр Моххамед Али и конечно же американский миллиардер Билл Гейтс.

Лектор усомнился в том, что люди, заслужившие свою публичную известность финансовыми

спекуляциями, мордобоем, терроризмом, плутовством, миллиардными состояниями, но при этом непричастные к созданию уникальных продуктов духовной культуры, имеют какое-либо культурно-историческое будущее.

Второй аспект этого же парадокса в том, что гениальность отождествляется, смешивается или сравнивается с такими свойствами, качествами, состояниями человека, которые к гениальности никакого отношения не имеют. Один из самых ярких примеров, когда гениальность отождествляется или сопоставляется с помешательством, сумасшествием или безумием. Автор лекций обоснованно показал противоречивость этой, так называемой, психопатической теории гениальности [подр. см.: 9].

Резюмируя, лектор поставил закономерный вопрос: «Как же можно смешивать (рассматривать в единой системе понятий, отождествлять, выстраивать вероятностную зависимость) гениальность с психозом? Ведь это *полное безумие* не видеть принципиального различия между *гениальностью, как вершинной мерой духовности, и психозом, как искажённым сознанием и бредом*. Но парадокс в том, что эта *абсурдная и во многом надуманная идея о связи гениальности с помешательством* (сумасшествием, бредом, психозом) совершенно необоснованно стала не только предметом научных выводов, но и достоянием общественного сознания». Надо полагать, что работа С.В. Чернова «*О противоречиях психопатической теории гениальности*» [9] позволит, наконец, расставить правильные акценты в этой «психопатической теории гениальности».

Второй парадокс, озвученный лектором, показался слушателям ещё более парадоксальным:

гениальные люди — это самые малоспособные из всех человеческих существ.

Дело прояснилось благодаря следующим разъяснениям Сергея Васильевича: «Все люди рождаются потенциально уникальными и эта уникальность каждого рождённого индивида есть не что иное, как потенциальная гениальность. Однако, подавляющее большинство людей имеют высокую способность к природной адаптации и социализации в обществе, а это есть не что иное, как способность к усреднению, способность к растворению в массах, к деуникализации личности, а свою потенцированную гениальность реализуют лишь те люди, которые такой способностью не обладают. Таким образом, проявившиеся гении — это самые малоспособные из всех рождающихся человеческих существ — они менее всего способны к усреднению, к деуникализации своей индивидуальности. Именно поэтому гениальные люди и сохраняют свою *провиденциальную, нравственную и творческую индивидуальность*, т.е. гениальность. Но сохранить, ещё недостаточно, надобно проявить ещё и *волю к гениальности*».

Третий парадокс заключается в том, что *гениальные люди не признаются, выдавливаются на периферию общественных отношений, а в худшем случае, уничтожаются обществом, современным гению*.

Действительно, гениальные идеи, рождённые пытливым умом гения, являются одним из важнейших источников культурного развития человеческого общества, однако, именно общество является первым гонителем гениев. Гений создаёт поток творческой энергии, находящий своё выражение в творческих идеях, но чаще проходят десятилетия, а порой и века, прежде чем эти идеи найдут своё понимание и признание. Культурная среда общества, которая является главным источником его развития, не может существовать без творческих гениальных идей, но при их вбрасывании в духовно-интеллектуальную ноосферу, именно общество выступает тем мощным и порой необоримым тормозом для жизни гениальных идей. Но самое обидное в том, что множество гениальных идей, рождённых умом безвестных гениев, погибает навсегда по тем же причинам.

Личность гения не способна растворяться в массах, гений не способен разделять меркантильные интересы толпы, он очень далёк от того, чтобы следовать нормам рационального практицизма и потому массы выталкивают гения на периферию общественных отношений и тем самым надолго лишают себя возможности пользоваться плодами

его трудов. Лектор привёл много примеров. Это и Поль Гоген, закончивший жизнь в глубокой нищете, это и Джордано Бруно, сожжённый на костре инквизиции за свои убеждения, это и Лев Толстой, объявленный ересиархом, и многие-многие другие.

В завершение своей первой лекции Сергей Васильевич задаётся следующими сакраментальными вопросами:

«Разве не одухотворён сиянием гения (духа) человек, когда он обращает все свои помыслы к Богу, когда он замирает в упоении красотой солнцедышущего восхода, когда он любит плоды созидательно-творческого труда и сам, обращаясь к таким трудам — становится человеком-созидателем, когда он несёт другим людям ничего иного кроме безусловной любви и добра?»

И куда же уплывает гений (дух), когда человек подсчитывает свой доход от продажи, когда он вместо любви к ближнему, жёстко конкурирует с ним, высвобождая “место под солнцем” лишь для “себя любимого”, или когда он отдаёт на заклате своего ближнего ради сохранения собственного благополучия, или когда он отрицает Бога?

Вопрос, вопрос и ещё раз — вопрос!

Каждый человек, — резюмирует С.В. Чернов, — рождается с потенциальной личностной уникальностью, которая есть не что иное, как потенцированная, заложенная в тенденции *чистая духовность*, могущая достичь своей *вершинной меры — гениальности*.

Духовный человек (личность), проявивший волю к гениальности, принявший свой творческий дар и осознавший призвание-назначение своё как “Божью идею о каждом человеке” (Н.А. Бердяев), реализуется как гениальный человек. Тем самым человек подтверждает формулу сотворения “по образу и подобию Божию”, представленную в Библии — в Величайшей Книге всех времён и народов».

Одну из своих лекций С.В. Чернов начал со слов П.Я. Чаадаева: «Всякий человек живёт, но только человек гениальный... имеет настоящую историю». И очень прозорливо заметил, что для любого народа *история его гениальности в лице его гениальных представителей имеет первостепенную значимость для сохранения целостности и культуры этого народа*. Далее лектор познакомил слушателей со своей монографией «История гениальности в России. Книга первая: Университет вся Руси» (2017), посвящённой *Гению Ломоносова*, который своими гениальными идеями, деяниями и созидательно-творческим трудом во славу Отечества создал целую эпоху

в развитии русской науки и отечественного образования и тем самым определил *развитие русской духовной культуры* практически на два столетия вперёд [4, 10]. Более того, гениальный дух нашего Ломоносова навечно запечатлелся в ментальности российского народа. Автор рассказал слушателям, что эту книгу он писал почти десять лет и постоянно откладывал её публикацию, т.к. раз за разом чувствовал её незавершённость, потому что такая фигура как М.В. Ломоносов, несмотря на, казалось бы, множество выполненных исследований, так и остаётся ещё неразгаданной с точки зрения уникальных особенностей *гения Ломоносова*.

Автор признался, что в настоящее время продолжает работу над серией трудов по *Истории гениальности в России*, которые, по словам самого автора, призваны стать настоящей *эпопеей русского творческого духа*, того удивительного феномена — *русского гения*, который дал миру Пушкина и Тютчева, Гоголя и Толстого, Лобачевского и Менделеева, Соловьева и Бердяева, Павлова и Вернадского, и многих других гениальных людей, *составляющих настоящую, безусловную, абсолютную честь и славу своего народа*.

Сергей Васильевич постоянно задавался вопросами: «Кто же такой гений? Что же на самом деле представляет собой гениальность? В чём её сущность и назначение?», и рассматривал *идею гениальности* с разных ракурсов: с позиции *философской антропологии*, с *культурно-исторической точки зрения*, представлял *гениальность как явление*, постепенно раскрывая перед слушателями таинственные миры гениальности. Автор лекций определяет *гениальность как вершинную меру духовности* и подчёркивает, что *гений — это всегда созидатель, ищущий совершенства*, во многом определяющий духовное преображение человеческого рода. Чернов подчеркнул, что гениальный человек — это всегда и *мыслитель*, и *художник*, и *творец* в одном лице. И, если, например, к созидательно-творческой деятельности человека применимы эти три *антропологических атрибута: мыслитель, созидатель, творец*, то кем бы этот человек ни был по роду своей деятельности — поэтом, философом, проповедником, учителем, плотником, — то этот человек *заслуживает носить это светлое имя — Гений* [подр. см.: 1, 2, 5]. Но если деятельность человека не носит созидательно-творческого характера, если к нему не могут быть применены указанные антропологические атрибуты, то, несмотря на какие-либо выдающиеся достижения на каком-либо поприще (война, политика, коммерция пр.), было бы *и ошибочно и преступно*

называть этого человека именем гения. Ведь присваивая имя гения людям отнюдь не гениальным, мы тем самым дискредитируем и профанируем саму идею гениальности [подр. см.: 7]

Следует отметить, что Сергей Васильевич опирался в своих лекциях на результаты собственных оригинальных исследований гениальности, которые он в философско-историко-культуролого-психологическом контексте проводит вот уже второй десяток лет, хотя его интерес к проблемам гениальности возник ещё в 14-летнем возрасте, когда он, по его собственным словам, запоем прочитал известную книгу Стефана Цвейга «*Бальзак*» и уже тогда, в далёком детстве, у него зародилась пока ещё недостаточно осознанная, пока ещё смутная *идея быть летописцем гениальности*. Труды Сергея Васильевича, его монографии и статьи, с которыми он познакомил слушателей, отчётливо показывают, что смутная детская идея преобразовалась в созидательно-творческую деятельность проф. С.В. Чернова, которая не просто актуальна, но жизненно необходима для нашего общества, поражённого многими тяжелейшими недугами. Труды Сергея Васильевича одухотворяют слушателей, заставляют их задуматься над смыслом человеческого творчества и ещё раз очень отчётливо понять, что «не хлебом единым жив человек», и что смысл человеческого бытия заключается «не в брюхе, а в духе» (Вл.С. Соловьев).

Несмотря на то, что интерес человека к познанию гениальности имеет многовековую историю, вместе с тем гениальность представляет собой самую большую тайну человеческой природы и самой сущности человека. Автор аргументирует положение о том, что *гениальность есть вершинная мера духовности, где духовность понимается как система провиденциально-нравственно-творческих атрибутов человеческой личности*. А познание явления гениальности призвано стать «второй копернианской революцией», назначенной раскрыть тайну человека и смысла человеческого бытия.

На встречах с С.В. Черновым состоялись живые дискуссии — как оказалось, отдельные тезисы лекции вызвали потребность совместных размышлений. И это было не праздное времяпровождение, не игры ума, не обременённых заботами людей. Это было заинтересованное обсуждение вечных вопросов, которые заставляют каждого понять важность разговора о гениальности в наши дни, ибо гениальность как явление, не только направляет общество в будущее, но и призывает человека задуматься над тем, каковы его внутренние

идеалы, что он формирует в себе (совокупно — в обществе). Участники творческих встреч, благодаря лекциям проф. Чернова, получили редчайшую в наши дни возможность поразмышлять о высоком предназначении человека, о том, какую величайшую роль играет в каждой судьбе стремление к совершенствованию, как важно созидать, а не разрушать, и какая ответственность перед обществом и собой возлагается на людей творчески одарённых, так как «именно гениальность прокладывает новые пути для жизни, для культуры, для человека».

Каждая лекция вызывала много вопросов. На вопрос одного из слушателей: «Могу ли я стать гениальным?», лектор ответил следующим образом: «Воспитайте себя *творческой личностью*, подавляйте *волю к бездарности*, реализуйтесь как *творческий созидатель*, а о вашей гениальности предоставьте судить истории».

В лекциях проф. Чернова звучало множество оригинальных идей, приведём далее некоторые из них.

«Культурно-исторический анализ гениальности позволяет актуализировать познание человеческого гения для целей восстановления целостного образа человека в противовес постмодернистским тенденциям в философии, науке и искусстве, порождающим фрагментарность представлений о человеке и разрывающим на лоскуты его целостный образ».

«Поскольку человек воспитывается преимущественно на достойных подражания примерах, то изучение духовной жизни гениальных людей разных времён и народов представляет собой настоящую школу созидющего творчества и нравственного совершенствования для людей, нацеленных на саморазвитие, самовоспитание и самосовершенствование».

«Если “задача философии состоит в возможно конкретном познании идеала и указании пути к его осуществлению” (С.Н. Трубецкой), то исследование гениальности позволит обнаружить новые смыслы в постижении человека как особого рода сущего, а сама гениальность, как изначальное в своём бытии сущее, окажется ключом, отмыкающим тайну трансцендентной (божественной) природы человека».

«Человек всегда и при всяких условиях стремится к познанию истины не только в наличной действительности, но и в трансценденции, где тайна человеческого гения (его природы, его сущности, смысла его бытия), и сама *идея гениальности* занимают одно из центральных мест».

«Познавая жизнь и творчество, характеры и мотивы, идеи и труды, цели и ценности конкретных гениальных людей, и, изучая особенности их многомерной созидательной деятельности, любой причастный к этому человек приобщается к вечности, — *нравственно, интеллектуально и духовно растёт*. И самое главное — такой человек становится способен пробудить в себе дремлющее под спудом понимание своей *имманентно-трансцендентной индивидуальности* — своего *творческого дара и призвания-назначения*, которые даны человеку от момента *сотворения*».

На одной из лекций, представляя особенности созидательно-творческого ума гения, автор раскрыл *понятие гениальной идеи*, выделил её основные признаки [подр. см.: 3; 11, с. 65–66] и объяснил это на очень показательных примерах. Вот один из них. Автор представил слушателям *гениальную идею колеса*, объяснив, что в этой идее лицо синтез двух принципов: *принцип круглости* и *принцип перемещения в пространстве*. И, человек, объединив эти два принципа в единое целое, пришёл к идее колеса, которая продолжает свою жизнь вот уже много тысячелетий. Поистине, гениальные идеи бессмертны.

Не забыл здесь лектор упомянуть глубоко и искренне им любимого М.В. Ломоносова, рассказав об одном его *гениальном изобретении* — *ночезрительной трубе*, которая явилась первым в истории науки прообразом прибора ночного видения. Аналогом для этого изобретения Ломоносову послужили особенности строения глаза совы, обладающей способностью видеть в темноте. Фактически — это открытие Ломоносова было первым в истории *прообразом науки бионики*, официальное рождение которой датируется XX веком (!), т.е. более чем через два столетия после Ломоносова [4].

Анализируя итоги цикла лекций «*Тайна гения — тайна человека*», можно всё время возвращаться к услышанному и понимать, насколько значимыми и актуальными оказались эти встречи. Что же всех так захватило, что вызвало живой отклик ума, эмоций, почему тема так взволновала, заставляла размышлять, удивляться, задавать вопросы? Прежде всего, благодаря яркой личности Сергея Васильевича, сумевшего глубоко и аргументировано заинтересовать слушателей темой своего оригинального научного исследования. Акценты, расставленные учёным в понимании явления гениальности и приводимые им примеры гениальных людей в их созидающем творческом труде, позволили осознать значимость существования

в обществе гениальных людей, понять их отличительные особенности; разобраться в парадоксах гениальности, ведь гениальность как феноменальное явление в истории человеческого духа, не только направляет общество в будущее, но и призывает человека задуматься над тем, каковы его внутренние идеалы, что он формирует в себе.

Все лекции С.В. Чернова сопровождались наглядными слайдовыми материалами — схемами, таблицами, художественными иллюстрациями, что, безусловно, способствовало большей доступности в осмыслении понимания сути нового оригинального исследования гениальности и свидетельствовало о глубокой проработанности автором научного материала и сформулированных им идей. Музей осуществил видеозапись всего цикла лекций, которые хранятся в информационных фондах Музея.

На лекциях присутствовали люди разных возрастных групп, различных мировоззрений, разных профессий и разного рода занятий, однако общее отношение слушателей к лекциям проф. С.В. Чернова можно кратко выразить несколькими словами: *исключительно интересно, очень познавательно, необходимо каждому*.

Вот, например, отзыв о лекциях, данный одной из участниц — *Сенькиной Еленой Николаевной* — аналитическим психологом, директором центра ИРИС (г. Подольск): «Тема гениальности, как я слышала от Сергея Васильевича Чернова, касается каждого из нас. И это отнюдь не про славу, известность, почести и богатства. Это о том, чему мы служим в своей душе — вечным истинам любви, созидания и творчества или обслуживаем нарциссизм нашего общества. Каковы наши идеалы, какие личности ассоциируются с именем “гения”? Для чего я живу? И эти вопросы актуальны в нашей жизни как никогда. Ведь по-настоящему счастлив только тот, кто слышит и слушает зов духа и голос души. Вот поэтому нам нужно научиться находить в обыденной суете время на такие лекции и на таких лекторов. Огромное спасибо Сергею Васильевичу за пример служения Большему».

На лекциях С.В. Чернова присутствовала корреспондент «РИАМО в Подольске» Галина Добрынина. В своей статье *«Исследователь гениальности об идеале, творческом даре и божьей искре»* [15] она представляет материалы интервью, взятого ею у Сергея Васильевича Чернова, несколько фрагментов из которого мы здесь приводим.

Г.Д. — Чем вас заинтересовал Подольск?

С.В. — Мне интересен любой город, где есть заинтересованные слушатели. В Подольске они нашлись — пусть их пока немного. Но если есть

слушатели, то и мне есть что сказать им, передать те знания, которые сам приобрёл в своих исследованиях, тяжело и упорно трудясь. <...>

Г.Д. — У вас есть планы, связанные с Подольском?

С.В. — Следующим этапом я бы создал в Подольске *Школу творчества*, но не по типу художественных или музыкальных, узкоспециализированных школ, а на основе изучения опыта гениальных, талантливых, выдающихся людей, оставивших свой след в истории России и всего мира. Если мне удастся найти в Подольске заинтересованных партнёров, которые станут моей точкой опоры, то, как говорил Архимед, «мы перевернем мир».

Школа творчества актуальна для такого большого городского округа, где численность населения приближается к 400 тысячам. Если она будет создана, то станет первой в своём роде. <...>

Школа творчества для тех людей, независимо от их возраста и профессии, которые хотели бы актуализировать свою творческую индивидуальность — тот потенциал, который изначально заложен в каждом человеке. В нашей Школе творчества люди будут учиться творчески мыслить и раскрывать свой творческий дар человека-созидателя! Я вижу это как Школу для всех, кто хочет расширить границы своего сознания, кто ищет совершенства и стремится к идеалу совершенства. Если человек хочет стать созидателем и творцом, то двери Школы всегда будут ему открыты. Уникальность такой Школы будет сама создавать специфическую целевую аудиторию.

Я считаю, что сейчас наступил системный кризис в культуре, образовании, науке и нравственности. Выход из него может быть, в том числе, через познание совершенных образцов и примеров гениальности и нравственности и воспитание на этих достойных подражания примерах. Нужно обратиться к познанию феномена творческого созидания, присущего человеку, и многое станет понятным. Например, какой путь истинно разумен, творчески и нравственно обоснован, а какой может завести в бездну [15].

В завершение нашего краткого обзора лекций проф. С.В. Чернова, скажем, что его идея о создании в Подольске Школы Творчества оказалась очень интересной руководству и сотрудникам Федерального музея профессионального образования, и возникла мысль, что такая Школа может быть создана, например, на базе Музея в сотрудничестве с Институтом Непрерывного Профессионального Образования.

Ниже приводится пилотный вариант *Проекта Концепции Школы Творчества в городе Подольске*.

Проект Концепции Школы Творчества

Школа Творчества организуется в Городском округе Подольск Московской области на базе Федерального музея профессионального образования при деятельном участии Института Непрерывного Профессионального Образования в лице Ректора Института, профессора Сергея Васильевича Чернова.

Школа Творчества объединяет людей заинтересованных в личностном духовном росте и оказании содействия в этом всем своим ближним, желающих приобщиться к этому процессу.

Деятельность Школы Творчества направлена на *воспитание человека-созидателя, на развитие его творческих, нравственных и провиденциальных качеств* и опирается в этом на *универсальные идеи благого, возвышенного, прекрасного* и следует указанным ниже *принципиальным положениям*:

– воспитывать и развивать в себе и других человека-созидателя;

– активизировать творческий потенциал — свой и своих ближних, изъявивших к этому личную тягу и осознавших соответствующую необходимость;

– учиться творчеству на достойных подражания примерах — на примере людей являющих собой вершинную меру провиденциальности, нравственности и творческой;

– учиться самому и учить других;

– учиться творчески мыслить;

– осваивать науку и практику нравственного и духовного роста;

– постигать и осуществлять в своей жизни и деятельности принципы творческого созидания;

– разрабатывать и реализовывать программы творческого роста и нравственного совершенствования;

– проектировать, организовывать и проводить творческие сессии, творческие встречи, уроки творчества, творческие практикумы, тренинги духовного роста, творческие мастер-классы и другие мероприятия, соответствующие настоящей Концепции.

Список литературы

1. Чернов С.В. Гений как художник, как мыслитель, как творец // Психология и психотехника. — 2011. — № 1(28). — С. 34–44.
2. Чернов С.В. Идеально-смысловый критерий гениальности // Философская школа. — 2017. — № 1. — С. 32–43.
3. Чернов С.В. Идеи к разработке проблемы гениальности. Монография // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. — 2016. — № 7. — С. 7–96.
4. Чернов С.В. История гениальности в России. Книга первая. Университет всея Руси. Монография. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2017. — 422 с. — (Серия «Ломоносовский проект»).
5. Чернов С.В. Книга о гениальности. Т.1: Человеческий гений: Природа. Сущность Становление. Монография. — Воронеж-М.: Издательство Института духовной культуры и свободного творчества, 2010. — 562 с.
6. Чернов С.В. Новый взгляд на природу гениальности // Психология и психотехника. — 2015. — № 2(77). — С. 159–174.
7. Чернов С.В. Novum organum к вопросу об исследовании гениальности // Философская школа. — № 5. — 2018. — С. 15–37. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10523
8. Чернов С.В. Проблема гениальности в контексте философской антропологии // Философия и культура. — 2013. — № 12(72). — С. 1757–1769. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9382.
9. Чернов С.В. О противоречиях психопатической теории гениальности // Философская школа. — 2019. — № 7. — С. 11–19. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10701.
10. Чернов С.В. «Самобытный сподвижник просвещения»: Опыт исследования творческого наследия М. В. Ломоносова // Педагогика и просвещение. — 2013. — № 3. — С. 202–224.
11. Чернов С.В. Триадиическая диалектика гениальности // Философская школа. — 2018. — № 6. — С. 61–73. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10643.
12. Чернов С.В. Характерология гениальности: Феномен поступка // Научные труды Института непрерывного профессионального образования. — 2014. — № 3. — С. 279–323.
13. Цикл лекций С. В. Чернова «Тайна гения — тайна человека»: 27 апреля приглашаем на лекцию «Провиденциальность. Святость. Гениальность», сайт Федерального музея профессионального образования: <http://www.muz-prof.ru/sobytiya/n307.html>
14. Цикл лекций С. В. Чернова «Тайна гения — тайна человека»: 1 июня приглашаем на лекцию «Особость гениального ума. Что такое гениальная идея?», сайт Федерального музея профессионального образования: <http://www.muz-prof.ru/sobytiya/n324.html>
15. «Исследователь гениальности об идеале, творческом даре и Божьей искре». Интервью 26 апреля 2019 г. на РИАМО в Подольске: <https://podolskriamo.ru/article/272118/podolskriamo.ru>

ТЕМА ГЕНИАЛЬНОСТИ В ПРОСВЕЩЕНИИ: ЦИКЛ ЛЕКЦИЙ «ТАЙНА ГЕНИЯ — ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА»

Р.В. Мосолов

РАСКОЛДОВЫВАНИЕ МИРА ГЕНИАЛЬНОСТИ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой обзор цикла лекций проф. С.В. Чернова «Тайна гения — тайна человека», посвящённого проблемам изучения гениальности. С.В. Черновым предлагается вниманию научного сообщества оригинальный подход, исходящий из точки зрения, что гениальность есть явление трансцендентное, а «гениальный человек — это созидатель, ищущий совершенства». Социологически аргументирована целесообразность и актуальность появления данного цикла лекций в российском научном сообществе, особенно в областях наук, изучающих феномен гениальности. Актуальность обусловлена преобладанием среди теоретических моделей к рассмотрению гениальности биологического и генетического подходов и отсутствием трансцендентного подхода, предполагающего провидческую роль гениев в человеческой истории, в культурных и научных сферах. Научная новизна настоящей публикации состоит в том, что с помощью информационных технологий (ИТ) были собраны и типологизированы социальные представления о феномене гениальности в российском обществе на июль 2019 г. Проведён контент-анализ 100 наиболее часто набираемых запросов в «Яндексе». Выборочная совокупность единиц анализа — 10 067 запросов за месяц. Все лекции С.В. Чернова были прослушаны автором статьи в оригинальной полнообъемной видеозаписи.

Ключевые слова: гений, гениальность, обзор, цикл лекций, Сергей Васильевич Чернов, трансцендентный подход к гениальности, провидческая роль гения, информационные технологии, Яндекс Вордстат, типологизация.

R. V. Mosolov

SHOWING THE WORLD OF GENIUS

Summary. The article shows a review of lectures cycle from prof. S. V. Chernov with the name «A Mystery of Genius is a Mystery of Man» which dedicated to problems of genius studies. S. V. Chernov offers to the scientific community an original approach based on the view that genius is a transcendental phenomenon, and «a brilliant man is a creator looking for perfection». The expediency and relevance of this series of lectures in the Russian scientific community, especially in the fields of science that study the phenomenon of genius, has been substantiated by sociological arguments. Relevance is caused by prevalence among theoretical models to consideration of genius of biological and genetic approaches and absence of the transcendent approach assuming a providential role of geniuses in human history, cultural and scientific spheres. The scientific novelty of this publication is that with the help of information technologies (IT) social ideas about the phenomenon of genius in Russian society were collected and typologized as of July 2019. A sample of 10,067 requests per month was analyzed.

Key words: genius, review, lectures cycle, Sergei Vasilevich Chernov, transcendent approach to genius, genius as seer, information technologies, Yandex Wordstat, typologization.

С 30 марта 2019 года по 22 июня 2019 года в Федеральном музее профессионального образования, филиале Московского политехнического университета в городе Подольске, в Каминном зале Усадьбы Ивановское прошёл цикл лекций профессора Сергея Васильевича Чернова, посвящённый теме гениальности и носящий название «Тайна гения — тайна человека» [14].

Цикл состоял из семи лекций, на протяжении которых автор цикла поэтапно проводил «расколдовывание мира» [2, с. 713] представлений о гениальности, систематически трансформируя образ данного духовного, культурно-исторического и социального явления. Прежде всего, видим необходимым сказать о причинах, побудивших взяться за написание данной статьи, а также о том, почему данная тема представляет значимость для современного российского общества.

Для реализации последнего обратимся к статистике программы (WEB-приложения) «Яндекс. Вордстат», которое показывает, сколько пользователей «Яндекса» ежемесячно проявляют интерес к данной теме. В рамках статьи, под понятием «пользователь» подразумеваются индивиды, использующие поисковую строку в Интернете как инструмент для нахождения необходимой

информации. Мы видим (см. рис. 1), что запрос «гениальность» в период с 22.06.2019 по 22.07.2019 суммарно набирали 10 067 раз [16]. Стоит отметить, что это не означает, что им интересовалось именно столько пользователей «Яндекса», поскольку данная статистика фиксирует лишь число обращений, а не уникальных пользователей. Так, например, какой-либо исследователь феномена гениальности мог ежедневно проявлять интерес к данной теме, отслеживая новые материалы по ней, что могло зафиксироваться в статистике, допустим 45–50 запросами в месяц.

Добавим. Набираемый запрос мог иметь разные окончания, например, мог иметь следующую полную форму: «гениальности», «гениальностью» и т.п. Наконец, данная статистика не представляет всю совокупность пользователей Интернета, поскольку, помимо «Яндекса» существует «Google», и примерно половина пользователей российского Интернета [17] пользуется им, что позволяет справедливо помножить цифры в таблице в 1,5–2 раза.

Как правило, статистика по каждому запросу в отдельности мало что скажет любознательному исследователю, поэтому имеет смысл предварительно

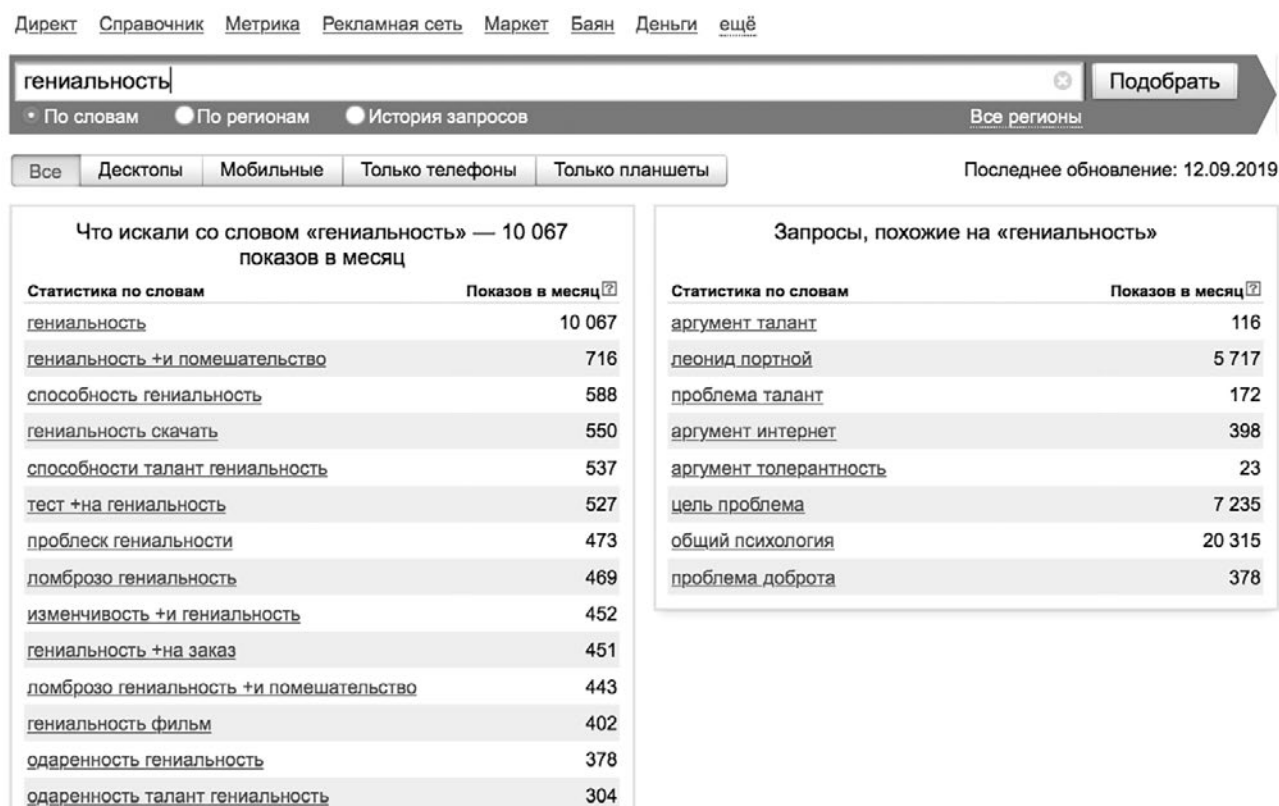

Рис. 1. Суммарное количество запросов, связанных с тематикой гениальности (запрос «гениальность»), которые набирались в Интернете («Яндекс», 22.06.2019–22.07.2019)

провести типологизацию наблюдаемых в ней запросов. Также, в случае высокой заинтересованности данной темой, полезно повторить то же самое с запросом «гений», представляющим собой более часто набираемый запрос (252 518 запросов с 22.08.2019 по 22.09.2019) и являющийся менее специализированным в научной среде.

Содержание и структура цикла лекций «Тайна гения — тайна человека»

Цикл лекций «Тайна гения — тайна человека» состоял из семи лекций, задача каждой из которых была в поэтапном раскрытии феномена гениальности в его духовном, культурно-историческом и социальном аспектах и, в том числе, на примерах творческой жизни выдающихся гениальных личностей среди которых: религиозный гений-творец Св. ап. Павел, Преподобный Андрей Рублёв, философы-мыслители Бенедикт Спиноза, Блез Паскаль, Артур Шопенгауэр, Вл. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, художники-мыслители Леонардо да Винчи, Поль Гоген, В. В. Кандинский [9]. Содержание лекций было следующим.

1. **«Парадоксы гениальности».** В данной лекции С. В. Чернов рассказывал о трёх наиболее показательных парадоксах гениальности, в какой-то степени их даже можно назвать мифами о жизни гениев. Примерами для аргументации утверждений в данной лекции служили творческие биографии и высказывания писателей А. С. Пушкина, А. А. Блока и Оноре де Бальзака, психолога А. Анастаси, философа Вл. С. Соловьева и учёного М. В. Ломоносова;

2. **«Способности. Талант. Гениальность».** В данной лекции С. В. Чернов давал определения трём уровням предметного мастерства индивида — одарённости, таланту и гениальности — и описывал соотношения между ними. В этой же лекции автор цикла сформулировал следующее определение гениальности: «Гений есть создатель, ищущий совершенства». Примерами для аргументации утверждений служили творческие биографии и умозрения философов-мыслителей А. Шопенгауэра и О. Вейнингера, писателей А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева, учёного-энциклопедиста и мыслителя М. В. Ломоносова, музыкантов В. С. Высоцкого и А. Хаделиха;

3. **«Провиденциальность. Святость. Гениальность».** В данной лекции С. В. Чернов провел типологизацию духовной жизни индивида и представил три духовные вершины — провиденциаль-

ность, святость и гениальность — тем самым обозначив гениальность как один из пиков человеческого (в его духовном аспекте), жизненно-творческого мастерства. Примерами для аргументации утверждений служили биографии и высказывания русских философов-мыслителей Вл. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и Св. Апостола Павла [10];

4. **«Образ личности гения».** В данной лекции С. В. Чернов выделил три основных атрибута гениальной личности — 1) феномен поступка, раскрывающий волю к гениальности; 2) творческий дар гения; 3) призвание-назначение гения — тем самым показав слушателям, что именно отличает истинного гения от эволюционно предшествующих, двух других уровней предметного мастерства, т. е. одарённости и таланта. Примерами для аргументации утверждений служили творческие биографии и высказывания философа Б. Спинозы, писателя Оноре де Бальзака [8], художников П. Гогена и В. В. Кандинского;

5. **«Творческий дар и призвание-назначение гения».** В данной лекции С. В. Чернов рассматривал гениальность как духовное дарование и способ выражения универсальных идей *благого* (любовь), *возвышенного* (истина), *прекрасного* (красота). Автор цикла также сформулировал три смысла иконы «Святая Троица» и предложил вниманию слушателей оригинальный социологический закон гениальности. Примерами для аргументации утверждений в данной лекции служили произведения преподобного Андрея Рублёва (прежде всего, содержательный смысл его иконы «Святая Троица»), Св. апостола Павла и Св. апостола Иоанна Богослова, писателя Оноре де Бальзака, художника В. В. Кандинского;

6. **«Триадическая диалектика гениальности».** В данной лекции С. В. Чернов ввёл концепцию трех типов ума (созидательно-творческий, позитивно-изобретательский и утилитарно-практический), а также обозначил шесть признаков гениальной идеи. Примерами для аргументации утверждений служили произведения и высказывания преподобного А. Рублёва, философов Платона, Плотина, И. Канта, поэта К. Н. Батюшкова;

7. **«От познания гениальности к самосовершенствованию».** В данной лекции С. В. Чернов представил вниманию слушателей *трёхуровневую концептуальную модель проявления гениальности в творческой жизни человека* и *трёхуровневую антропологическую модель гениальности*, представив здесь личностные типы человека как творца. Примерами для аргументации служили творческие биографии и высказывания

писателей А.С. Пушкина и А.А. Блока, философа Н.А. Бердяева.

Примечательно, что по всему циклу лекций, точно «золотой нитью», проходит число три, определяющее следующие *содержательно-смысловые триады*:

– три парадокса гениальности: 1) «за гениальность принимают то, чем она в действительности не является»; 2) «гениальные люди — это самые малоспособные из всех человеческих существ»; 3) «гениальные люди не признаются, выдавливаются, а в худшем случае уничтожаются обществом» [подр. см.: 13];

– три уровня предметного мастерства личности: *одарённость, талант, гениальность* [подр. см.: 14, с. 63];

– три вершины духовной жизни: *провиденциальность, святость, гениальность*;

– три атрибута гениальной личности: *парадоксальность, универсальность, вневременность* [подр. см.: 14, с. 66–70];

– три смысла иконы «Святая Троица»: 1) «как самобытно-уникальное иконописное выражение сущности духовного ведения»; 2) «как ярчайшая эманация русского религиозного сознания»; 3) «как выдающееся по своему провиденциальному, нравственному, творческому значению произведение искусства» [подр. см.: 8, с. 102–103];

– три типа ума: *созидательно-творческий, позитивно-изобретательский, утилитарно-практический* [подр. см.: 13, с. 1757–1758; 14, с. 62–65];

– три уровня в антропологической модели гениальности: 1) «созидатель, мыслитель, художник»; 2) «первооткрыватель, первопроходец, первовидец»; 3) «изобретатель, исследователь, проповедник» [подр. см.: в 7, с. 51–52].

И эта указанная триадность не случайна, а закономерна, поскольку автор цикла лекций опирается в своих исследованиях на *триадическую диалектику гениальности*, раскрытую и представленную им в одной из своих статей [14].

Типологизация заинтересованности явлением гениальности

Итак, приступим к типологизации имеющихся запросов (см. табл. 1). Нам удалось суммарно насчитать 17982 ключевых запроса со словом «гениальность», причём статистику по самому слову (10067 запросов/мес.) мы не брали, поскольку оно крайне неоднозначно и несёт в себе одновременно несколько подзапросов (смыслов, вкладываемых пользователями).

Нами была проведена типология запросов по шести основаниям, а именно:

1) *тип научного подхода*, то есть то, с позиции какой научной парадигмы рассматривается феномен гениальности. Исходя из первичных данных, нами были обнаружены только два научных подхода: биологический и генетический;

2) *Ф.И.О. идеолога*, поскольку было замечено, что 44,3% от всех запросов со словом «гениальность» опираются на фамилии ряда конкретных авторов либо названия их работ (монографий или др. произведений), что представляет собой отдельное основание для выделения типа, требующее тщательного рассмотрения. Под понятием «идеолог» подразумевается лидер мнений, который формирует общий образ отношения к феномену гениальности среди российского социума;

3) *уровень источника информации*. Поскольку 62,2% от всех запросов связаны с поиском научных либо художественных форм подачи информации (книгами, фильмами, видео-лекциями и т.д.), то это обоснованно требует выделения в качестве отдельного типа. Стоит также отметить, что мы выделили данное основание ещё и для того, чтобы понять, к какому качеству (уровню) информации стремятся индивиды, чтобы познать тему гениальности. Ведь художественные и научные работы в корне отличаются друг от друга: для первых более характерно некоторое приукрашивание и идеализация действительности, тогда как для вторых, наоборот, максимально объективная оценка происходящего;

4) *тип источника информации: широкий тип*. Здесь мы намеревались выявить то, посредством каких форм подачи информации индивиды, чаще всего, формируют представление о гениальности (с помощью книг, видео, статей или т.п.);

5) *тип источника информации: специальный тип*. Данное основание отражает то же, что и в п. 4 данного упорядоченного списка (см. выше), но только с большей степенью детализации;

6) *интересующий аспект гениальности*. Данное основание является финальным и учитывает некоторые предшествующие основания. Оно позволяет понять, какие именно цели, как правило, преследует индивид, обращаясь к поисковой строке «Яндекса», какой вопрос или проблему он хотел бы для себя разрешить, интересуясь тематикой гениальности.

С детализацией первичных данных, на основе которых была проведена типологизация, можно ознакомиться по ссылке в конце настоящей работы [6].

Таблица 1.

Контент-анализ первых 100 запросов «Яндекса» с ключевым словом «гениальность»
в период с 04.07.2019 по 04.08.2019 (с типологизацией запросов)

№	Название	Показов в мес. (ед.)	Показов в мес. (%)
1	Тип научного подхода		
1.1	Отсутствует	12991	72,24
1.2	Биологический	4745	26,39
1.3	Генетический	246	1,37
2	ФИО идеолога		
2.1	Отсутствует	10016	55,7
2.2	М. Леви	2975	16,54
2.3	Ч. Ломброзо	2952	16,42
2.4	С.В. Савельев	1489	8,28
2.5	Т.В. Черниговская	304	1,69
2.6	В.П. Эфроимсон	246	1,37
3	Уровень источника информации		
3.1	Отсутствует	6798	37,8
3.2	Художественный	6193	34,44
3.1	Научный	4991	27,76
4	Тип источника информации: широкий тип		
4.1	Книга	7255	40,35
4.2	Статья	5894	32,78
4.3	Видео	3383	18,81
4.4	Отсутствует	1052	5,85
4.5	Игра	398	2,21
5	Тип источника информации: специальный тип		
5.1	Отсутствует	6666	37,07
5.2	Науч. книга	4280	23,8
5.3	Худ.книга	2975	16,54
5.4	Худ.фильм	2672	14,86
5.5	Науч. видео	711	3,95
5.6	Комп. игра	398	2,21
5.7	Худ.цитаты	280	1,56
6	Интересующий аспект гениальности		
6.1	Ненаучные источники информации о гениальности	6461	35,93
6.2	Точка зрения ученых о гениальности	4991	27,76
6.3	Понятие гениальности	4232	23,53
6.4	Как определить гениальность в себе	949	5,28
6.5	Использование понятия «гениальность» не по назначению	636	3,54
6.6	Методики развития гениальности	326	1,81
6.7	Интерес к гениальности выдающихся индивидов	216	1,2
6.8	Гениальность у ребенка	171	0,95
6.9	Отсутствует	0	0

Интерпретация типологизации интереса к явлению гениальности

Поскольку цикл лекций С.В. Чернова был опубликован и на настоящий момент присутствует не в вакууме, а во вполне конкретном историческом, российском отрезке времени, то самое первое, на что следует обратить внимание — это то, что в Интернете не представлен ни один автор, который бы рассматривал феномен гениальности не с только с позиции биологического (4 745 запросов/мес.) или генетического (246 запросов/мес.) строения выдающихся индивидов, а с позиции их *трансцендентной, провиденциальной роли для социума*. Именно поэтому оригинальные исследования С.В. Чернова, осуществляемые им в данной тематике на протяжении более чем 17 последних лет [12], заслуживают внимания и интеграции с текущими социальными и, в особенности, научными представлениями о гениальности.

Следующее, на что следует обратить внимание, — это соотношение запросов между художественными и научными источниками данных о гениальности. Результаты контент-анализа ключевых слов указывают на долевое превосходство художественно оформленного, идеализированного типа информации над научным типом, на превосходство кажущейся иллюзии над действительными фактами, что свидетельствует о преобладающем желании индивидов смотреть на феномен гениальности как на нечто чудесное, нежели реалистичное. Так, например, уровень художественных произведений, включающий в себя художественные книги, художественные фильмы, цитаты из художественных произведений и использование понятия «гениальность» в компьютерных играх, имеет долю 6 193 запроса/мес., тогда как уровень научный имеет лишь 4 991 запросов/мес., что соответствует пропорции 1,24 к 1.

Тенденция к использованию индивидами художественных произведений для сознательного или бессознательного формирования представлений о гениальности присутствует не только на уровне общих запросов, но и на уровне их стремления узнать точку зрения идеологов в тематике гениальности. Например, об авторе М. Леви на просторах русскоязычной Сети (или т.н. «Рунета»), в рамках, представленных в «Google» первых 10 сайтов, невозможно найти хотя бы какие-либо сведения об уровне образования данного автора. В самом названии его книги «Гениальность на заказ: Лёгкий способ поиска нестандартных решений и идей» [4], а также содержании глав можно

видеть, что её автор не опирается на позицию какой-либо из существующих научных школ, а, скорее, целенаправленно занимается профанацией мировоззрения читателей в отношении данного вопроса, преподнося гениальность как результат познания и применения в жизни неких «лёгких способов». Как следствие М. Леви (2 975 запросов/мес.) идет практически наравне с классиком научного, биологического подхода к исследованию феномена гениальности, Ч. Ломброзо (2 952 запросов/мес.).

Здесь важно отметить, что С.В. Чернов в ряде своих работ показал серьёзную опасность профанирования *идеи гениальности* путём подмены этой идеи «лёгкими способами» достижения успеха, или наречения именем гения лиц, которые гениями не являются [7, 13, 14], а также выявил серьёзные противоречия в психопатической теории гениальности Ч. Ломброзо и его последователей. «Связь гения с патологией, — пишет С.В. Чернов, — это *связь не вероятно-положительная* — как это пытались представить и Чезаре Ломброзо... и Эрнст Кречмер... и Макс Нордау... и другие сторонники психопатической теории гениальности, — а напротив, — это *прямая отрицательная связь*. Или, другими словами, гениальность, как реализация истонно заложенного в человеке *творческого дара* *вкуне с осознанным им самим призванием-назначением*, и есть, по сути, преодоление психопатического начала, которое, возможно, также гнездится в каждом человеке. Последнее со всей очевидностью подтверждается лавинообразным наступлением *массовой психопатии вырождения человечности*, в её провиденциальных, нравственных и творческих проявлениях [11, с. 16–17]. В своих лекциях проф. Чернов аргументированно показал слушателям правомерность представленных здесь положений.

Феномен гениальности в контексте технологических достижений

Позвольте Вам показать (см. рис. 2) различные ракурсы изображения лица ребёнка, полностью спроектированного с помощью компьютерных технологий [19]. Взгляд на данное изображение позволяет справедливо заметить, что человечество достигло той стадии развития, когда стало способным моделировать внешние формы себе подобных, причём со значительно более высокой степенью детализации и точности, чем это можно видеть в работах мировых художественных классиков, будь то Леонардо да Винчи, Поль Гоген и др.

Рис. 2. 3D-модель ребенка, полностью созданная с помощью информационных технологий в программе «Autodesk 3ds Max».

Причём человечество научилось не только проектировать, но и делать первые шаги к оживлению себе подобных, что выражается в анимировании персонажей, и даже моделировать различные пути их жизненных обстоятельств. Чтобы в этом убедиться, достаточно посетить кинотеатр, сеанс любого 3D-фильма, например, «Король Лев» (*пер. с англ.* «TheLionLing») [18], где минимизировано участие актёров, а все герои спроектированы с помощью 3D-технологий. Либо можно посетить любой компьютерный клуб, где игроки ежечасно выбирают судьбы своих героев, проходя всё новые уровни компьютерной игры.

Однако данный пример был приведён не для того, чтобы умалить масштаб гениальности вышеперечисленных деятелей художественных искусств. Напротив, данный пример призван акцентировать внимание читателя на том, что именно составляет секретный элемент, отличающий живого человека от иллюзорной проекции такового. Этим элементом является т.н. «дух», понятие наиболее характерное для направления социологии религии [3, с. 25]. В зависимости от научного направления познания действительности и состоявшегося в ней понятийного аппарата, данный термин может обозначаться по-разному. Но именно то, что за ним стоит, на наш взгляд, составляет то самое, без чего изучение феномена гениальности, становится невозможным.

Невозможно технологически запрограммировать результат музыкальной гениальности

В.А. Моцарта или И.С. Баха. Невозможно спроектировать индивида, способного создавать такого уровня литературные творения, которые подобны литературной гениальности Л.Н. Толстого или А.С. Пушкина. Однако невозможно это лишь до тех пор, пока мы не начнём иметь всех необходимых вводных данных, требующихся для подобного творения.

Таким образом, автор данной статьи исходит из гипотезы, что программирование гениальности есть явление возможное и свободно реализующееся уже на протяжении множества веков, где каждый век рождается плеяда выдающихся индивидов: А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, К.Э. Циолковский, Д.И. Менделеев и др. Но данное конструирование, на наш взгляд, возможно лишь на более высоких уровнях осмысления действительности. Ведь подобно тому, как не окрепший в должной степени ребенок не способен спроектировать величественное высотное здание, входящее в структуру «Moscow City» (совокупность самых высоких архитектурных сооружений в г. Москва), так и не прошедший большого количества ступеней эволюции индивид не способен спроектировать не просто физическое тело, а целое живое существо, у которого есть свободная воля выбора и которое обитает в таких условиях существования, где разные векторы развития приводят к эволюции либо в одном направлении, либо в другом, а то и, наоборот, ведут к деградации.

Историческая роль цикла лекций «Тайна гения — тайна человека»

Довольно сложно рассуждать об исторической роли того или иного социального явления при невозможности обозреть его в ближайшей и, тем более, удалённой перспективе. Однако уже сейчас мы можем видеть несколько новых идей, которые присутствуют в привнесённом исследовательском вкладе проф. С.В. Чернова:

1) в цикле лекций «Тайна гения — тайна человека» впервые предлагается системный подход к исследованию гениальности, что требует представить гениальность как категорию *духовную, культурно-историческую и антропологическую*, фактически определяющую *сущность человека*, и его *природу* не только как существа биологического, психологического и социального, но прежде всего, как *существа духовного*. В свою очередь культурно-исторический подход к исследованию гениальности требует наделять именем гения конкретных личностей лишь по прошествии длительных, исторических периодов времени, измеряемых даже не десятилетиями, а столетиями и тысячелетиями;

2) исследователь С.В. Чернов предложил в качестве основного метода исследования явления гениальности метод, определенный автором как «*характерология гениальности*». В основе метода лежит идея, что гениальность должна исследоваться только посредством комплексного изучения *творческого пути, творческой деятельности и творческого наследия* конкретных гениально-одарённых личностей, учитывая при этом записанные самими гениальными людьми мысли и идеи, приоткрывающие завесу тайны человеческого гения.

Не будем утверждать, что данная идея является совершенно новой, поскольку ещё в 1994 г. Г.С. Альтшуллером [1], др. исследователем феномена гениальности, в монографии «Как стать гением» был применён схожий подход. Г.С. Альтшуллер исследовал гениальность посредством выявления и систематизации основных личностных качеств и образа жизни выдающихся индивидов, способствующих сохранению «следов» гениев в истории общества.

Однако если Г.С. Альтшуллер исследовал происхождение гениальности преимущественно в сфере создания технических изобретений, то С.В. Чернов обратил внимание слушателей на гениальность в области не только технических наук (М.В. Ломоносов), но и в сфере гуманитарного знания (Н.А. Бердяев), а также в областях создания

произведений искусства (Леонардо да Винчи, Поль Гоген, Оноре де Бальзак) и религиозно-духовного просвещения человека (Св. ап. Павел). Последнее, исходя из объема текущих, имеющихся исследований по данной тематике, безусловно, дополняет интеллектуальное и культурное российское наследие;

3) подход автора цикла лекций в корне отличается от всех предшествующих ныне известных подходов к изучению гениальности. Речь идёт о биологическом и генетическом подходах. С.В. Чернов анализирует гениальность не как результат сочетания эволюционно наиболее приспособленных генов или структур мозга, а как явление *трансцендентального порядка бытия*;

4) также подход С.В. Чернова отличен и в предлагаемых им для исследования гениальности *качественных индикаторах*. В работе С.В. Савельева, сторонника биологического подхода, прослеживается следующее отношение к феномену гениальности: «Только к концу XVIII в. появились первые естествоиспытатели, которые пытались отыскать в проблеме [гениальности] что-либо более материальное, чем вера в чудеса или манипулирование словами. Родоначальником научного направления в изучении способностей человека стал Франц Иосиф Галль (Franz Josef Gall, 1757–1828). Ф.И. Галль первым попытался доказать, что все психические функции человека обусловлены мозгом» [5, с. 5]. Да, это действительно, так: гениальность проявляется в нейрофизиологии индивида. Однако, авторский подход С.В. Чернова обращает внимание не только на творческую деятельность гениев, но и на их отношение к социуму, отношение к творческой деятельности, морально-нравственные качества и т.д.;

5) С.В. Чернов настаивает и приводит тому соответствующие факты и аргументы, что гениальность — это категория не только историческая, но и категория нравственная, а *провиденциальность, нравственность и творчество* есть такие же сущностные признаки (атрибуты) гениальности, как и *универсальность, парадоксальность и вневременность* [подр. см.: 13, с. 1758–1761; 14, с. 66–70]. Это, пожалуй, важнейший вклад автора в систему новых (оригинальных) представлений о природе и сущности гениальности.

Выводы

1. Мы видим, что цикл лекций С.В. Чернова «Тайна гения — тайна человека», так же как его исследовательские разработки в области гениальности, актуальны для общества и обладают науч-

ной новизной, что обусловлено отсутствием в российском, научном сообществе трансцендентного подхода к анализу гениальности, предлагаемого автором цикла лекций.

2. Общественные представления о гениальности, исходя из результатов типологизации, в большинстве случаев, носят поверхностный характер и опираются не на научные источники, а на художественные.

3. Предлагается рассмотреть гипотезу, что гениальность есть явление прогнозируемое и поддающееся частичному, вероятностному расчёту, что оно напрямую связано с социальным заказом в обществе на определённом отрезке его развития и его потребностью в прогрессе. Однако для учёта и анализа всей совокупности индикаторов, влияющих на судьбу гения — множественность которых

свойственна для всякой сложной, динамической системы, каковой является социум — требуется иметь доступ к более высокому уровню мышления, пока не доступному человеку на текущем этапе эволюционирования.

4. Отдельную благодарность следует выразить С.В. Чернову за высокий уровень и мастерское проведение цикла лекций: на протяжении всего цикла звучала чистейшая, лекторская речь, что позволяло слушать каждую лекцию, подобно фортепианной сонате В.А. Моцарта, звучащей в летний, солнечный день (Mozart, Sonata F-dur 12, K. 332). Данный цикл лекций по праву достоин того, чтобы быть опубликованным и занимать высокие позиции на видеохостинге «YouTube» — главном информационном хранилище видеоматериалов в эпоху информатизации общества.

Список литературы

1. *Альтшуллер Г.С., Верткин И.М.* Как стать гением: Жизненная стратегия творческой личности. — Мн.: Беларусь, 1994. — 479 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ.ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
3. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. — 2-е изд., доп. и испр. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. — 656 с. (Серия «Книга света»).
4. *Леви М.* Гениальность на заказ: Лёгкий способ поиска нестандартных решений и идей. 2-е изд. / Пер. с англ. О. Мацака. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 224 с.
5. *Савельев С.В.* Изменчивость и гениальность. — М.: ВЕДИ, 2012. — 128 с.: ил.
6. *Мосолов Р.В.* Типологизация интереса к феномену гениальности в России по данным «Яндекс. Вордстата» с 22.06.2019 по 22.07.2019. Таблица первичных данных // URL: <https://yadi.sk/i/wy4J7DXF7ugPVw> (дата обращения: 22.09.2019).
7. *Чернов С.В.* История гениальности в России. Книга первая: Университет всяя Руси. Монография. — М.: Издательство Института Непрерывного Профессионального Образования, 2017. — 422 с. — (Серия «Ломоносовский проект»).
8. *Чернов С.В.* Образ личности гения. Искатели совершенства // *Философская школа*. — 2017. — № 2. — С. 72–105. DOI: 10.24411/2541-7673-2017-00020.
9. *Чернов С.В.* Образ личности гения. Искатели совершенства. Часть II // *Философская школа*. — 2018. — № 4. — С. 106–132. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10420.
10. *Чернов С.В.* Образ религиозного гения-творца: Св. Апостол Павел // *Философская школа*. 2019. — № 8. — С. 11–21. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10814.
11. *Чернов С.В.* О противоречиях психопатической теории гениальности // *Философская школа*. — 2019. — № 7. — С. 11–19. DOI: 10.24411/2541-7673-2019-10701.
12. *Чернов С.В.* О творческом назначении человека // *Философия и культура*. — 2011. — № 1(37). — С. 41–49.
13. *Чернов С.В.* Проблема гениальности в контексте философской антропологии // *Философия и культура*. — 2013. — № 12(72). — С. 1757–1769. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.9382.
14. *Чернов С.В.* Триади́ческая диалектика гениальности // *Философская школа*. — 2018. — № 6. — С. 61–73. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10643.
15. *Чернов С.В.* Тайна гения — тайна человека: парадоксы гениальности [Электронный ресурс] // URL: <https://institutnpo.ru/science/sobytiya/381-chernov-s-v-issledovatel-genialnosti-ob-ideale-tvorcheskom-dare-i-bozhej-iskre> (дата обращения: 24.07.2019).
16. Яндекс Вордстат. Запрос «гениальность» [Электронный ресурс] // URL: <https://wordstat.yandex.ru/#!/?words=гениальность> (дата обращения: 23.07.2019).
17. GfK. Проникновение Интернета в России (пресс-релиз) [Электронный ресурс] // URL: https://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2018/GfK_Rus_Press_Release_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (дата обращения: 22.09.2019).
18. IMDb. The Lion King [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imdb.com/title/tt6105098> (дата обращения: 05.08.2019).
19. Turbo Squid. Ben 2_3D model by dmk76 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.turbosquid.com/3d-models/boy-kid-child-3d-model-1342378> (дата обращения: 24.07.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРОНОВ Аркадий Алексеевич — доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор (Москва, Россия).

ГЕРАСИМОВ Никита Геннадьевич — юрист, Подольская коллегия адвокатов (Подольск, Россия).

ГЛЯНЦЕВ Сергей Павлович — доктор медицинских наук, профессор, профессор Национального медицинского исследовательского центра сердечно-сосудистой хирургии имени А. Н. Бакулева Минздрава России (Москва, Россия).

ДУДИН Сергей Владимирович — младший научный сотрудник Института Непрерывного Профессионального Образования, педагог дополнительного образования ГБОУ Школа № 1474 (Москва, Россия).

КИРЮШКИНА Виктория Викторовна — кандидат исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры «История Отечества и культуры» Саратовского государственного технического университета имени Ю. А. Гагарина. Научные интересы: становление авторского самосознания в истории западноевропейской культуры, европейская культура долгого XVIII в., культура Англии долгого XVIII в., концепции творчества в западноевропейской культуре долгого XVIII в. (Саратов, Россия).

КОЛОМИЕЦ Галина Григорьевна — доктор философских наук, профессор, профессор Оренбургского государственного университета (Оренбург, Россия).

МОСОЛОВ Роман Валерьевич — бакалавр социологии, магистрант 1 курса Высшей школы информационных технологий и интеллектуальных систем Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия).

НАССОНОВ Михаил Сергеевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Пермской государственной фармацевтической академии Министерства здравоохранения Российской Федерации (Пермь, Россия).

ПЕКЕЛИС Михаил Абрамович (Михаил Пластов) — доктор философских наук (МВАК), доктор богословия (МВАК), кандидат физико-математических наук, профессор, ректор Берлинского Междисциплинарного Университета имени Гёте, член Президиума Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР, председатель редакционного совета журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ПОЧЕКИНА Ольга Геннадьевна — заведующая методическим отделом Федерального музея профессионального образования, член Союза журналистов России, обладатель медали Международного союза музыкальных деятелей (Подольск, Россия).

ЧЕКРЬКЧИЕВА Наталия Григорьевна — заведующая экскурсионно-просветительским отделом Федерального музея профессионального образования, Почётный работник сферы воспитания детей и молодёжи Российской Федерации, Почётный работник начального профессионального образования Российской Федерации (Подольск, Россия).

ЧЕРНОВ Сергей Васильевич — кандидат педагогических наук, доктор философских наук (МВАК), профессор, Ректор Института Непрерывного Профессионального Образования, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии, член-корреспондент Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ЧЕРНОВА Надежда Михайловна — педагог, поэтесса, литературный редактор журнала «Философская школа» (Москва, Россия).

ABOUT THE AUTHORS

ARONOV Arkady — Grand PhD in Cultural sciences, Grand PhD in Pedagogical sciences, Professor (Moscow, Russia).

GERASIMOV Nikita — lawyer, Podolsk Collegium of Advocates (Podolsk, Russia).

GLYANTSEV Sergey — Grand PhD in Medical sciences, Professor, Professor in A.N. Bakulev National Medical Research Center of Cardiovascular Surgery of the Ministry of Health of Russia (Moscow, Russia).

DUDIN Sergey — junior researcher in Institute of Continuous Professional Education, teacher of continuing education SBEI School No. 1474 (Moscow, Russia).

KIRYUSHKINA Victoria — PhD in Historical sciences, Grand PhD in Cultural sciences, Professor of department of History of the Fatherland and Culture in Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin. Scientific interests: the formation of author's identity in the history of Western European culture, European culture of the long 18th century, the culture of England of the long 18th century, concepts of creativity in Western European culture of the long 18th century. (Saratov, Russia).

KOLOMIETS Galina — the professor of Philosophy department of the Orenburg state university, the Doctor of Philosophy, the professor (Orenburg, Russia)

MOSOLOV Roman — Bachelor in Institute of Social and Philosophy Sciences, Faculty of General and Ethical Sociology, and 1th Course Master Student in Higher School of Information Technology and Information Systems in Kazan Federal University (Kazan, Russia).

NASSONOV Mikhail — PhD in Philosophical sciences, associate professor in the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines in the Perm State Pharmaceutical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation (Perm, Russia).

PEKELIS Michael (Michael Plastov) — Grand PhD in Philosophical sciences, Grand PhD in Divinity, PhD in Physical-mathematical sciences, Professor, rector of Berliner Interdisziplinäre Goethe-Universität, a member of the Presidium in Russian Academy of Natural Sciences (Moscow, Russia).

POCHEKINA Olga — head of the methodological department in the Federal Museum of Professional Education, member of the Union of Journalists of Russia, winner of a medal of the International Union of Musical Figures (Podolsk, Russia).

CHEKRKCHIEVA Natalia — head of the excursion and educational department in the Federal Museum of Professional Education, honorary worker in the field of education of children and youth of the Russian Federation, honorary worker of primary professional education of the Russian Federation (Podolsk, Russia)

CHERNOV Sergey — PhD in Pedagogic sciences, Grand PhD in Philosophical sciences, Professor, rector of Institute of Continuous Professional Education, head of Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, editor-in-chief in journal "Philosophical school" (Moscow, Russia).

CHERNOVA Nadezhda — teacher, poetess, literary editor of the journal Philosophical School (Moscow, Russia).

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛА «ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА»

Журнал является полидисциплинарным и полиаспектным научно-практическим изданием, синтезирующим на своих страницах широкий спектр направлений и форм оригинальной творческой мысли, а по тематике он философский, культурологический, психологический и педагогический.

Миссия журнала «Философская школа»: объединение авторов, имеющих темы для содержательного дискурса, оригинальные исследовательские разработки и проблемы для всестороннего обсуждения, а также задел для философского вопрошания и всеобъемлющей рефлексии человеческого и общественного бытия, с целью духовно-нравственного совершенствования человека посредством созидательного творческого труда в деле сохранения и утверждения ценностей духовной культуры.

Журнал не преследует иных целей, кроме указанных выше, в том числе и коммерческих, поскольку коммерциализация философии, науки, образования, культуры и религии не несёт под собой ничего, кроме уничтожения названных форм духовной жизни человека.

В журнале публикуются статьи на русском языке по направлениям: философия истории, философия культуры, философия науки, философия образования, философия веры, прикладная философия, история философии, в том числе, история русской религиозной философии, философия искусства, психология и педагогика, этика и эстетика, культура и искусствоведение, философская поэзия и философская проза, а также научно-методологические работы по фундаментальным проблемам человека, природы и общества.

Приветствуются работы авторов, выполненные на стыке философии и науки; фундаментальные исследования, интегрирующие различные научные направления и подходы; статьи, раскрывающие ключевые проблемы современности; актуальные психолого-педагогические исследования, кроме тех, которые носят узкоспециализированный характер.

Для публикации в журнале принимаются научные статьи российских и зарубежных философов, учёных, педагогов, религиозных и культурных деятелей, а также статьи представителей творческих профессий: писателей, поэтов, критиков, публицистов, художников, выполненные в жанре эссе.

К изданию принимаются персоналогические исследования творческой деятельности и творческого наследия выдающихся исторических деятелей, внесших значительный вклад в развитие философии и религии, науки и образования, культуры и искусства.

При этом, главной доминантой издания является тема человека во всём многообразии его проявлений, его настоящего и будущего в нашем быстро меняющемся мире, в котором каждая личность за предельно короткий исторический период, меньший продолжительности одной человеческой жизни, проживает множество мировоззренческих эпох, таких эпох, которые в прежней истории человеческого рода принципиально не изменялись столетиями.

Журнал призван быть настоящей трибуной не только для маститых, но и для ещё совсем молодых авторов, творческая деятельность которых направлена на такие формы человеческого познания, как философия и религия, наука и искусство, культура и образование, а также на вопросы духовного, нравственного, творческого развития и совершенствования человека.

Журнал выходит в свет в печатном издании, а также размещается в полнотекстовом формате на следующих сайтах Интернета:

- Официальный сайт Института Непрерывного Профессионального Образования: <http://www.institutnpo.ru/component/tags/tag/19-filosofskaya-shkola>
- НЭБ (РИНЦ): <https://elibrary.ru/contents.asp?id=37315282>
- ЭНБ «КиберЛенинка»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/filosofskaya-shkola>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Всем опубликованным в журнале статьям присваивается международный индекс DOI (Digital object identifier). Присвоение научному изданию (статье, монографии, диссертации) индекса DOI позволяет оперативно провести идентификацию научных публикаций автора, делает его публикации открытыми и доступными на популярных научных сайтах Интернет, способствует повышению цитируемости работ автора и, соответственно, повышает публикационный рейтинг учёного.

Объём журнала «Философская школа» и структура рубрик диктуют наиболее приемлемый объём статей, принимаемых к публикации. Он должен составлять от 24 до 48 тысяч знаков. По согласованию с главным редактором принимаются статьи либо меньшего, либо большего объёма. В одном номере журнала возможна публикация одновременно нескольких статей от одного автора.

Не принимаются к публикации материалы, напоминающие автореферат. Автор должен продемонстрировать в статье не только хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ учёных, исследовавших его прежде, но привнести своей публикацией определённую научную новизну. Все статьи проходят проверку на плагиат.

К публикации принимаются статьи в формате Microsoft Word любой версии. Шрифт — Times New Roman. Параметры страницы: размер А4, книжной ориентации; выравнивание текста по ширине; поля по 2 см (сверху, снизу, справа, слева).

Красная строка — 1,25 см выставляется автоматически.

Параметры шрифта: шрифт Times New Roman, кегль 12; начертание обычное; междустрочный интервал — одинарный; пробелы между абзацами не допускаются; перенос — не допускается.

Инициалы и фамилия автора: форматирование по центру, пишутся с пробелом, жирным шрифтом, кегль 14, после фамилии точка не ставится.

Наименование статьи: форматирование по центру, кегль 14, жирный, основной. Например: После пробела — учёная степень и учёное звание (при наличии), наименование организации, которую представляет автор статьи, занимаемая автором должность: курсив, кегль 14.

Наименование разделов статьи: выравнивание по центру, кегль 14, жирный, основной.

Дефис и тире: в статье используется обычный короткий дефис: “-” и длинное тире: “—”. Длинное тире устанавливается следующим образом: нажмите и удерживайте “Ctrl” и нажмите “-” (минус) на калькуляторе клавиатуры.

Все иллюстрации, в том числе диаграммы, прилагаются отдельными файлами с разрешением не менее 300 dpi; имена файлов должны быть только в виде цифр, соответствующим порядковому номеру иллюстрации (001.png, 002.jpg, 003.eps, ...); соответствующему файлу в тексте должна быть проставлена ссылка (Рис. 1, Рис. 2, Рис. 3, ...).

Таблицы размещаются в самом тексте рукописи.

Сноски на литературу указываются в квадратных скобках: либо без указания страницы — [12], либо с указанием страницы — [15, с. 271], где первое число — это номер источника по списку литературы, а второе число — указание на номер цитируемой страницы.

Оформление списка литературы: **Список литературы** — шрифт жирный, кегль 14, форматирование по центру, далее после пробела список использованной литературы (по алфавиту), оформленный по ГОСТ 7.1-2003, кегль 12.

Список литературы к статье должен содержать не менее 15 источников (книги, сборники, статьи). Желательно, чтобы автор включал в список литературы ссылки на статьи из предыдущих номеров «Философской школы».

Авторские тексты должны быть тщательно отредактированы. Оргкомитет оставляет за собой право не публиковать неотредактированные статьи, статьи не соответствующие указанным требованиям.

Аннотация и ключевые слова. К статье необходимо приложить аннотацию на русском языке, содержащую от 100 до 200 слов и список ключевых слов (строго 10 ключевых слов). Причём одно ключевое слово может быть составлено из одного, двух или трёх (но не больше) слов. Например, словосочетание

творческая жизнь гения — это одно ключевое слово. Аннотация обязательно должна содержать актуальность работы, описание её главной идеи и формулировку научной новизны.

Сведения об авторе публикуются в отдельной рубрике журнала. Здесь необходимо указать: фамилию, имя и отчество автора (полностью), учёную степень и учёное звание (при наличии), место работы (полное наименование без аббревиатурных сокращений) и должность, занимаемую автором, e-mail автора, почтовый адрес по которому автор хотел бы получить авторские экземпляры (два) журнала, дополнительные сведения, определяющие научные или иные достижения автора (при желании), а также научные интересы автора (при желании)..

Статьи в электронном виде направляются на электронную почту главного редактора журнала Чернова Сергея Васильевича: sv.chernov@institutnpo.ru

www.institutNPO.ru

Уважаемые авторы!

Соблюдая указанные правила оформления материалов, Вы в разы сокращаете сроки выхода вашей статьи из печати. Редакция заранее благодарит Вас!

Научное издание

ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

№ 9 2019

Научно-практический журнал

Тематический выпуск:

ПРОБЛЕМЫ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Автономная некоммерческая организация науки
и дополнительного профессионального образования
Институт Непрерывного Профессионального Образования

Шеф-редактор: *С.С. Антипов*

Главный редактор: *С.В. Чернов*

Председатель редакционного совета: *М.А. Пекелис*

Ответственный секретарь: *Э.М. Спирова*

Заместитель главного редактора: *В.А. Шейкин*

**Издательство Института Непрерывного
Профессионального Образования**

115093, Россия, Москва, 1-й Щипковский переулок, д. 20

Тел. +7 (499) 130-12-27; +7 (909) 640-91-17;

e-mail: sv.chernov@institutnpo.ru

www.institutNPO.ru

ISSN 2541-7673

ISSN 2541-7673

